

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М. П. ДРАГОМАНОВА

На правах рукописи

КОТ Сергей Александрович

УДК 811.161:251

**ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ ПРОПОВЕДИ КАК
ПРАВСТВЕННО-ДУХОВНОГО ЖАНРА СЛОВЕСНОСТИ**

(на материале Православной Рождественской проповеди)

10.02.02 – русский язык

Диссертация

на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Научный руководитель

ИВАНОВА Людмила Петровна,

доктор филологических наук,

профессор

Киев - 2006

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Раздел I. Проповедь как нравственно-духовный жанр словесности	18
1.1. Возникновение и развитие проповеди «На Рождество Христово»	18
1.1.1. 1. Общая характеристика проповеди «На Рождество Христово»	18
1.1.2. Становление проповеди. Ее формы и виды	21
1.1.3. Структура проповеди	25
1.1.4. Развитие Рождественской проповеди	27
1.2. Проповедь как дискурс	30
1.3. Жанровая специфика Рождественской проповеди	48
1.4. Функционально-стилистические особенности Рождественской проповеди	78
1.4.1. Функционально-стилистический аспект	78
1.4.2. Рождественская проповедь сквозь призму публицистического стиля	80
1.4.3. Информативная функция	81
1.4.4. Функция воздействия	83
Выводы к первому разделу	86
Раздел II. Языковые особенности Рождественской проповеди	89
2.1. Собственно вербальный уровень	89
2.1.1. Фонетические особенности Рождественской проповеди	89
2.1.2. Своеобразие лексики Рождественской проповеди	96
2.1.3. Словообразовательная специфика Рождественской проповеди	98
2.1.4. Морфологический уровень	100

2.1.5 Синтаксис Рождественской проповеди	102
2.2. Структура текста Рождественской проповеди и текстовые категории	104
2.2.1. Структурно-смысловое членение текста проповеди	105
2.2.1.1. Участники коммуникативной ситуации	109
2.2.1.2. Категория События.	110
2.2.1.2.1. Процессы.	113
2.2.1.2.2. Факты	116
2.2.1.3. Категория Времени	118
2.2.1.4. Категория Изображаемое Пространство текста	126
2.2.1.5. Категория Оценки	141
Выводы ко второму разделу	150
Раздел III Паралингвистическое оформление проповеди	153
3.1. Паралингвистические особенности Рождественской проповеди	157
3.2.1. Фонационные	159
3.2.2. Мануальные	164
3.2.3. Мимические	165
3.2.4. Пантомимические	166
3.2.5. Ситуационные	167
3.1.5.1. Особенности графики и орфографии Рождественской проповеди	171
3.2.5.2. Акустические паралингвистические средства проповеди	178
3.2.5.3. Обонятельные ситуационные средства	178
3.2.5.4. Тактильные ситуационные средства	181
3.2.5.5. Вкусовые ситуационные средства	181
Выводы к третьему разделу	182
Заключение	184
Приложение	190

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Ам – книга Амоса

Быт – Бытие

Гал – послание к Галлатам

Еф – послание Ефессянам

Иер – Иеремии

ИК – интонационные конструкции

Ин – Евангелие от Иоанна

Ис – Исход

КДА – Киевская духовная академия

Лк – Евангелие от Луки

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь

МДА – Московская духовная академия

Мр – Евангелие от Марка

Мф – Евангелие от Матфея

Отк – Откровение

Прит – Притчи Соломона

Пс – Псалтирь

Рим – послание к Римлянам

Соф – Софонии

ССЦ – сложное синтаксическое целое

СФЕ – сверхфразовое единство

ЦР – церковный регистр

УПЦ – Украинская Православная Церковь

1 Тим – первое послание Тимофею

2 Кор – второе послание Коринфянам

2 Пет – второе послание Петра

ВВЕДЕНИЕ

В современной лингвистике все более пристальное внимание ученых привлекает проблема дискурса. Возникновение теории и практики его анализа связано с рядом тенденций в языкознании 60-70-х годов двадцатого века: стремлением вывести синтаксис за пределы предложения (Б.Палек, Т. ван Дейк, В. Дреслер), разработкой прагматики речи (возникновение и развитие теории речевых актов), подходом к речи как социальному действию, интересом к речевому употреблению и субъективному аспекту речи, общей тенденцией к интеграции гуманитарных исследований, поскольку анализ дискурса – междисциплинарная область знания, в которой наряду с лингвистами имеют свой предмет исследования социологи, психологи, специалисты по искусственному интеллекту, этнографы, литературоведы семиотического направления, стилисты и философы [267,23].

Э. Бенвенист одним из первых придал слову “дискурс”, которое во французской лингвистической традиции обозначало речь вообще, текст, терминологическое значение, определив им «речь, присваиваемую говорящим». Он противопоставлял дискурс объективному повествованию. Непосредственные истоки теории дискурса и методов его анализа следует видеть в исследованиях языкового употребления (немецкая школа П. Хартмана, П. Вундерлиха), в социолингвистическом анализе коммуникации (американская школа Э. Щеглова, Г. Закса), логико-семиотическом описании разных видов текста – политического, дидактического, повествовательного – французский постструктурализм (А. Греймас, Е. Ландовский), в моделировании порождения речи в когнитивной психологии, описании этнографии коммуникации в антропологических исследованиях. Более отдаленные истоки теории дискурса можно видеть в работах М.М. Бахтина. Косвенные отношения связывают теорию дискурса с риторикой, разными версиями учения о функциональных стилях, психолингвистикой, а также разными направлениями в исследовании разговорной речи.

Термин «анализ дискурса» был в 1952 году использован З.З. Харрисом, который пытался распространить дистрибутивный метод с предложения на связный текст и привлечь его к описанию социокультурной ситуации. Позднее этот термин стал ассоциироваться с немецким термином *Textlinguistik*, получившим распространение с середины 50-х годов 20 века. Э. Косериу употребил термин *linguistica del texto*. В настоящее время нет общепринятого толкования термина **дискурс**, под которым понимается «текст» в широком значении. Изучению дискурса посвящено множество исследований, авторы которых трактуют это явление в различных научных системах. Показательна статья С.Слембрука «Что значит „анализ дискурса“?» [347], автор которой привлекает для объяснения сущности этого понятия такие области знания, как аналитическую философию в качестве основания лингвопрагматики, стилистику и социальную лингвистику, лингвистическую антропологию, теорию контекстуализации, культурологию, социологию и этнометодологию. Анализ дискурса и лингвистика текста образуют близкие, а иногда и отождествляемые области лингвистики. Таким образом, анализ дискурса – междисциплинарная область знания, находящаяся на стыке лингвистики, социологии, психологии, этнографии, семиотического направления литературоведения, стилистики и философии. Исследование дискурса осуществляется с различных позиций, но всех ученых объединяют следующие основные посылки:

- 1) статическая модель языка является слишком простой и не соответствует его природе;
- 2) динамическая модель языка должна основываться на коммуникации, т.е. совместной деятельности людей, которые пытаются обменяться идеями и опытом, выразить свои чувства или повлиять друг на друга;
- 3) общение происходит в коммуникативных ситуациях, которые должны рассматриваться в культурном контексте;

4) центральная роль в коммуникативной ситуации принадлежит людям, а не средствам общения;

5) коммуникация включает докоммуникативную и посткоммуникативную стадии;

6) текст как продукт коммуникации имеет несколько измерений, главным из которых являются порождение и интерпретация текста [151,23].

Несмотря на отсутствие четкого определения, разграничивающего термины «дискурс» и «текст», в конце 70-х – начале 80-х годов прошлого столетия наметилась тенденция к их размежеванию, проистекающая из постепенной дифференциации понятий «текст» и «дискурс». Под текстом понимают преимущественно абстрактную, формальную конструкцию, под дискурсом – различные виды ее актуализации, рассматриваемые с точки зрения ментальных процессов и в связи с экстралингвистическими факторами. Ю.С. Степанов рассматривает дискурс как «новую черту в облике языка, каким он предстал перед нами к концу века» [284,81].

П. Серио выделяет восемь значений термина «дискурс»: 1) эквивалент понятия «речь», т.е. любое конкретное высказывание, 2) единицу, по размерам превосходящую фразу, 3) воздействие высказывания на его получателя с учетом ситуации высказывания, 4) беседу как основной тип высказывания, 5) речь с позиции говорящего в противоположность повествованию, которое не учитывает такой позиции, 6) употребление единиц языка, их речевую актуализацию, 7) социально или идеологически ограниченный тип высказываний, 8) теоретический конструкт, предназначенный для исследований условий производства текста [267,26-27].

М. Стаббс выделяет три основные характеристики дискурса: 1) в формальном отношении – это единица языка, превосходящая по объему предложение, 2) в содержательном плане дискурс связан с использованием языка в социальном контексте, 3) по своей организации дискурс интерактивен, т.е. диалогичен. («It refers to attempts to study the organization of

language above the sentence or above the clause, and therefore to study larger linguistic units, such as conversational exchanges or written texts. It follows that discourse analysis is also concerned with language use in social contexts, and in particular with interaction or dialogue between speakers» [348,134-135].

Н.Н. Миронова понимает дискурс как «речевой поток, язык в его постоянном движении, вбирающий в себя все многообразие исторической эпохи, индивидуальных и социальных особенностей как коммуниканта, так и коммуникативной ситуации, в которой происходит общение. В дискурсе отражается менталитет и культура как национальная, всеобщая, так и индивидуальная, частная»[215,58].

Суммируя различные понимания дискурса, М.Л. Макаров предлагает основные координаты, с помощью которых определяется дискурс: формальная, функциональная, ситуативная интерпретации. Формальная интерпретация – это понимание дискурса как образования выше уровня предложения. Функциональная интерпретация – это понимание дискурса как использования языка, т.е. речи во всех ее разновидностях. Ситуативная интерпретация дискурса – это учет социально, психологически и культурно значимых условий и обстоятельств общения [202,68-75].

В.Г. Костомаров и Н.Д. Бурвикова противопоставляют *дискурсию* (процесс развертывания текста в сознании получателя информации) и *дискурс* (результат восприятия текста, когда воспринимаемый смысл совпадает с замыслом отправителя текста) [168,10]. Такое понимание соответствует логико-философской традиции, согласно которой противопоставляются дискурсивное и интуитивное знания, т.е. знания, полученные в результате рассуждения и в результате озарения.

Ф.С. Бацевич предпринял попытку рассмотреть понятие дискурса в пределах двух глобальных подходов, имеющих общие черты с позиции коммуникативной лингвистики. Первое определение «дискурса» вытекает из ситуативного (точнее, культурно-ситуативного) его понимания. Дискурс – это

речь, «погруженная в жизнь». Поэтому термин «дискурс», в отличие от термина «текст», не применяется к древним и другим текстам, связи которых с живой речью не восстанавливаются непосредственно» [33,127]. В таком понимании дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, «за которыми встает особая грамматика, лексикон, семантика, правила словоупотребления и синтаксиса, в конечном итоге – особый мир» [34,124]. Каждый дискурс – это один из возможных миров. Такое понимание этого явления Ф.С. Бацевич условно называет «Дискурс₁» (Д₁).

Дискурс как тип коммуникативной деятельности, интерактивное явление, речевой поток в разных формах его проявления (устной, письменной, внутренней, паралингвистической) осуществляется «в пределах конкретного канала общения и регулируется стратегиями и тактиками его участников» [Там же, 124]. Именно в таком осмыслении ученый рассматривает дискурс как важнейшую категорию общения, поскольку он [дискурс] интегрирует языковые, речевые и интерактивные (прагматические) составляющие. Указанное понимание дискурса можно назвать «Дискурс₂» (Д₂) (см. также Чернявская В.Е.,14,16). Интенциональные влияния участников общения (получение информации, успокоение, ответ на вопрос и т.п.) реализуются в пределах Д₂. Другими словами, в пределах данной важнейшей категории коммуникации формируются конкретные *речевые жанры*, т.е. Д₂ манифестируется речевым жанром. Сам процесс общения некоторыми учёными трактуется как последовательный переход от одного речевого жанра к другому.

В.И. Карасик приводит свое толкование термина дискурс: «Дискурс представляет собой явление промежуточного порядка между речью, общением, языковым поведением, с одной стороны, и фиксируемым текстом, остающимся в «сухом остатке» общения, с другой стороны» [149,231]. С позиции лингвофилософии, дискурс – это конкретизация речи в различных модусах человеческого существования, поэтому правомерно, как считает В.И.

Карасик, выделение делового (утилитарного) и игрового регистров дискурса; назначение первого – ориентировать человека в реальном мире; здесь важны цель и истина для адекватного представления образа реальности и полезного, эффективного действия в ней; назначение второго – освобождение человека от детерминизма природы и себе подобных, речевое лицедейство, опрокидывание устоявшихся стереотипов восприятия и поведения [149, 231].

С позиции лингвистики речи ученый характеризует дискурс как процесс живого вербализуемого общения, характеризующийся множеством отклонений от канонической письменной речи. При этом особое внимание уделяется степени спонтанности, завершенности, тематической связности, понятности разговора для других людей. С позиции социолингвистики, дискурс – это общение людей, рассматриваемое в аспекте их принадлежности к той или иной социальной группе, а также применительно к той или иной типичной речеповеденческой ситуации.

Таким образом, дискурс, понимаемый как текст в ситуации реального общения, допускает различные измерения.

С позиции языкового материала, лексико-грамматической ткани текста, можно анализировать дискурс в аспекте полноты, правильности, логичности высказываний, составляющих рассматриваемый текст, и при таком имманентно-лингвистическом подходе к изучению дискурса исследователь исходит из концепта «правильно построенного дискурса» [149,239] как идеального типа, с одной стороны, и возможных отклонений от этого типа, с другой стороны, вплоть до таких коммуникативных фрагментов, которые лингвистически проанализировать не представляется возможным. Различие между позициями ученых, разделяющих имманентно-лингвистический подход к дискурсу, состоит в том, что одни исследователи полагают, что в качестве образца правильно построенного текста должен приниматься во внимание письменный литературный текст [Гаспаров М.Л.], и в таком случае устная речь с ее отклонениями от норм письменного текста рассматривается

как маркированное явление, в то время как другие ученые наделяют устную и письменную речь равным статусом, полагая, что существуют как текстотип устной речи и отклонения от этого идеального типа, так и соответствующие корреляты письменной речи [Сиротинина О.Б.].

С позиции участников общения (социолингвистический подход), все виды дискурса, по мнению В.И. Карасика [149,239], распадаются на личностно- и статусно-ориентированный дискурс. В первом случае участники общения стремятся раскрыть свой внутренний мир адресату и понять адресата как личность во всем многообразии личностных характеристик, во втором случае коммуниканты выступают в качестве представителей той или иной общественной группы, выполняют роль, предписываемую коммуникативной ситуацией.

Наряду с имманентно-лингвистическим и социолингвистическим подходами к изучению дискурса можно выделить прагмалингвистический подход, суть которого состоит в освещении способа общения в самом широком значении. В этом смысле заслуживает внимания понятие «регистр» в трактовке М. Холлидея: разграничивая вариативные характеристики речи, связанные с личностью говорящего (диалект) и используемыми способами и средствами общения (регистр), ученый выделяет в рамках регистра три важнейших измерения: «поле», обстановка общения – *field of activity* (e.g. science, religion, law), «тональность», стиль дискурса – *tenor – the social role relationships which obtain between the language users in a particular situation* (e.g. teacher-pupil, preacher-congregation, parent-child), «модус», канал общения – *medium used* (e.g. written, spoken, spoken-to-be-written, written-to-be-cited) [342,33]. Детальный анализ различных прагмалингвистических концепций дискурса приводится в монографиях М.Л. Макарова [202] и В.В. Дементьева [111].

Мы придерживаемся понимания дискурса, предложенного Н.Д. Арутюновой в «Лингвистическом энциклопедическом словаре». Дискурс (от

французского discours – речь) – связный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания [195,136-137].

Рассматривая дискурс как текст в совокупности с околотекстовым компонентом, мы считаем, что текст воплощается в определенном жанре, в нашем случае – Рождественской проповеди – жанре словесности религиозного дискурса. Словесность, вслед за Ю.В. Рождественским, понимается нами как совокупность хранимых и воспроизводимых произведений слова [248,19].

Рождественская проповедь уходит корнями в IV век. Бесспорно то, что устная проповедь как первичная форма распространения того или иного учения берет свое начало в ветхозаветные времена. Возникновение и развитие Рождественской проповеди связано с рождением Христа и распространением христианства.

С течением времени Рождественская проповедь видоизменялась, сохраняя при этом свои тематически отличительные и типичные, присущие любой проповеди черты. Рождественская проповедь характеризуется наличием таких свойств, как яркая тематическая выраженность, стабильность строения, ритуальность. Данное положение объясняет обращение всего лишь к 2-м, 3-м примерам при описании той или иной текстовой категории, хотя объем проанализированного материала составляет 315 страниц. Мы полагаем, что Рождественская проповедь представляет собой речевой жанр с присущими ему вербальными и невербальными особенностями.

Речевой жанр как системная единица речи выступает объективным феноменом языковой жизни общества, существуя в сознании носителей языка как грамматика и словарь [Гачев Г.]. В.В. Дементьев постулирует жанроцентризм исследований речи, осуществляющихся на пересечении

общей теории коммуникации, коллоквиалистики, стилистики, прагматики, лингвистики текста [107].

Проблеме речевого жанра как основной единице коммуникативного взаимодействия, наряду с дискурсом, уделяется много внимания, прежде всего, в русском языкознании (О.Б. Сиротина, М.Н. Кожина, В.Е. Гольдин, В.В. Дементьев, К.А. Долинин). Среди работ украинских ученых, в которых частично рассматриваются теоретические и практические аспекты понятия “речевой жанр”, можно выделить исследования Ф.С. Бацевича [33], М.З.Балицкой [24] и других ученых. В польском языкознании теоретическими проблемами речевых жанров занимались А. Вежбицкая [54], С. Гайда [72], Т. Добжинська [335] и другие.

А. Вежбицкая, рассматривая речевые жанры на основе коммуникативной интенции, считает их составляющими языкового универсума определенной этнической культуры [Вежбицкая А.].

Одним из направлений в изучении теории речи в русистике стало речеведение, ставящее перед собой цель – описание системной организации речи, ее жанров, фактуры, сфер, правил и так далее (М.Н. Кожина, Т.В. Шмелева).

Актуальность исследования. Изучение проповеди как жанра, существующего уже не одно тысячелетие, представляет несомненный интерес в реалиях современности. Этот интерес обусловлен как сугубо лингвистическими причинами, так и теми преобразованиями, которые характерны для современного общества. К последним следует отнести процессы духовного возрождения, связанные с обращением к церковному наследию и ораторскому искусству, воплощенному в проповеди как нравственно-духовном жанре.

Актуальность проблематики жанроведения определяется многими научными факторами. Исследование речевых жанров (М.М. Бахтин, А. Вежбицкая, М.Н. Кожина и др.) соответствует общей направленности

современного языкознания на анализ речи в прагматическом аспекте (Н.Д. Арутюнова, Э.Р. Атаян, Ю.М. Лотман, Ч. Моррис и Ч. Пирс, Е.А. Селиванова), на поиск связей между строением речевых произведений и компонентами ситуации общения, включая в число последних субъекты коммуникативной ситуации, отношения между ними, знания субъектов, их интенции (Т. ван Дейк, Л.П. Иванова, В.А. Маслова, Г.Г. Почепцов, А.Ф. Папина, Н.В. Слухай, З.Я. Тураева).

Работа в области жанроведения актуальна и тем, что лингвистика, исследуя жанр речи, не обладает даже относительно полным их перечнем, так что постоянно обнаруживаются жанры, обойденные вниманием исследователей. Кроме того, в настоящее время нет научного описания лингвистических особенностей проповеди, характеристики её как жанра в совокупности с экстралингвистическими и другими факторами, то есть дискурсного описания. Таким образом, **актуальность** нашего исследования состоит в том, что мы впервые анализируем рождественскую проповедь как дискурс, как нравственно-духовный жанр.

Связь работы с научными программами и планами. Диссертационное исследование выполнено в рамках комплексной научной программы Национального педагогического университета имени М.П. Драгоманова “Исследования проблем гуманитарных наук” и включено в план научно-исследовательской работы кафедры русского языка “Проблемные вопросы русского языка” .

Материалом исследования служат проповеди «На Рождество Христово», принадлежащие перу предстоятеля УПЦ Владимира, митрополита Киевского и всея Украины [64], а также Алексия, патриарха Московского и всея Руси [6], Иоанна Крестьянкина [6]. Всего проанализировано 315 страниц текста.

Объект исследования – современная православная рождественская проповедь как дискурс и жанр.

Предмет исследования - вербальные и невербальные дискурсивные характеристики рождественской проповеди.

Цель исследования – описать рождественскую проповедь как дискурс; доказать, что проповедь – отдельный речевой жанр, выделив и проанализировав при этом его характерные черты.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

1. Выделить и описать “паспортные” данные проповеди как жанра.
2. Соотнести проповедь с системой русских функциональных стилей.
3. Рассмотреть собственно языковые особенности проповеди.
4. Провести текстовый анализ проповеди, охарактеризовав глобальные текстообразующие категории.
5. Изучить паралингвистическую составляющую проповеди как дискурса.

Методы исследования обусловлены целями и задачами работы. В качестве основного используется описательный метод с элементами сравнительно-сопоставительного и функционального методов.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что в нем впервые проводится комплексный анализ проповеди как нравственно-духовного жанра словесности, изучаются языковые средства проповеди, условия коммуникации, анализируется паралингвистическая ситуация.

Теоретическое значение работы состоит в том, что в результате проведенного исследования определен статус проповеди как сакрального типа жанра церковного регистра с дискурсивным его описанием, разработана методика дискурсивного изучения жанра, подготовлена теоретическая база для дальнейших разработок в этой области.

Практическое значение исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы в преподавании курсов общего языкознания, современного русского языка, лингвистического анализа художественных текстов русских писателей, в творчестве которых

присутствует элемент проповеди (Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой), истории русского литературного языка, в практике ораторского искусства как светского, так и церковного; в духовных учебных заведениях.

Апробация результатов диссертационного исследования. Основные положения и результаты диссертационного исследования были освещены в докладах, представленных на Всеукраинской научной конференции “Система і структура східнослов’янських мов” (Киев, 2001), Всеукраинской научной конференции “Сучасні тенденції розвитку слов’янських мов (присвячується пам’яті проф. М.М. Пилинського)” (Киев, 2002), XII Международной научной конференции им. проф. Сергея Бураго “Мова і культура” (Киев, 2003), XIII Международной научной конференции им. проф. Сергея Бураго “Мова і культура” (Киев, 2004), итоговых научных университетских конференциях в НПУ им. М.П. Драгоманова (2002, 2003, 2004 гг.), IV Международной научной конференции «Актуальные проблемы металингвистики» (Черкассы, 2005), научной конференции «Дни славянской письменности» (Винница, 2005).

Основные положения диссертации представлены четырьмя публикациями в изданиях, утвержденных ВАК Украины.

Структура работы. Диссертация общим объемом 221 страница состоит из введения, трех разделов, выводов, списка использованной литературы (351 источника) и приложения.

Во **введении** обоснован выбор темы исследования, её актуальность, определены предмет и объект изучения, сформулированы цель и задачи работы, указаны методы исследования, научная новизна работы, её теоретическое значение и практическая ценность.

Первый раздел – **„Проповедь как нравственно-духовный жанр словесности”** – посвящен изучению сущности основных категорий коммуникативного взаимодействия: дискурсу, речевому жанру. Кроме этого, в данном разделе рассмотрена история возникновения и развития

Рождественской проповеди, представлена характеристика проповеди как жанра, проанализирован стилистический аспект проповеди.

Во втором разделе – **„Языковые особенности Рождественской проповеди”** – выявлены и проанализированы собственно языковые особенности проповеди на всех уровнях языка; рассмотрены текстовые категории.

В третьем разделе – **„Паралингвистическое оформление проповеди”** – изучена невербальная составляющая проповеди как дискурса.

В выводах обобщены результаты проведенного исследования.

В приложении приводятся тексты Рождественской проповеди.

1.1. Возникновение и развитие проповеди «На Рождество Христово»

1.1.1. Общая характеристика проповеди «На Рождество Христово»

Проповедь – одна из существенных составляющих многогранного пастырского служения в Церкви. Само слово «проповедь» славянского происхождения, оно образовано от лексемы «ведение», обозначающей знание важных (священных) предметов. Один и тот же корень «вед» содержат и такие слова, имеющие отношение к внутренней жизни человека, как «заповедь», «совесть».

В работах по гомилетике Московской духовной академии дается следующее определение: «Проповедь есть возвещение истины о Господе Иисусе Христе и призыв к спасению через Слово» [166,4]. В этом определении выражено самое важное и главное в проповеди – её содержание, призыв к спасению через речь, обращенную к пастве. Проповедание Слова Божия есть исполнение заповеди Христа “научать все народы”, “проповедовать Евангелие всей твари” (Мф28,19.Мр16,15). По слову Св. апостола Павла, невозможно уверовать в Того, о Ком не слышали, а слышать невозможно без проповедующего (Рим10,14). Заповедь проповедовать, данная Иисусом Христом Апостолам, относится и к их преемникам – пастырям Церкви. Её задачу составляют:

- 1) раскрытие и уяснение в сознании верующих богооткровенных истин христианской веры;
- 2) побуждение их [верующих] сообразовать свою жизнь с христианским учением.

Для решения поставленной задачи обращаются к гомилетике – учению о христианском церковном проповедничестве, основная цель которого – создание теории проповеди, включающей в себя метод проповедничества, который бы отвечал двусторонней задаче церковной проповеди.

Задачи гомилетики – воспитать проповедника, помочь начинающему пастырю. Метод гомилетики состоит в единстве теории и практики проповеди: теоретический аспект заключается в изучении особых правил и условий, способствующих составлению проповеди и ее воздействию; практический – в изучении образцов проповеди, составлении проповедей, разбор их и т.д.

Главная проблема собственно проповедничества заключается в противоречивости требований, предъявляемых к нему:

1) христианская Истина – Сам Бог (Ин14,6). Проповедь Истины требует устранения из души всякой личной, эгоистичной заинтересованности, способной исказить Истину; требует полного отречения от своей воли. (Гал2,20). «На слушателей действуют не столько слова проповедника, сколько благодатная сила заключенного в проповеди Слова Божия и спасающейся души проповедника» [138,12];

2) в то же время второе требование – действенность и эффективность проповеди – предполагает как раз обратное: наиболее полную мобилизацию воли, мысли и духовных сил проповедника.

Таким образом, задача создания способа проповедничества должна быть понята как примирение взаимопротиворечивых требований. Эту духовно-практическую задачу неминуемо приходится решать каждому проповеднику. Гомилетическая наука, как отечественная, так и всеправославная и инославная, не получила должного развития в этом направлении.

Противоречивость указанных требований приводит к возникновению в гомилетике двух направлений, не имеющих достаточного соприкосновения между собой. Одно из них полностью предоставляет совести проповедника разрешение проблем личного спасения и рассматривает не истинность проповеди, а чисто практические методы убеждения. Святые отцы пользовались иногда светскими руководствами для ораторов, но уже с V века появились специальные руководства для проповедников. В русской Церкви такие руководства были созданы значительно позднее (с XVII в). В XVII веке в Киеве появился первый русский учебник Гомилетики, составленный архимандритом Иоанникием Голятковским, ректором Киевской Академии, «Наука альбо способ зложення казанья» на полупольском, полуславянском языке. В XVIII веке подобные указания давались в «Духовном регламенте», разных переводных руководствах и в имеющей важное значение «Книге о

должностях пресвитеров приходских». В XIX веке было составлено и издано полное руководство по гомилетике, составленное профессором Киевской духовной академии Я. Амфитеатровым, «Чтения о духовной словесности». Затем были многие учебники и руководства протоиерея Н. Фаворова, М. Чепика, Н. Триодина, А. Юрьевского, курс по истории проповеди профессора Н. Барсова, профессора М. Паторжинского. Можно особо отметить труд профессора КДА В.Певницкого «Церковное красноречие и его законы». В последнее время составлен курс по гомилетике профессором МДА протоиереем А. Ветелевым [166,10]. Именно это направление господствовало в России при становлении отечественной гомилетической науки [28,7], развитие которой в наши дни представлено в работах гомилетов трех сложившихся на сегодня духовных школ – Киевской, Ленинградской и Московской. К сожалению, в настоящее время нет исчерпывающего исследования на тему гомилетического искусства, в котором раскрывалась бы противоречивая сущность проповедничества – его пророческий, богодухновенный характер и риторическое мастерство.

Форма призывного слова к спасению, форма проповеди в истории Церкви были неодинаковы. В настоящее время исторически сложившейся формой проповеди следует считать речь к народу (не к одному человеку, а ко многим). Проповедь – это публичная речь, произносимая проповедником в Храме. В этом она сближается с ораторской речью, которая имеет своей целью не только сообщить сведения, но еще и убедить, возбудить слушателей, вызвать ответное действие – их реакцию. Примерами светских ораторских речей могут быть речь политическая, судебная, военная. Подобные признаки ораторской речи имеются и в проповеди – проповедник также имеет целью убедить своих слушателей признать какую-либо истину, принять решение (покаяться, оставить грех), вызвать в них определенное настроение (благоговения, внимания и др.). Но сходство ораторской речи с проповедью касается только формы, по содержанию же они различны.

О чем бы ни говорил проповедник, его слова всегда в конечном итоге касаются спасения, то есть проповедь всегда сотериологична. «Проповедь, - говорит известный русский гомилет профессор В. Певницкий, - как частная речь, не обнимает всего Евангелия о спасении и о средствах его приобретения, но всегда, какого бы предмета она ни касалась, она имеет или должна иметь непосредственную связь с этим главным и средоточным пунктом христианского учения. Утерев связь с ним, она перестаёт быть проповедью христианскою» [166,76].

1.1.2. Становление проповеди. Ее виды и формы.

В первые века христианства проповедь была простой сердечной беседой, напоминающей беседу любящего отца со своими детьми. Много в этих проповедях-беседах давалось воздействием даров Святого Духа, которыми были богаты первые века христианства. Эти беседы по своему содержанию и способу изложения были двух видов:

- 1) беседа по тексту Священного Писания в виде анализа его содержания;
- 2) поучение на определенную тему и раскрытие ее на основе Слова Божия.

Рядом с такими формами проповеди стала складываться и третья, более сложная форма, со своими особенностями. Причиной ее возникновения явилось то обстоятельство, что, начиная с III, IV веков, среди христиан несколько ослабли вера и любовь, поэтому уменьшилось и действие благодати, что создало потребность проповедников черпать дополнительные силы в труде, усилиях ума и в светском ораторском искусстве.

Вследствие всего этого и выработалась новая ораторская форма проповеди – *слово* и установился взгляд на церковную проповедь как на один из видов ораторского искусства. Этот взгляд сохранился до наших дней и нашел свое выражение в самом наименовании гомилистики как науки о церковном красноречии. Такому пониманию проповеди противостоит другое, по которому проповедь не искусство, а живая, идущая из горячего сердца,

безыскусственная речь. Этот взгляд опирается, главным образом, на тот простой и общедоступный характер проповеди, который существовал в Церкви в первые века христианства.

Из двух вышеупомянутых первоначальных видов проповеди выработались две её формы.

1. Экзегетико-аналитическая *беседа*, последовательно изъясняющая Слово Божие.

2. Синтетико-тематическое *поучение*, в котором подбирается и систематически излагается учение Слова Божия на какую-либо определенную тему.

Третий вид проповеди – *слово* сложился и получил дальнейшее развитие из второго (тематического поучения), превосходя его совершенством формы. Слову свойственна строгая и полная систематизация содержания, логическая последовательность изложения и богословско-отвлеченное раскрытие и освещение предмета.

Проповедь в виде *беседы* чаще всего используется при последовательном изъяснении текста какой-либо главы Священного Писания, церковного песнопения, чинопоследования богослужения, таинства или обряда. Часто отдельный стих той или иной главы текста Священного Писания имеет свой предмет, как и каждая мысль церковного песнопения или действия богослужения. При этом они (стих, мысль, действие) нуждаются не столько в доказательствах, сколько в простом изъяснении и раскрытии их содержания путем установления не отвлеченно-логических, а внутренне-органических связей между мыслями, относящимися к данному предмету.

Таким образом, беседа – это такая форма проповеди, которой свойственна некоторая многопредметность содержания, раскрытие, а не доказательство мыслей в изложении и внутренне-органическая, а не отвлеченно-логическая и механическая связь мыслей в раскрытии предмета. Эта многопредметность внутри беседы дает формальное основание считать ее сложным, мозаичным

видом проповеди, состоящим как бы из нескольких отдельных проповедей – миниатюр.

Поучение является второй основной формой проповеди. Из нее впоследствии, как было отмечено выше, выработалась более сложная форма проповеди, называемая словом. Поучение – синтетико-тематическая проповедь, где наблюдается единство основной темы и мысли. Оно лучше, чем слово, сохранило черты первоначальной христианской проповеди, его легче всего понять, сравнивая и сопоставляя со словом. Часто оно и более кратко, отличается от слова простотой построения, безыскусственностью изложения, живостью, сердечностью содержания, духа и тона.

Слово - тематическая проповедь, в которой один какой-либо предмет раскрывается с достаточной обоснованностью, преимущественно в форме логического рассуждения. Единству предмета и стройности изложения соответствует и язык слова: то богословско-отвлеченный, то художественный. Структурные части *слова* строго обдуманые, логически обоснованные и выдержанные. С XVIII века в русской проповеди *слово* явно преобладало над поучением в городской проповеди, рассчитанной на образованного слушателя.

Следовательно, виды христианской проповеди отличаются друг от друга не только формой, но и функциями. Другим основанием для их различия является разделение по цели.

1. Если проповедник ставит перед собой основную задачу - научить слушателей истинам христианской веры, то такая проповедь определяется как ***учительно-просветительная***. Ее основное содержание - догматические истины (напр. изъяснение Символа Веры, праздника Пасхи, Рождества Христова и так далее).

2. Если проповедник имеет цель повлиять на нравственность слушателей, расположить их к праведной христианской жизни, то проповедь принято называть ***нравственно-назидательной***.

3. Если в проповеди перечисляются способы борьбы с греховными страстями, даются указания, касающиеся внутренней духовной жизни, такая проповедь квалифицируется как *аскетическая* [28,41].

Подобное деление является, конечно же, условным, поскольку каждая проповедь содержит элементы всех трех форм, лишь преобладание одной из них позволяет определить разновидность проповеди.

Исходя из вышесказанного, проповедь на Рождество Христово является *учительно-просветительным словом*.

Первоначально храмовая проповедь (в отличие от катехизаторской, миссионерской) представляла собой пространный комментарий. По мере составления новозаветного канона (во II веке 27 книг, написанные апостолами, составили Новый завет и стали каноническими – признаваемыми всеми поместными Церквями) шло и развитие проповеди: диалогичность заменялась монологичностью (рудименты диалога сохранились в современной проповеди – вопросительные предложения), вырисовывался постоянный тематический круг, проповедь стала фиксироваться в письменной форме и т.п. К моменту принятия Русью Христианства в качестве официальной религии Рождественская проповедь представляла собой самостоятельное коммуникативное целое. Поскольку Русская церковь явилась восприемницей восточной (Византийской) христианской традиции, религиозная традиция, в том числе и гомилетическая, Второго Рима была полностью ею воспринята. Нельзя с полной уверенностью говорить о том, что проповедь на Рождество Христово IX-X веков, звучащая с амвона в наших храмах, являлась лишь переводом греческого оригинала – и только. Однако тот факт, что первые митрополиты были исключительно греки (вплоть до Иллариона – X в) и превалировали грецизмы (представляющие значительный пласт лексики и современной Рождественской проповеди), можно позволяет говорить о значительном влиянии греческого языка, предопределившего дальнейшее развитие проповеди на Рождество Христово

нашей Церкви. С обретением большей независимости Русской Церкви от Константинополя, ростом и усилением древнерусского государства укрепляет свое положение древнерусский язык. Наследие Кирилла и Мефодия активно развивается и приносит щедрые плоды, прежде всего проявившиеся в слове Церкви. Церковный язык пополняется собственно русской лексикой, образованной по законам грамматики старославянского и греческого языков. Наличие большого пласта старославянской лексики в текстах проповеди, представляющей все тематические группы, прямое тому подтверждение. В настоящее время православная проповедь представляет собой самостоятельное явление религиозного дискурса.

1.1.3. Структура проповеди

Основными структурными составляющими любой проповеди являются *изъяснение* и *нравственное приложение*.

В *изъяснении* на основании Священного Писания, святоотеческого учения, теоретических соображений раскрывается главная мысль, из которой в строго логическом соответствии выводится нравственное приложение. *Нравственное приложение*, вытекающее из анализа предмета, либо непосредственно следует за разъяснением каждого предмета в отдельности (беседа), либо относится ко всему предмету проповеди в целом, - тогда оно ставится в конце проповеди (поучение, слово). Нравственное приложение всегда соответствует самой сущности раскрываемого предмета и степени духовно-морального состояния верующих.

Кроме двух основных частей, проповедь нередко содержит введение и заключение. Введение представляет собой предложение или текст, в котором излагается основная мысль: *Приветствую вас, возлюбленные отцы, братия и сестры, с великим праздником Рождества Господа нашего Иисуса Христа!* [64,24]. Древнехристианские проповедники имели обыкновение в начале проповеди ставить текст из Священного Писания или церковного

песнопения как указатель главного предмета беседы или поучения (слова) и речательство за христианское направление проповеди. Эта традиция живет и в наши дни. Треть проанализированных текстов Рождественской проповеди начинается цитатами из Евангелия или тропарем: *И сказал им Ангел: не бойтесь; я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям: ибо ныне родился вам в городе Давидовом Спаситель, Который есть Христос Господь (Лк.2,10-11) [64,34]. Православный христианский мир прославляет рождшегося Христа Спасителя радостным, глубоко-содержательным песнопением – тропарем, в котором называет Христа Светом и Солнцем: *Рождество Твое, Христе Боже наш, возсия миру Свет разума... Тебе кланяются Солнцу правды и Тебе ведете с высоты Востока, Господи, слава Тебе! [64,50].**

Заключение представляет собой обобщающий вывод или завершающее молитвенное обращение к Богу. Проповедь всегда завершается односоставным предложением: *Аминь, ср.:...Спаситель наш пришел дать душу Свою в цену избавления за грехи всего мира, да не будет и для нас меньшей любви, как полагать, в случае необходимости, душу свою за други своя. Спаситель наш явился, чтобы низложить всех врагов нашего спасения, воцарить всюду радость и мир, и для нас нет большей славы как побеждать собственные страсти, владычествовать над желаниями своего сердца, созидать мир и братство среди людей. Когда мы вообразим в себе эти качества Христа Иисуса, тогда настоящая радость наша будет исполнена и никто не отнимет ее у нас. Тогда Сам Иисус Христос, Виновник нашей радости и спасения, вообразится в нас. Аминь [64,37]; Да благословит Господь ныне всякую душу и каждого человека, нашу Церковь и страну нашу, и да поможет всем нам совершенствоваться в добродетелях, которые помогают нам быть подобными Христу, они же – лучший дар нас ради воплотившемуся Господу. Аминь [64,33].*

Таким образом, текст Рождественской проповеди членится на введение, содержащее основную мысль данной проповеди – празднование Рождества Христова; изъяснение, раскрывающее смысл происшедшего и происходящего, значение этого события для каждого из нас; нравственное приложение, которое содержит призыв к борьбе с грехом, уподоблению Христу, совершенствованию в добродетелях; и, наконец, заключение, представленное как обобщение или молитвенное обращение. Данная структура накладывается на структуру СФЕ, при этом введение соответствует зачину, изъяснение – развертке, а заключение – концовке; нравственное приложение может находиться как в развертке, так и в концовке.

1.1.4. Развитие Рождественской проповеди

Рождественская проповедь возникла в IV веке, хотя свои истоки берет задолго до рождения Христа. Само возникновение и дальнейшее развитие Рождественской проповеди, конечно же, связано с Боговоплощением и распространением христианства.

Древнейшая христианская Церковь слишком остро переживала тайну Пасхи, чтобы обращать внимание еще и на рождество. Пасха – это переход (таково буквальное значение этого еврейского слова). Христиане воспринимали мученическую смерть как пасху, как исход, оттого дни памяти мучеников – это их дни рождения в вечность, то есть дни земной смерти, а потому дни земного рождения не отмечались, вплоть до четвертого столетия Церковь не праздновала даже день рождения Христа.

Как пишет А.Кураев, первый шаг к рождественскому празднику сделали в начале третьего столетия еретики – гностики-василидиане. Они стали отмечать день Крещения Господня 15 числа месяца Туби (6 января). В этот день они освящали Нил. Христиане вынуждены были придать этому празднику свой смысл, и отголосок той полемики до сих пор слышен в службах Богоявления: *«Естества нашего роды свободил еси, девственную*

освятил еси утробу рождеством Твоим» - против учения гностиков о деторождении как акте вмешательства злой силы. *“Вся тварь воспевает Тя явьшегося”* – утверждение Христа как творца направлено против учения гностиков о том, что Бог-Творец Ветхого Завета является врагом доброго Бога-Спасителя Нового Завета. *“Ты бо еси Бог наш на земли явился еси и с человеки пожил еси”* – против учения о том, что Христос лишь казался человеком, но не стал им на самом деле. *«Ты и Иорданские струи освятил еси, с небесе ниспославый Святаго Твоего Духа»* - против учения, согласно которому Иисус стал Сыном Божиим только тогда, когда он вошел в Иордан. *«И главы тамо гнездящихся сокрушил еси змиев»* - против гностического представления, согласно которому Христос получил дар ведения в Иордане от змея, который обольстил в раю Еву.

Нет точных сведений относительно даты введения данного праздника, однако общепринятым считается, что именно в правление римского папы Юлия (337-352гг.) впервые празднуется Рождество – 25 декабря. На Восток этот праздник приходит на 50 лет позже. В Антиохии св. Иоанн Златоуст в 386 (или 388) году говорит, что Рождество будет праздноваться впервые.

Двадцать пятое декабря, день Рождества Христа, объясняется тем, что в Риме, откуда эта дата и пришла, к этому времени заканчивалось празднование Сатурналий (17-23 декабря). Завершалось оно гладиаторскими боями (форма завуалированных человеческих жертвоприношений). За этим следовал праздник “непобедимого солнца” – он был приурочен ко дню зимнего солнцеворота. Именно культ Солнца в середине IV столетия активно насаждался императором Юлианом Отступником. Культ Солнца стоял и в центре митраизма – религии, которая была серьезным конкурентом христианства.

Считалось, что день зимнего солнцеворота – это день ожидаемый. День, который нельзя не заметить человеку, живущему “от земли”, это грань, сочленение. Отцы Церкви обращают внимание на то, что религиозное

чувство всегда ощущает такие переломные моменты как потенциально опасные. Это опасность прорыва в наш мир сил хаоса. Чувство опасности взывает о необходимости освящения пограничных минут, поэтому основные ритуалы в самых разных религиях совершаются на границе света и тьмы (утренние или вечерние молитвы и жертвоприношения), на границе времен года, на границе человеческого возраста.

Таким образом, человек должен совершать космо-укрепляющие ритуалы на границе времен. В самых разных религиях мира есть вера в то, что мир (упорядоченный космос) стоит до той поры, пока приносятся правильные жертвы.

Церковь не стала спорить с убеждением в том, что именно человек и есть та живая нить, на которую нанизаны и к которой скреплены створы вселенной, с человеческой потребностью – через молитву соединять перепады времен: она просто исправила образ этих молитв. Вместо бога солнца – Митры – она предложила в этот переломный день, день возрождающегося света, молиться “солнцу правды” – Христу. (*Потеряв звезду, они нашли Солнце, солнце правды – Христа Бога!* [64,41]; *Поэтому, воспевая Рождество, мы прославляем Господа как Свет разума и как Солнце правды. Христос – Солнце мира, Оно вошло, чтобы светить миру и уже больше никогда не заходить* [64,50]).

Позже и в иной культуре другой солярный культ – славянская языческая масленица (блин – символ солнечного круга) – был переосмыслен как часть подготовки к Пасхе, как вхождение в Великий Пост [187, 67-69].

Звучащая в храме проповедь (Рождественская проповедь храмовая) берет своё начало в традиции иудаизма. После чтения отрывка из закона Моисеева самим чтецом или же другим учителем давался комментарий прочитанного.

Необходимость подобной процедуры объяснялась не только принципом «повторение – мать учения», но и тем фактом, что разговорным языком того времени являлся арамейский, тогда как тексты писания были на

древнееврейском. Лишь немногие из присутствующих в синагоге могли понять, о чем идет речь.

Как было отмечено выше, Церковь стала праздновать Рождество Христово лишь в IV веке. К тому времени уже оформился богослужебный устав с главной службой – литургией, практически не изменившейся и сохранившей свои основные черты, присущие современному богослужению. Проповедь как тогда, так и сегодня, является частью литургии и воспринимается верующими как неотъемлемая составляющая сакрального «общего делания» (именно так переводится *литургия* с греческого [122,284]).

1.2. Проповедь как дискурс

Характерное свойство дискурса – обращение к прагматической ситуации, которая привлекается для определения связности дискурса, его коммуникативной адекватности, выяснения его импликаций и пресуппозиций, его интерпретации.

Другой своей стороной дискурс обращен к ментальным процессам участников коммуникации: этнографическим, психологическим и социокультурным правилам и стратегиям порождения и восприятия речи в тех или иных условиях.

Понимая под текстом преимущественно абстрактную, формальную конструкцию, а под дискурсом – различные виды ее актуализации, рассматриваемые с точки зрения ментальных процессов и в связи с экстралингвистическими факторами, вслед за Т. ван Дейком, проанализируем дискурс проповеди.

Восприятие любого высказывания, в том числе и проповеди, как определенного речевого акта основывается на сложном процессе использования различных видов информации, а именно:

- 1) свойств грамматической структуры высказывания;
- 2) паралингвистического оформления;

- 3) характеристики коммуникативной ситуации;
- 4) характеристики знаний о говорящем и его свойствах;
- 5) особенностей происходящего коммуникативного взаимодействия;
- 6) предшествующего дискурса;
- 7) конвенциональных знаний;
- 8) других разновидностей, имеющих общий характер знаний о мире [106, 110].

Коммуникативный подход к изучению текста Рождественской проповеди базируется на анализе коммуникативных обстоятельств как важнейшего смыслообразующего компонента текста. Для изучения ситуации общения необходимо выделить и обосновать категории прагмалингвистики. Основываясь на различных концепциях прагмалингвистики и социалингвистики (Р.Белл, В.Г. Гак, Дж. Сёрль, И.П. Сусов, Д. Хаймс и др.), мы, вслед за В.И. Карасиком, выделяем следующие категории: 1) участники общения (статусно-ролевые и ситуативно-коммуникативные характеристики), 2) условия общения (пресуппозиции, сфера общения, хронотоп, коммуникативные средства), 3) организация общения (мотивы, цели и стратегии, развертывание и членение, контроль общения и вариативность коммуникативных средств), 4) способы общения (канал и режим, тональность, стиль и жанр общения).

При выделении и рубрикации категорий дискурса принимаем во внимание известные семь признаков текстуальности: когезию, когерентность, интенциональность, интерпретируемость, информативность, ситуативность и интертекстуальность [327,261].

Учитывая внешне- и внутритекстовые характеристики речи, предлагаем использовать следующую классификацию категорий дискурса: 1) конститутивные (относительная оформленность, тематическое, стилистическое и структурное единство и относительная смысловая завершенность), 2) жанрово-стилистические, характеризующие текст в плане

его соответствия функциональным разновидностям речи (стилевая принадлежность, жанровый канон, клишированность, степень амплификации / компрессии), 3) содержательные (семанτικο-прагматические), 4) формально-структурные, характеризующие способ организации текста (композиция, членимость, когезия) [149,241]. Каждая из названных категорий является основой для более частных категорий.

Психолингвистический подход к дискурсу выдвигает на первый план проблемы порождения и восприятия текста, стадии и способы перекодирования информации, типы текстовой компетенции, речевых ошибок. Мы рассматриваем дискурс с точки зрения социолингвистики.

Конститутивные категории дискурса вытекают из теории коммуникативных принципов успешного общения. Если общение осуществляется нормально, в соответствии с мотивами и интенциями его участников, с правилами общения в данном социуме, то эти характеристики дискурса остаются незамеченными. Они осознаются только в случае коммуникативной деформации.

Тематическое, стилистическое и структурное единство дискурса является конститутивным признаком, который осознается в случае дезинтеграции текста. Ведущим признаком в этой триаде считается стилистический, поскольку именно с помощью этого признака, по мнению В.И. Карасика, некоторый текст может встраиваться в наш коммуникативный опыт и оцениваться как текст либо «нетекст».

Относительная смысловая завершенность позволяет выделить текст в некотором сверткесте. Этот признак связан со стилистическим и тематическим единством текста, с одной стороны, и формальной завершенностью, с другой стороны. Проповедь на Рождество Христово выделяется в данном аспекте как текст в сверткесте *литургия*.

Жанрово-стилистические категории дискурса позволяют адресату отнести тот или иной текст к определенной сфере общения на основании

сложившихся представлений о нормах и правилах общения, об условиях уместности, о типах коммуникативного поведения.

С позиции отношений между участниками коммуникации наиболее существенным критерием является дистанция, противопоставление лично-ориентированного и статусно-ориентированного общения. Лично-ориентированное общение имеет место тогда, когда мы стремимся не только передать некоторую информацию или оказать определенное воздействие на адресата, но и раскрыть свою душу и попытаться понять внутренний мир собеседника. В случае статусно-ориентированного общения коммуниканты реализуют себя только в ограниченном наборе ролевых характеристик, выступая в качестве представителей определенных групп людей. Не существует «чистых» статусных и личностных видов общения. Проповедь, в частности Рождественская, относится к статусно-ориентированному общению, со значительной долей личностного.

Следующий критерий – самовыражение говорящего – позволяет противопоставить художественно-ориентированное и обиходно-ориентированное общение. Рождественская проповедь обладает как тем, так и другим свойством. Художественно-ориентированное общение в значительной мере пересекается с лично-ориентированным общением, поскольку в творчестве происходит самое полное раскрытие личности; проповедование – творческий процесс. Обиходно-ориентированное общение направлено на удовлетворение практических потребностей говорящего (уяснение приходом значения и ценности события Священной Истории – Рождения Христа). Этот вид речевой коммуникации является дополнением к жесту, невербальному действию (невербальная составляющая Рождественской проповеди достаточно велика). Поскольку обиходное, бытовое общение содержит в себе все потенциальные разновидности статусно-ориентированного (институционального) общения, эти разновидности выделяются в соответствии со сложившимися общественными институтами в том или ином

социуме в определенный период. Таким образом, в качестве следующего критерия для выделения жанрово-стилистических разновидностей дискурса может быть выдвинута система общественных институтов социума.

Участники личностного дискурса выступают во всей полноте своих качеств, в отличие от участников институционального дискурса, системообразующим признаком которого является статусная, представительская функция человека. Институциональный дискурс «есть специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума» [149,245]. Любое общение носит многомерный, партитурный характер, и поэтому выделение типов общения в конкретном речевом действии представляет собой условность и проводится с исследовательской целью. Институциональность носит градуальный характер. Ядром институционального дискурса является общение базовой пары статусно неравных участников коммуникации. Такой парой институционального дискурса Рождественской проповеди является *священник – прихожан/ин(не)*. На периферии институционального общения находится контакт представителя института (Церкви) с человеком, не относящимся к этому институту. Таким образом, устанавливается следующая иерархия участников институционального дискурса: *адресант* (священник) – *адресат* (миряне) – *маргинал* (случайно зашедший в храм нехристианин) [149, 245].

К числу жанрово-стилистических категорий дискурса относится, на наш взгляд, и категория проективности. Дискурс представляет собой образование, построенное по определенным канонам в соответствии с целями и обстоятельствами общения, а степень каноничности дискурса является основанием для его типизации. В этом смысле можно противопоставить базовый и проективный типы дискурса. Степень каноничности храмовой

проповеди очень высока, несмотря на то, что канон видоизменялся, поэтому дискурс Рождественской проповеди является базовым.

Категория развернутости и свернутости текста (амплификация / компрессия) также относится к числу жанрово-стилистических категорий дискурса. Участники общения владеют обобщенными сценариями речевых жанров и могут развивать коммуникативную ситуацию в соответствии с обстоятельствами общения. Чем короче коммуникативная дистанция, тем меньше вспомогательных компонентов будет использоваться. Чрезмерная развернутость конкретного речевого действия на фоне речевого жанра свидетельствует о возможных дополнительных целях этого поведенческого акта. Чрезмерная свернутость такого же речевого действия также приобретает знаковый характер и сигнализирует либо о чрезвычайных обстоятельствах, либо о трансформации данного речевого акта в другой акт.

Содержательные (семантико-прагматические) категории дискурса являются предметом оживленной дискуссии в лингвистической литературе (О.П. Воробьева, И.Р. Гальперин, М.Л. Макаров, Н.Л. Мышкина, Н.Н. Трошина, З.Я. Тураева, Л.А. Черняховская и др.). Основные две линии в понимании категорий текста (и дискурса) состоят в том, что отправным пунктом в моделировании этих категорий может выступать текст как таковой либо текст в ситуации общения. В первом случае базовой категорией закономерно признается информативность текста в ее трех ипостасях, по И.Р. Гальперину: содержательно-фактуальная, содержательно-концептуальная и содержательно-подтекстовая информация. В рамках этого же подхода в качестве основной категории текста может рассматриваться и его смысловая целостность. Во втором случае с учетом диалогичности общения важнейшей текстовой категорией признается адресованность, фактор адресата. Эта позиция четко выражена М.Л. Макаровым [202], который противопоставляет в тексте основную пропозицию (тему текста) и основную иллокуцию (идею, смысл текста).

Институциональный дискурс рассматривается в различных исследованиях, посвященных определенным типам общения, выделяемым на основании социолингвистических признаков. Весьма активно анализируется политический дискурс (В.Н. Базылев, А.Н. Баранов, Н.А. Купина, З.Д. Попова, П. Серию), много работ посвящено изучению делового дискурса (Т.Н. Астафурова, Н.И. Кузнецова, Н.Н. Трошина), внимание исследователей привлекает массово-информационный дискурс (И.В. Алещанова, О.В. Гусева, Б.А. Зильберт, А.В. Капишникова, М.А. Ягубова), освещаются различные аспекты рекламного дискурса (О.К. Денисова, О.С. Домовец, В.В. Зирка, Е.Ю. Ильинова, Т.Н. Лившиц, Ю.К. Пирогова, Н.В. Слухай), объектом изучения является научный дискурс (В.А. Богданова, Л.Г. Васильев, М.Н. Кожина, М.П. Котюрова, В.А. Яцко), моделируется педагогический дискурс (В.И. Карасик, А.В. Ленец, Ж.В. Милованова), осуществляется лингвистическое описание религиозного дискурса (Г.А. Агеева, Е.В. Грудева, В.И. Карасик, О.А. Крылова, Л.П. Крысин, О.А. Прохватилова), в меньшей мере освещена специфика спортивного (И.Н. Аксенова, А.Б. Зильберт, О.А. Панкратова) и медицинского дискурсов (Л.С. Бейлинсон).

Социолингвистический анализ дискурса (текста в ситуации реального общения) требует учета сложившихся в обществе институтов, среди которых не последнее место занимает и Церковь – религиозная организация духовенства и верующих, объединенная общностью верований и обрядности. Анализ религиозного дискурса позволяет вскрыть глубинные характеристики языка религии.

Принимая во внимание выработанные в социолингвистике модели общения и предложенную выше компонентную структуру дискурса, рассмотрим следующие элементы религиозного дискурса Рождественской проповеди: 1) участники, 2) хронотоп, 3) цели, 4) ценности (в том числе ключевой концепт), 5) стратегии, 6) материал (тематика), разновидности и жанры, 8) прецедентные (культурогенные) тексты, 9) дискурсивные формулы.

Участники институционального дискурса подразделяются на адресантов и адресатов: к первым относятся те, которые играют активную роль в институциональном общении, ко вторым – те, которые вынуждены обращаться к первым и выступают в качестве представителей общества в целом по отношению к представителям института. Применительно к религиозному дискурсу проповеди адресантом является священник, а адресатом – и прихожане, и проповедующий священник. Специфика религиозного дискурса состоит в том, что к числу его участников относится Бог, который может выступать в качестве как адресанта, так и адресата (в жанре молитвы Бог является, как правило, адресатом; поучения, наставления или проповеди - адресантом).

Личные местоимения в религиозном дискурсе играют особую роль: в проповеди фигурирует только местоимение *мы*, которое употребляет как священнослужитель, так и прихожанин. Местоимение *я* употребляется лишь при передаче прямой речи самого Бога, Христа или ангела. В тексте проповеди нет места вежливым формам местоимений, есть обращение только на *ты* и на *вы* ко множественному адресату.

Хронотоп религиозного дискурса Рождественской проповеди четко очерчен: она произносится 25 декабря (7 января по новому стилю); прототипным местом такого общения выступает храм, то есть специальное сооружение, используемое для богослужений и религиозных обрядов. Время религиозного дискурса фиксируется жанровой спецификой – проповедь произносится во время литургии. Место религиозного дискурса семиотически распределено и закреплено многовековой практикой богослужений. В храме противопоставляются места, где могут находиться священнослужители и прихожане; действия, сопровождающие речь как пастыря, так и паствы, ритмически организованы; выделяются и специально обозначаются одеяния, аксессуары, ритуальные действия, части храма и так далее. Во время произнесения проповеди священник находится на амвоне

(небольшом возвышении в передней части храма) лицом к прихожанам. Миряне становятся ближе к амвону, плотнее друг к другу.

Цель религиозного дискурса Рождественской проповеди состоит в **призыве к покаянию** (*Что же, братья и сестры, мы можем принести в дар нас ради родившемуся Господу? Мы богаты только грехами. [64,33]*), **утверждении в вере и добродетели** (*Принесем Ему плоды своей веры: правду, милосердие, мир, любовь и радость, чистоту и святость... Приложим усилия к тому, чтобы быть еще внимательней к своей семье, соседям, сотрудникам, ко всем, кто нас окружает, ибо всякое доброе дело, сделанное человеку, расценивается Христом Спасителем как сделанное Ему Самому (МФ.25,40)[64,33]*), **разъяснении значения Рождества** (*В сегодняшнюю священную ночь, когда мы, собравшись в храме Божиим, пытаемся приблизиться к Богу, обнять Его своим сердцем, молиться Ему, напомним себе, братья и сестры, три главных аспекта в событии Рождества Христова*).

Ценности религиозного общения в целом и проповеди в частности сводятся к ценностям веры: понимание греха и добродетели, спасение души, ощущение праздника. Специфика рассматриваемого дискурса состоит в том, что в религиозном общении суть дискурса состоит в открытом утверждении ценностей. Они в религиозном дискурсе выражаются в чистом виде, в форме иносказания и притч, а также повествования, когда логика сюжета является фактором убеждения (*Издавна существуют так называемые апокрифические рассказы, в которых говорится, что в радости Рождества принимал участие не только невидимый мир, но и видимый, сама природа... Каждое растение (да будет это упреком людям) приносило Господу в вертеп с поклоном свои дары... [64,32]*).

Говоря о ценностях религиозного дискурса, следует обратить внимание на ключевой культурный концепт этого дискурса. В данном случае таким

концептом является *вера*. Вера христианами понимается как «осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» (Евр.11,1).

Макроцель любой проповеди – обращение и/или утверждение в вере – достигается с помощью набора стратегий (*Христос принес на землю Откровение не только о Боге, но и о человеке, о его высоком призвании и о его богоподобном назначении. И это откровение о человеке, может быть, самое драгоценное, что у нас есть. Благодаря ему мы можем и должны приходить «в единство веры и познания Сына Божия, в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова» (Еф.4,13) [64,23]*).

Стратегии религиозного дискурса определяются целями и жанрами. К важнейшим целям религиозного общения, уточняющим его главную цель – приобщить человека к Богу, - относятся следующие: 1) получить поддержку от Бога (*Мы молим сегодня Начальника жизни и спасения, ради нас, человек, воплотившегося, принесшего миру свет разума и истинного боговедения: Господи, сохрани мир Твой в мире, даруй благостояние святых Божиих Церквей и спаси всех людей, населяющих землю. Даруй нашему Отечеству мир и благополучие, да Твоею милостью и любовью тихое и безмолвное житие проживем во всяком благочестии и чистоте [64,56]*), 2) очистить душу (*...Он требует отречься от себя, умереть для своего эгоизма, себялюбия и страстей... [64,22]*), 3) призвать ближних к вере и покаянию (*Сегодня миру дан Христос, чтобы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную. (Ин.3,15) [64,25]*), 4) утвердить верующих в вере и добродетели (*Да просветит Воплотившийся Христос Спаситель всех нас светом Божественного разума, да утвердит веру нашу. Пусть эта вера будет нашей силой во всяких жизненных испытаниях [64,30]*), 5) разъяснить вероучение (*Праздник Рождества – это праздник великой радости и духовного ликования. Радости потому, что Бог воплотился; радости потому, что Господь принес на землю мир и всепрощение; радости потому, что Господь смиряется, чтобы нас возвысить; терпит, чтобы мы*

благодумствовали), б) осознать через ритуал свою принадлежность к той или иной конфессии (*Эту звезду даровал нам Господь, звезда эта – наша святая православная вера. Пусть она руководит нами и приведет нас к яслям Воплощенного Слова Божия, где откроются сокровища мудрости и истины*[64,30]). Соответственно можно выделить следующие стратегии религиозного дискурса: молитвенную, исповедальную, призывающую, утверждающую, разъясняющую, обрядовую. Стратегии религиозного дискурса Рождественской проповеди представлены следующим рядом: разъясняющая (смысл и значение Боговоплощения), утверждающая (в вере через разделение чувства радости и благодарности), призывающая (осознание своей греховности и твердое намерение исправления).

Характерной особенностью религиозного дискурса, воплощенного в жанре проповеди (Рождественской в частности), является то, что религиозный дискурс сближается с педагогическим. Проповедь сходна с беседой (первоначально такова форма храмовой проповеди) и лекцией (катехизаторская проповедь), но отличается от этих жанров, прежде всего принадлежностью к особому общению – религиозному. Священник, произносящий проповедь, говорит не только в присутствии Бога, но и от лица Бога. Религиозное общение предъявляет высокие требования к личности проповедника, в частности, он должен быть непорочен, трезв, благочинен, некорыстолюбив, кроток и миролюбив.

К *дискурсивным формулам* религиозного дискурса относятся принятые в религиозном общении клише и функционально-обусловленные обороты, которые однозначно определяют тип данного дискурса (*Братья и сестры, Рождество Христово, Сын Божий, святая Церковь, Царство Небесное, Голгофский крест, Да просветит Христос Спаситель..., Да благословит Господь..., Постараемся своим умом постичь..., Станем мысленно у пещеры..., Пусть всегда будет в наших сердцах..., Пусть всегда душа наша будет..., Пусть она и впредь будет нашей звездой..., Аминь*).

Рассмотрение свойств грамматической структуры проповеди предполагает достаточно объемное исследование, которое осуществляется в отдельном разделе. Мы остановимся на некоторых характерных чертах грамматической структуры в дальнейшем.

Коммуникативная ситуация проповеди характеризуется наличием в поле зрения коммуникантов следующих объектов: все внутрехрамовое пространство заполнено паствой (средняя часть храма, притвор), убранство, иконография, зажженные лампы, горящие свечи, паникадило, аналой, плотно стоящие друг к другу прихожане, слегка возвышающийся на амвоне проповедник.

Хранящиеся в памяти знания/мнения о говорящем.

Как правило, на Господние праздники проповедует первоиерей, который достаточно хорошо знаком пастве. Данная информация является очень важным условием иллюкативной силы всей проповеди, ее действенности. Это объясняется тем, что пастырь призван учить народ не только словом, но и примером своей благочестивой жизни. Наш народ подчас склонен закрывать глаза на немощи и слабости личной, вне храма, жизни священника, если он чинно, благопристойно и молитвенно совершает богослужение и требы в храме. Но тот же народ внутренне отталкивается от пастыря, если он с высоты церковного амвона призывает избегать того, чем полна жизнь его самого. В этом аспекте для слушающего релевантной является информация о заботе пастыря относительно собственного спасения, борьбе с грехами, то есть личный подвиг и забота о спасении своей паствы, активная любовь к ней.

Другим условием действенности проповеди для каждого проповедника является овладение правильной литературной устной и письменной речью: абсолютная грамотность и свободное устное изложение своих мыслей.

Знания и мнения о характере происходящего взаимодействия и о структуре предшествующих коммуникативных ситуаций.

Прежде всего следует отметить тот факт, что проповедь является органической частью богослужения – литургии, поэтому слушающий не осознает себя исключительно реципиентом. В то же время объектом воздействия проповеди является и сам проповедник: все, что им сказано, имеет отношение в первую очередь к нему самому.

Коммуникативная ситуация проповеди как публичного институционализованного макроречевого акта, состоящего из последовательных речевых актов, характеризуется своей детерминированностью таким социокультурным контекстом, как богослужение.

Знания, полученные из предыдущих речевых актов (дискурса), достаточно информативны (но не всегда). Речь идет о тематическом прогнозировании предмета проповеди. Рождественская проповедь следует за чтением отрывка из Евангелия от Матфея, в котором повествуется о рождении Христа; кроме того, пение праздничного тропаря также предваряет тематику грядущей проповеди. И наконец, в самом начале богослужения, как только появился священник, можно определить макропропозицию проповеди: священник в белом облачении, в котором полагается на Господние праздники. Зимой, по завершении поста, такой праздник один, и это – Рождество.

Для правильной интерпретации речевого акта необходимо проанализировать прагматический контекст, в котором данный речевой акт был совершен. Это возможно лишь в том случае, если исходный контекст речевой ситуации, в соответствии с которым будет интерпретироваться речевой акт, содержит информацию трех видов:

- 1) информацию общего характера;
- 2) конечное информационное состояние;
- 3) глобальную информацию обо всех предшествующих взаимодействиях, об их структурах и процессах.

Более того, быстрая когнитивная обработка информации требует, чтобы прагматические контексты были иерархически структурированными. Эта иерархия определяется в терминах социальных структур, поскольку речевые акты являются составной частью социального взаимодействия. Социальный контекст может быть описан в следующих категориях:

- 1) личное – общественное;
- 2) формальное (институциональное) – неформальное.

Социальные контексты могут быть подвергнуты дальнейшему анализу в терминах следующих категорий:

- 1) позиции, 2) свойства, 3) отношения, 4) функции.

Далее уже могут анализироваться специфические свойства и отношения говорящего, его предыдущее поведение – поступки, действия, - а также содержание предшествующих речевых актов.

Внутренняя структура высказывания анализируется с учетом характеристики говорящего относительно его:

- 1) знания, мнения;
- 2) потребности, желания, предпочтения;
- 3) отношения, установки;
- 4) чувства, эмоции.

И последнее, что следует отметить, анализ прагматического контекста – как компонент понимания речевого акта в целом – включает в себя самоанализ со стороны слушающего.

Проанализируем прагматическую составляющую проповеди в аспекте фрейма, обозначив при этом проповедника буквой Г (х) – говорящий, прихожанина буквой С (у) – слушающий, понимая под *фреймом*, вслед за Т. ван Дейком, «единицу знания, содержащую основную, типическую и потенциально возможную информацию, которая ассоциирована с тем или иным концептом» [106,16].

Тип социальной ситуации: Институциональная. Публичная.

Институт: Церковь.

Фрейм: Проповедь.

А. Структура фрейма:

а) место: храм;

б) функции: Г (х) проповедник,
С (у) прихожане;

в) свойства: х имеет знаки отличия, по которым можно судить о его принадлежности к клиру или священству;
х выполняет функцию проповедника;
у обязаны благоговейно внимать произносимому с амвона;

г) отношения: х является авторитетом для у;

д) позиции: **х** сопереживает с **у** и наставляет.

Б. Фреймы конвенциональных установлений:

- 1) каждый присутствующий на богослужении обязан быть на проповеди;
- 2) проповедь входит в обязанности священства.

Соответствующая ситуации последовательность действий (слушающего).

Макродействие: - **у** присутствует на богослужении.

Предшествующая деятельность: - **у** пришел в храм,
 - **у** видит выход священника из алтаря
 (после чтения Евангелия),
 - **у** подходит ближе к амвону.

Соответствующая ситуации последовательность действий (говорящего)

Макродействие: -**х** выполняет свою обязанность

Предшествующая деятельность: -**х** готовится к служению,
 -**х** приходит в храм,
 -**х** служит литургию,
 -**х** выходит на амвон для проповеди.

Поскольку окончательное восприятие высказывания как вполне определенного речевого акта в большинстве случаев должно основываться на анализе самого высказывания, необходимо обратить внимание на логико-семантические особенности рассматриваемого речевого акта. Нас будут интересовать только те показатели, которые выполняют функцию индикаторов иллокутивного акта: референция, обозначение состояний, событий, действий, модально-темпоральный план, фоновые знания.

Семантический уровень.

Референция: обозначение участников коммуникации.

Проповедник обращается к слушающим словами «возлюбленные отцы, братья и сестры». Говорящий объединяет себя совместным действием со слушающими, то есть является одновременно и адресатом. На это указывают падежные формы личного местоимения 1 лица, мн. ч: *мы привыкли, открыть нам, к нам, дало нам, мы познали,*

посреди нас (В священные дни великого праздника Рождества Христова **мы**, естественно, думаем и размышляем об этом событии. **Мы** пытаемся представить себе картину Рождества, место, где произошло это событие, историю, связанную с ним, и т.д. Помогает **нам** в этом храм Божий, который является Вифлеемом, где непрестанно воплощается **нашего** ради спасения Христос Бог [64,67]).

Обозначение состояний, событий, действий.

Индикаторами данной категории могут служить следующие слова и словосочетания: тайна, нравственный крах, катастрофа, сверхъестественное событие, дар, снисхождение, милость, пришел, обличить, вернуть, дар познания, возможность созидания, достижение спасения, обручение, вместилище, вечное царствование и т.п. (Рождество Христово открыло нам Бога. Мы, верующие люди, имеем знание о Боге через Христа и потому сегодня, в рождественскую ночь, с такой радостью воссылаем Ему хвалу, честь и благодарение [64,45]).

Обозначение модально-темпорального плана.

Время: Временная картина событий представлена в чередовании времен: настоящее → прошедшее → настоящее → будущее. *Братья и сестры! Праздник Рождества – это праздник великой радости и духовного ликования. (настоящее время). Радости потому, что Бог воплотился; радости потому, что Господь принес на землю мир и всепрощение (прошедшее время). Радости потому, что Господь смиряется, чтобы нас возвысить; терпит, чтобы мы благодумствовали; страдает, дабы мы блаженствовали и вечно радовались... Не должно забывать в этот праздник и людей. Мы поздравляем друг друга с Рождеством, дарим людям добрые пожелания, участливый взгляд, помощь, обмениваемся праздничными подарками (настоящее время). Приложим усилия к тому, чтобы быть еще внимательней к своей семье, соседям, сотрудникам, ко всем, кто нас окружает, ибо всякое доброе дело, сделанное человеку, расценивается Христом Спасителем как сделанное Ему Самому (Мф.25,40)(действие в будущем) [64,33].*

Возможные миры: Физический мир человека – божественный мир. *Не многие сподобились в ту ночь поклониться Воплощенному в Вифлееме. Из этих немногих были простые пастухи вифлеемские. Они увидели посланников небес, услышали их благовестие о Воплощении Сына Божия, о той радости, которая, по словам Ангелов, будет всему миру... Пусть эта вера будет нашей силой во всяких жизненных испытаниях. Пусть она*

и впредь будет нашей звездой на пути к Богу – от земли, этой юдоли плачевной, до светлых сияющих вершин вечной радости и жизни с Богом в Царствии Небесном [64,30].

Обязательства: Призыв к внутреннему подвигу. Спаситель наш явился, чтобы низложить всех врагов нашего спасения, воцарить всюду радость и мир, и для нас нет большей славы, как побеждать собственные страсти, властвовать над желаниями своего сердца, созидать мир и братство среди людей. Когда мы вообразим в себе эти качества Христа Иисуса, тогда настоящая радость наша будет исполнена и никто не отнимет ее у нас [64,37].

***Знание мира** (фоновые знания): тайной считается некая скрытая для большей части людей информация, которая представляет определенную ценность (Подобно пастырям, собрались и мы все ныне в Вифлееме – в храме Божием, желая уразуметь тайну воплощения [64,34]; Рождество Христово – это великая тайна обручения Бога с человеком, тайна непостижимая и постигаемая, тайна Божественная и человеческая, тайна небесная и земная [64,25-26]). В нашем материальном мире все явления находят свое объяснение с помощью физических законов (В нашем ограниченном трехмерном мире благоволил воплотиться Сын Божий, Господь наш Иисус Христос [64,24]). Все происходящие с людьми события можно условно разделить на естественные и сверхъестественные (Хотя это событие [рождество] совершилось на земле в определенное историческое время и в определенном географическом месте, следует признать в нем событие сверхъестественное, событие небесного и Божественного плана [64,24]); принесение чего-либо в дар, снисхождение, милость – все это проявление любви и заботы (Рождество Христово – это дар неба земле. Рождество Христово – это Божественное снисхождение и милость к роду человеческому [64,24]); обличение (Сын Божий пришел на землю, чтобы открыть нам тайну Бога, Отца и Сына и Святого Духа, чтобы Своей Божественной святостью и праведностью обличить нашу человеческую греховность и неправду [64,24-25]); общие представления о спасении, вечной жизни (Так возлюбил Бог мир, что Сына Своего Единородного дал, дабы Он спас мир (Ин.3,16) [64,21]; Сегодня миру дан Христос, чтобы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную (Ин.3,15)[64,25].*

1.3. Жанровая специфика Рождественской проповеди

Теория речевых жанров как предмет исследования тесно переплетается с лингвистикой текста. Именно развитие исследований в области текста с позиций антропоцентризма способствовало дальнейшему изучению проблемы жанроведения, выхода ее за рамки художественной литературы.

В лингвистике нет общепринятого толкования термина «речевой жанр», хотя большая часть ученых истолковывает данное понятие соответственно точке зрения за М.М. Бахтина, основоположника теории речевых жанров. Так, Е.А Селиванова под термином речевой жанр понимает “единицу речевой системы, инвариант вербальной коммуникации, характеризующийся общностью тематического содержания, композиционно-структурных, интенционально-прагматических, стилистических и др. черт” [261,330]. Ф.С. Бацевич («Основы коммуникативной лингвистики») предлагает сразу два определения термина “речевой жанр”:

1) речевой жанр – принятые в конкретных ситуациях и предназначенные для передачи определенного содержания типовые способы построения речи; развернутое речевое построение, которое состоит из нескольких (порой значительного количества) речевых актов, иллокутивная сила которых подчинена определенной стратегии и тактике адресанта.

2) речевой жанр – тематически, композиционно и стилистически устоявшиеся типы сообщений – носителей речевых актов, объединенные целью общения, замыслом говорящего с учетом личности адресата, контекста и ситуации общения [34,324,160]. В лингвистической энциклопедии под редакцией Kristen Malmkjær приводится следующее определение жанра: «жанр – это текст или тип дискурса, который признается как таковой [участниками коммуникативного акта] благодаря своим характерным стилистическим чертам или особенностям формы. Данные признаки могут быть выявлены в результате проведенного стилистического и тексто-лингвистического/дискурсного анализа и/или наличия определенной функции, присущей всем текстам, которые принадлежат данному жанру

[349,176]. Британский ученый Суэйлз (J Swales) понимает речевой жанр как «более или менее стандартное коммуникативное событие со своей целью или набором целей, которые осознаются участниками данного события и которые обусловлены скорее функциональными, а не социальными или личными установками» [Там же,176].

До недавнего времени жанр связывался только с литературоведением; понимание данного термина как общефилологической категории имеет истоки в работах М.В. Ломоносова, который в самом общем виде использовал понятие жанра при изложении своей теории «трех штилей». Ученый выделял следующие жанры: героические поэмы, оды, прозаические речи о важных материях, стихотворные и прозаические дружеские письма, описание обыкновенных дел, комедии, элегии, эклоги, эпиграммы [140,74].

Дальнейшее развитие представление о жанрах получает в работах М.М. Бахтина, оформляясь в научную концепцию в 20-х годах прошлого века: работа «Проблема речевых жанров», написанная в 1952-1953 гг., впервые была опубликована в 1978 г. О литературно-художественных жанрах М.М. Бахтин говорит как о жанрах вторичных, культивированных из первичных жанров бытового общения, которые он и называет речевыми жанрами, то есть бытующими в естественной речи. М.Бахтин указывает на прямую зависимость жанров от «социальной среды» - жанр «сталкивается с этой средой, ограничивается и определяется средой во всех внутренних моментах» [29,75]. Наряду с литературно-художественными, вторичные жанры формируются и в других сферах общения – научной, деловой, публицистической. В своих рассуждениях М.М. Бахтин упоминает около 30 жанров (беседа, ссора, описание, военная команда, возражение, восхищение, одобрение, дневник, ответ, письмо, пожелание, осуждение, похвала, приветствие, приказ, протокол, прощение, публичное выступление, роман, согласие, сочувствие, шутка, научный трактат, вопрос и т. д., обращая особенное внимание на устные жанры бытовой речи, служащие основой,

первичной базой для всех остальных [29, 80]. Как отмечает Ф.С. Бацевич, разнообразие выделенных М.М. Бахтиным жанров дает основания говорить о наличии противоречивых критериев выделения речевого жанра [34,112]. Таким образом, жанры М. Бахтина неоднородные – от разговорной реплики до многотомного романа. Однако ученый обращает внимание на некоторые общие для всех речевых жанров особенности: это смысловая завершенность таких единиц, а также то, что «любое высказывание имеет абсолютное начало и абсолютный конец: до его начала – высказывания других, а после его завершения – высказывание других в ответ (или молчаливое понимание в ответ, либо ответное действие, основанное на понимании)» [29,249-250].

Понятием речевого жанра без особых разъяснений пользуются многие лингвисты: В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, М.В. Панов, Ю.С. Степанов [195,492-494]. При этом следует отметить, что только М.М. Бахтин и М.В. Панов строго терминологически употребляют сочетание «речевой жанр», тогда как остальные варьируют это обозначение: жанры общения, языковые жанры, жанры речи, жанры словесности. В.В. Виноградов приводит до 10 таких описательных вариантов [60,116]. Все эти факты говорят о том, что в начале прошлого века представления о речевых жанрах как «первичной реальности речевой жизни» [29,297] не получили четкого научного оформления.

М.Ю. Федосюк, переосмысливая теорию М.М. Бахтина, приводит убедительные факты, подтверждающие наличие в диалоге таких реплик, компоненты которых можно отнести к разным речевым жанрам [303,75]. Лингвист предлагает характеризовать речевые жанры не как тип высказывания, а как тип текста, поскольку текст - это последовательность знаковых единиц, объединенная смыслом, основными свойствами которой являются связность и целостность [Там же, с.76].

Т.В. Шмелева обращает внимание на то, что, говоря о речевом жанре, мы имеем дело с непосредственной коммуникацией, и в данном случае речевой

жанр – это не текст, вернее, не только текст, поскольку в общении мы пользуемся различными невербальными средствами (мимика, взгляд, жесты), которые также определяют природу того или иного жанра [319,60].

Сегодня вопрос о речевых жанрах вновь перемещается в центр внимания лингвистов постсоветского пространства. Нельзя не отметить тот факт, что в современной филологии оказывается подготовленной научная база для решения данной проблемы. В ряде концепций разработка теории речевого жанра базируется на теории речевых актов, о которой в отечественной науке известно со времен выхода книги Н.Д. Арутюновой „Предложение и его смысл” (М., 1976) [319,59].

На связь понятий речевого жанра и речевого акта указывали неоднократно многие ученые – Гольдин В.Е., Дементьев В.В., Земская Е.А., Кобозева И.М., Сиротинина О.Б., Федосюк М.Ю., Шмелева Т.В. и др. Практика обращения с тем и другим понятиями в отечественной лингвистике, наблюдения за некоторыми речевыми жанрами приводит к заключению о том, что понятие «речевой акт» может использоваться для обозначения более широкого круга речевых явлений, чем речевой жанр. Т.В. Шмелева приводит три факта, свидетельствующие о необходимости различения этих понятий:

- «во-первых, некоторые речевые акты не воплощаются в речевых жанрах (повтор, напоминание, переспрос, оговорка, проговор и др.);

- во-вторых, речевой акт, как более элементарное понятие, может быть использован для описания и противопоставления жанров одноактных и многоактных (беседа, спор, уговоры, ссора);

- в-третьих, в отечественной русистике отмечается преимущественное внимание не к языковому воплощению различных речевых актов, а к семантике» [319, 60].

Ученый дает свое определение речевого жанра, квалифицируя его как элементарное понятие той части филологической науки, которая обращена к реальностям речевой жизни. Речевой жанр – это не текст, несмотря на то что

в огромном количестве случаев жанр реализуется в тексте, поскольку текст – это только одна из возможностей реализации, одна из его репрезентаций. Один и тот же жанр может быть воплощен во множестве текстов, а может, например, частично в словесном тексте, а частично паралингвистическими средствами (проповедь).

М.М. Бахтин говорит о жанре как о типовой модели построения речевого целого. Жанровая модель – некая речевая возможность, предполагающая диапазон разнообразных воплощений, разнообразие которых не исключает понимания жанровой природы текста. Вслед за Т.В. Шмелевой, мы выделяем семь параметров жанровой модели Рождественской проповеди: 1) коммуникативная цель; 2) концепция автора; 3) концепция адресата; 4) событийное содержание; 5) фактор коммуникативного прошлого; 6) фактор коммуникативного будущего; 7) языковое воплощение.

1. Коммуникативная цель (намерение, интенция) – главный параметр, определяющий природу речевого жанра и составляющий фундамент типологии речевых жанров. Коммуникативная цель любой проповеди сводится к двум её составляющим: сообщению новой информации и эмоционально-рассудочного, то есть сердечного (сердце – орган познания в церковной традиции) воздействия. Для характеристики жанра проповеди по данному параметру необходимо ввести понятие миров и противопоставить их: мир информации, мир личностных ощущений, мир ритуальной действительности, мир реальных событий, сакральный мир.

а) **Мир информации** (сведений, знаний, информативное пространство).

Мир информации Рождественской проповеди представлен сведениями по истории, географии, социально-экономической ситуации Ближневосточного региона в период правления кесаря Октавиана Августа (31 до н.э. – 14 н.э): *Станем мысленно у пещеры, где некогда родился Христос, и поклонимся Ему вместе с чистосердечными пастухами, мудрыми волхвами, праведным Иосифом Обручником, вместе с Пречистой Девой Богородицею, с Ангелами*

и со всей спасенной тварью. Вместо золота, смирны и ливана принесем в дар Христу красоту наших душ и чистоту наших сердец. Рождество Христово, совершившееся две тысячи лет назад в Вифлееме иудейском.... Пока царь Ирод и его двор льстиво и лицемерно, без успеха искали Иисуса Христа, не нашли Его ни книжники, ни первосвященники, которые лениво и холодно искали; нашли Его, однако, пастухи; нашли Его и волхвы... Мудрецы шли долго из Аравии в Иудею.

Кроме того, данная подкатегория содержит знания Священной истории: *Рождество Христово – это не только завершение множества божественных обетований и пророческих предсказаний, это обращение к будущему, Второму пришествию, которое решит нашу вечную судьбу, и уверение в нем; Сын Божий пришел к нам, чтобы примирить небо с землей и Бога с человеком. Это примирение Он осуществил Своею кровию, Своим искупительным подвигом; Спаситель наш для того родился и для того пришел в мир, чтобы свидетельствовать истину, и наше бытие на земле, в плане Промысла, не имеет другой цели, кроме той, чтобы свет наш светился перед людьми и чтобы все, видящие дела наши, прославляли Отца, Который на небесах.*

б) Мир личностных ощущений (самочувствие коммуникантов, находящееся под влиянием проповеди).

Данная подкатегория представлена рядом эмоциональных составляющих – чувств и переживаний, свойственных коммуникантам. Прежде всего следует отметить чувство радости, поскольку Рождество – один из трех наиболее важных праздников, установленных Церковью. Радость, наполнявшая сердца иудеев две тысячи лет назад, и радость сегодняшних христиан – это чувство исполнения обещанного, радость обретения Мессии. Ветхозаветный мир не одно столетие жил в ожидании прихода Мессии, располагая самыми подробными предсказаниями и пророчествами о его рождении, жизни и смерти. Предсказания пророков о его пришествии и служении были так ясны,

что господствовало всеобщее ожидание явления в мир некоего великого освободителя и на его пришествие смотрели как на одно из величайших событий в мировых летописях. «Евреи стонали под чужеземным игом и нетерпеливо ждали освобождения от него; они надеялись на то, что обещанный Мессия, как царь, поведет их в бой с врагами и изгонит римские легионы с их священной земли. В сердечном ослеплении они не понимали того, что царство его – духовное, что освобождение им евреев долженствовало проявиться в освобождении не только их, но и всего человечества от уз и владычества греха, что плодами этого освобождения будут святость и жизнь вечная и что призваны к участию в этом все не только иудеи, но даже и язычники, раскаявшиеся и уверовавшие в Евангелие [36,701-702]». Именно данное понимание переживаемой радости присуще христианам, в отличие от ветхозаветного иудейства, поскольку слово Иисус происходит от еврейского слова *спасать* или *посланный спасти* (Мф. 5:21, Лк 2:21). Рождество Христово – это пришествие в мир спасителя, и каждого отдельного человека, и всего рода человеческого.

Когда первые люди исповедали перед Богом свой грех, то Бог по своему милосердию дал им надежду спасения: *И сказал Господь Бог змию, - так повествует священный бытописатель,- вражду положу между тобою и между женою, между семенем твоим и между семенем (потомством) ее, оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пяту* (Быт. 3:14-15).

Чувство радости – преобладающая эмоциональная составляющая верующего в Рождественскую ночь: *В эту священную ночь радуются небо и земля. Радуетесь сегодня и мы, христиане...; Почему же с такой радостью Церковь прославляет Рождество Христово? ... Почему верующие сердца наполняются в эту священную ночь трепетным благоговением и чувством*

радости?; Братья и сестры! Праздник Рождества – это праздник великой радости и духовного ликования.

*Помимо всеохватывающей радости, коммуниканты испытывают и чувство благодарности: *Больше же всего будем благодарить и непрестанно славить божественное снисхождение; Благодаря ему [Христу] мы можем и должны приходить “в единство веры...< >, в меру полного возраста Христова”*; В эту священную ночь возблагодарим Христа, Воплотившегося нас ради человек и нашего ради спасения... .*

*В Рождественской проповеди говорящий обращается и к чувству сожаления, скорби, характеризуя человеческую природу, отягощенную грехами: *Многие ли из нас тревожат себя в нынешнюю ночь, многие ли готовы лишиться себя сна и пожертвовать отдыхом, пободрствовать ради праздника, чтобы прийти в храм прославить Бога и здесь вкусить блаженства неземного?*; Будем же бояться лести и лицемерия, холодности и небрежения...; Мир повернулся к Спасителю своей многоликостью, и немного найдется сегодня таких людей, которые побеспокоили бы себя и открыли дверь стучащему и желающему войти к нам Господу и Его Пречистой Матери. Мы черствы и холодны, коснеем в лености.*

Таким образом, характеризуя мир личностных ощущений участников коммуникативного акта Рождественской проповеди, следует отметить главные эмоциональные составляющие переживания, свойственные коммуникантам данной ситуации: чувство радости, благодарности и самоуничтожения, сокрушения о своих грехах.

в) Мир ритуальной действительности (организуемый социальными отношениями, обычаями и т.п.).

Несмотря на принадлежность проповеди, Рождественской в частности, к строго институциональному дискурсу, данная подкатегория не характеризуется наличием фиксированного ряда этикетных черт. Жанр Рождественской проповеди «нацелен» на такие проявления этикетной

действительности как приветствие и поздравление: *Приветствую вас, возлюбленные отцы, братья и сестры, с великим праздником Рождества Господа нашего Иисуса Христа!* [64,24]; *Поздравляю всех вас с великим и радостным праздником – Рождеством Господа нашего Иисуса Христа* [64,57].

г) Мир реальных событий. Жанровая принадлежность того или иного произведения слова, описывающего мир реальных событий, определяется соотносённостью последнего с приказом, просьбой, запретом, мольбой, советом, рекомендацией, инструкцией, распоряжением, обещанием, обязательством и т.п.

Рождественская проповедь обладает многими вышеперечисленными признаками.

Прежде всего, ее можно рассматривать как некое «увещевание ко спасению», хотя данная соотносённость является условной: *Будучи Господом, Богом, Он явился нам, чтобы мы Его постигли, в Нем черпали для себя силу и благодатную помощь* [64,57]; *Мы знаем и верим, что в любой точке мира, где совершается святая Евхаристия, нам даруется подлинное присутствие Христа Спасителя, даруется жертвенная нетленная пища для нашего нынешнего странствования в направлении к вечному Граду* [64,20]; *Спаситель наш пришел дать душу Свою в цену избавления за грехи всего мира, да не будет и для нас меньшей любви, как полагать, в случае необходимости, душу свою за други своя. Спаситель наш явился, чтобы низложить всех врагов нашего спасения, воцарить всюду радость и мир, и для нас нет большей славы, как побеждать собственные страсти, властвовать над желаниями своего сердца, созидать мир и братство среди людей. Когда мы вообразим в себе эти качества Христа Иисуса, тогда настоящая радость наша будет исполнена и никто не отнимет ее у нас. Тогда Сам Иисус Христос, Виновник нашей радости и спасения, вообразится в нас* [64,34].

Элементы просьбы и совета, объединенные в призыв, представлены наибольшим количеством примеров: *В сегодняшнюю священную ночь, когда мы, собравшись в храме Божием, пытаемся приблизиться к Богу, обнять Его своим сердцем, молиться Ему, напомним себе, братья и сестры, три главных аспекта в событии Рождества Христова [64,19]; Постараемся своим умом постичь, своим сердцем обнять тайну Божьего о нас смотрения. Больше же всего будем благодарить и непрестанно славить божественное снисхождение [64,20]; Пусть всегда будет в наших сердцах и в нашем уме это высокое Божественное откровение о сущности Божией, о сущности и назначении каждого из нас [64,23]; Пусть всегда душа наша будет вместилищем воплотившегося ради нас Бога, а сердце наше – престолом, на котором да царствует во веки Христос! [64,26]; Да просветит Воплотившийся Христос Спаситель всех нас светом Божественного разума, да утвердит веру нашу [64,30].*

Таким образом, подкатегории такого параметра, как **коммуникативная цель**, в Рождественской проповеди представлены следующим рядом: мир информации – знания общего характера, имеющие отношение к Ближнему Востоку, а также сведения Священной истории христианства: *Не многие сподобились в ту ночь поклониться Воплощенному в Вифлееме. Из этих немногих были простые пастухи вифлеемские... Достигли тогда Воплотившегося и поклонились Христу три восточных мудреца, принесли Ему свои скромные дары [64,29]; Как ни усердствовал Ирод, чтобы найти Новорожденного, он не нашел Его. Больше того, Мария и Иосиф пришли в Иерусалим принести жертву очищения, а Ирод и этого не узнал, хотя храм находился всего лишь в нескольких шагах от его дворца [64,39]; мир личностных ощущений, который выражен чувствами радости, изумления, благодарности, самоуничтожения, с преобладанием чувства “ликующей радости”: *Рождество Христово дает нам радость богоусыновления и полную уверенность в вечной жизни. Имея обо всем этом знание и свет**

Христову разума, невозможно не радоваться всей душой и всем своим сердцем о божественном снисхождении [64,45]; Молитва здесь и размышление о воплощении Сына Божия вызывают у нас определенные чувства. Прежде всего – чувство изумления. Бог и Господь приходит на землю, чтобы стать по всему нам подобным. И как приходит! Через Деву Марию, как Человек, как Младенец, полагается в убогих яслях, потому что не было для Него иного места!... Кроме изумления у нас рождается и чувство особой благодарности за милость и любовь Божию к нам, земным людям, к делу нашего спасения. Какое снисхождение Божие к человеку! [64,67]; При размышлении о Рождестве Христовом возникает еще одно чувство – стыда и раскаяния [64,68], Что же, братья и сестры, мы можем принести в дар нас ради родившемуся Господу? Мы богаты только грехами [64,33]; Братья и сестры! Праздник Рождества – это праздник великой радости и духовного ликования [64,31]; мир реальных событий, представленный синтезом черт, присущих просьбе, совету, наставлению, который может быть обозначен как призыв: Будем же бояться лести и лицемерия, холодности и небрежения, которые закрыли очи сердца Ироду и иудеям, не нашедшим Божественной правды и не пришедшим в познание истины [64,41]; Празднуя великое событие Рождества, воплощения Сына Божия, постараемся возобновить в нашей душе память о непрестанном присутствии с нами Бога (Мф.28,20) [64,20]; Прославляя Христа, возлегшего ради нас в яслях, в убогом вертепе, будем ценить дар Божия ведения, ибо в свете этого дара рассеиваются все наши человеческие недоумения. Будем с достоинством и любовью кланяться истинному Солнцу правды – Христу Богу, потому что в нем для нас и знание, и тепло, и свет, и жизнь [64,54].

Исходя из того, в каком из миров речевой жанр находит наиболее полное выражение, принято выделять (вслед за Т.В. Шмелевой) информативные, оценочные, этикетные или императивные жанры.

Анализ выявленных жанровых свойств Рождественской проповеди не позволяет отнести ее ни к одному из указанных типов, поскольку каждая подкатегория может быть рассмотрена самостоятельно как определяющая тип.

Причину этого мы усматриваем в несовершенстве классификации, исключающей рассмотрение жанра в совокупности свойств каждой подкатегории в равной мере. Выход из создавшегося положения нами видится в введении новой подкатегории – *сакрального мира* (сакральный/профанный), которая объясняет сакральный тип отношений, не известный нерелигиозному светскому сознанию.

Сакральность отношений обусловлена наличием абсолюта и отсутствием релятивизма; отношения строятся и развиваются по вертикали. Сакральный мир Рождественской проповеди – это литургическая реальность, объективное присутствие Христа в Святом Духе в евхаристическом собрании верующих как Тела Христовом. То, что проповедуется, будет даровано верующим в таинстве Причащения, в котором верующий под видом хлеба и вина, вкушая самого тела и крови Христовой, таинственно соединяется со Христом и получает залог вечной жизни. Экзистенциальность происходящего переживается каждым верующим индивидуально и, вместе с тем, соборно, как один организм.

Сакральный тип жанра характеризуется разновекторностью коммуникативных целей императивной направленности. Так, коммуникативная цель Рождественской проповеди - призыв к внутреннему изменению человека путем “обожения” как результат рождения и пребывания Христа в верующем сердце и наследование жизни вечной в конечном итоге. Это «наиболее явная» коммуникативная цель, но не единственная; одна из представленных в Рождественской проповеди целей – сообщение новой информации исторического плана, обращение к чувствам и переживаниям человека – радости, вины (через укор), самоуничужения и т.п. Только адресат

выделяет для себя главную цель, то, что релевантно для него в большей степени. Храмовая проповедь (Рождественская таковой и является) тем и отличается от миссионерской, что содержит целый ряд (иногда достаточно большой) коммуникативных целей, поскольку в храме присутствуют как неофиты, так и верующие с более богатым опытом духовной жизни, при этом каждый внимающий проповеднику желает услышать что-то новое для себя во много раз им до этого услышанном; вторым моментом, объясняющим многоцелевость коммуникативной установки, является религиозный опыт. Если с внешней стороны каждая религия предстает как определенная организация (церковь) с догматами, конкретными нравственными требованиями, правилами, различными священнодействиями (культом), то изнутри для действительно, а не номинально верующего она открывает особый духовный мир, Бога и настолько бесконечно богатое многообразие духовных переживаний, что другому человеку (хотя бы и прекрасно знающему внешнюю сторону религии) словами передать его невозможно. «Тайны религии, - писал священник Павел Флоренский, [227,20-21] - это не секреты, которые не следует разглашать, не условные пароли заговорщиков, а невыразимые, несказанные, неопишуемые *переживания*, которые не могут облечься в слово».

Религиозный опыт в своей непосредственности не является ни научным, ни философским, ни эстетическим, ни этическим, и, подобно тому, как умом нельзя познать красоту (а можно о ней только подумать), так лишь бледное представление об опаляющем огне религиозного переживания дается мыслью.

Жизнь святых, подвижников, пророков, основателей религий и живые памятники религии: письменность, культ, обычай... - вот что, наряду с личным опытом каждого, вернее вводит познание в области религии, нежели отвлеченное о ней философствование [227,21]. Именно различный религиозный опыт обусловил наличие нескольких коммуникативных целей,

помимо главной, в Рождественской проповеди. Однако все цели, несмотря на их векторную разноадресатность, подчинены одной единственной – сотериологичной: побудить человека сделать еще один шаг на пути к спасению.

2. Концепция автора. Термин принадлежит М.М. Бахтину. В.В. Виноградов предлагает данный параметр речевого жанра как модели именовать образом автора.

Анализ образа автора предполагает рассмотрение отношений автора к адресату в парадигме свой – чужой, старший – равный – подчиненный, авторитетный – неавторитетный, имеющий – не имеющий полномочий, более – менее осведомленный, заинтересованный – незаинтересованный.

В Рождественской проповеди отношения автора к адресату строятся как “свой” к “своему”. На это указывают формы обращения, соотнесенность адресанта и адресата: *Приветствую вас, возлюбленные отцы, братья и сестры...* [64,24]; *Это ради нас, людей, и ради нашего спасения...* [64,21]; *Сын Божий пришел к нам...* [64,25]; *Братья и сестры!* [64,31]; *Вот, братья и сестры, что приближает нас к Богу и роднит с Ним. Каждый из нас может стать Ему и матерью, и братом, и сестрой через слово Божие, через исполнение воли Божией* [64,73].

Рассматривая отношения **старший-равный-подчиненный**, следует обратить внимание на манифестацию их как на вербальном, так и невербальном уровне. Указание на отношения «на равных» находим в использовании:

1) местоимения первого лица множественного числа различных падежных форм и соответствующего ему притяжательного местоимения: *В сегодняшнюю священную ночь, когда **мы**, собравшись в храме... < ... > ... напомним себе, братья и сестры, три главных аспекта в событии Рождества Христова* [64,19]; *Сын Божий пришел к **нам**, чтобы примирить небо с землей и Бога с человеком. Рождество Христово дало **нам** Спасителя*

*Господа Иисуса Христа. Оно даровало **нам** познание любви, благодати и милости Божией [64,25]; Началом всех грехов **наших** и, следовательно, вражды **нашей** против Бога было то, что **мы** с прародителями пожелали быть, как боги, дерзнули на похищение славы Божией... [64,36-37];*

2) побудительных предложений, содержащих призыв к совместному действию: *Празднуя великое событие Рождества, воплощения Сына Божия, постараемся возобновить в нашей душе память о непрестанном присутствии с нами Бога [64,20]; Станем мысленно у пещеры, где некогда родился Христос, и поклонимся Ему вместе с чистосердечными пастухами, <...>[64,23]; Порадуем сегодня Богоматерь, если не делами, ибо они скудны, то хотя бы желанием нашим быть лучше, чище, добрее [64,66].*

Указания на старшинство выражается и паралингвистически – проповедь произносится служащим литургию пресвитером или епископом, облаченным в праздничные богослужебные ризы. Старшинство понимается не как возрастные отличия, а лишь как степень авторитета и наличие служебных функций: перед Богом все равны – и мирянин, и патриарх. С подобной точки зрения следует рассматривать и отношения **подчиненности**, подчинения, конечно же, добровольного, священнику как пастырю, заботливому отцу. В целом отношения внутрицерковные напоминают больше семейные – все верующие воспринимают себя детьми Божиими, обращаясь к друг другу не иначе как “брат”, “сестра”. Обращение к священнику “отец имярек” или же неформальное “батюшка” отражает скорее традицию, а не догмат, поскольку «...один у нас Отец Небесный, Иисус Христос».

Призывать благословение может только пресвитер (или епископ): *Да благословит Господь ныне всякую душу и каждого человека, нашу Церковь и нашу страну, и да поможет всем нам совершенствоваться в добродетелях, которые помогают нам быть подобными Христу, они же – лучший дар нас ради воплотившемуся Господу [64,33].* Анализ образа автора в дихотомии «авторитетный – неавторитетный» свидетельствует: адресант

имеет статус авторитетный, вытекающий из его функции - священного служения. Фактор возраста священника не имеет значения: священник как таковой уже авторитет для прихода, правда, седовласый иерей обладает *большим*, как правило, авторитетом.

Эффективность императивного воздействия зависит от многих факторов. Не последнюю роль играет категория, характеризующая автора как «имеющего – не имеющего полномочий».

Полномочия заботы, наставления, пастырства вытекают из института священства как такового, получившего дальнейшее развитие в церковной традиции.

Преыдущая категория объясняет наделение священника статусом «более осведомленного» участника коммуникативного акта в сравнении с мирянином. При этом не отрицается наличие более глубоких знаний или осведомленности у прихожанина в том или ином вопросе. Священник не признает за собой непогрешимости, может иметь свое собственное мнение или взгляд на то или иное событие или факт, которое может расходиться с общепринятым в Церкви. Однако то, что звучит с амвона, должно всегда быть выверено с тем или иным догматом. Адресант Рождественской проповеди, без сомнения, признается более осведомленным в изложении событий Священной истории и их трактовке.

Заинтересованность проповедника в действенном результате произносимой проповеди обусловлена, по крайней мере, двумя причинами:

- 1) тождественностью адресант-адресат; сказанное проповедником с амвона имеет отношение в одинаковой мере и к нему самому, а не только к пастве;
- 2) священник несет личную ответственность перед Богом за души, приведенные ко Христу.

Таким образом, характеризуя концепцию автора Рождественской проповеди, мы можем указать на ее основные черты. Прежде всего, адресант

проповеди – это «свой», авторитетный, имеющий полномочия дать совет, укорить, ободрить, одним словом, наставить адресата на путь истинный. Автор более осведомлен в предмете проповеди, чем реципиент; заинтересован в достижении поставленной коммуникативной цели. Особенностью данной категории, присущей, на наш взгляд, именно жанру проповеди, является диффузность элементов парадигмы «старший – равный – подчиненный»: а) автор проповеди *старший* по отношению к приходу в связи с возложенными на него функциями, священнической миссией; может быть старшим по возрасту; б) равный как верующий, как член Церкви – Тела Христова; в) подчиненный по отношению, как и все верующие, к вышестоящему священноначалию (протоиерею, епископу, митрополиту, патриарху) в церковно-приходской иерархии; подчиненный, как подчинивший себя воле Божией, наряду со всеми верующими.

3. Концепция адресата. Данная категория, имеющая синонимические варианты в лингвистической литературе (*образ адресата*, по В.В. Виноградову, и *фактор адресата*, по Н.Д. Арутюновой), характеризуется набором тех же признаков, что и концепция автора.

Адресат (всегда во множественном числе) является «своим» как для автора проповеди, так и по отношению к другим адресатам. Прежде всего, данное положение объясняется тем, что проповедь произносится, как правило, иереем, занимающим более высокое положение в церковной иерархии, к тому же и в «своем» храме, то есть там, где он знаком большей части прихожан, многих из которых он знает лично. Кроме того, не следует упускать из виду «семейный» тип отношений внутри Церкви: все верующие – это дети Божии, пресвитер – пастырь, заботливый отец своих чад по примеру пастырского служения самого Христа; отец не может быть чужим, - плох, хорош, но свой: *Рождество Христово открыло нам друг друга, ибо только в Боге, в глубоком понимании, что такое человек и каково его назначение, в глубоком сознании того, что каждый человек есть творение Божие, мы*

познали друг друга как члены единой семьи, населяющей вселенную, как дети единой Христовой Церкви, как дети Одного Отца [64,25].

Рассматривая парадигму *«старший – равный – подчиненный»*, необходимо отметить применимость лишь двух компонентов: равный и подчиненный.

Равность адресата по отношению к автору проповеди вытекает из равенства всех перед Богом, а также равенства всех верующих, в том числе и священства, друг перед другом как членов одного тела Христова. Прихожане, независимо от своего социального статуса, общественного, материального положения, пола, возраста, все равны в глазах проповедника.

С другой стороны, адресат является подчиненным адресанта в той мере, какая предусмотрена исходя из обязанностей священства.

На наш взгляд, рассмотрение таких подкатегорий, как *«авторитетный – неавторитетный»*, *«имеющий – не имеющий полномочий»*, не представляется возможным, поскольку концепция адресата Рождественской проповеди не характеризуется данными свойствами.

С определенной долей условности можно описать концепцию адресата с точки зрения *«более – менее осведомленный»*, поскольку цель Рождественской проповеди не столько сообщить верующим о том или ином событии Рождества Христова, сколько расставить акценты на них, подчеркнуть важность и значимость того, что произошло. Поэтому адресат может быть охарактеризован как менее осведомленный условно.

Последняя подкатегория *«заинтересованный – незаинтересованный»* имеет четкое выражение в *«заинтересованности»* адресата очередной раз осознать тайну Рождества, его смысл и значение в своей жизни: *«Да благословит Господь ныне всякую душу и каждого человека, нашу Церковь и нашу страну, и да поможет всем нам совершенствоваться в добродетелях, которые помогают нам быть подобными Христу, они же – лучший дар нас ради воплотившемуся Господу [64,33].*

4. Событийное содержание. Данная категория предусматривает анализ таких событийных свойств: отнесенность – неотнесенность к личной сфере автора или адресата; временная перспектива события; оценка события.

С одной стороны, событие, о котором идет речь в Рождественской проповеди, не соотносится с личной сферой ни автора, ни адресата: *Господь пришел на землю в определенное время, родился в определенном географическом месте нашей планеты* [64,19]. Это событие случилось в Вифлееме иудейском, 2005-2009 лет назад.

С другой стороны, Рождество Христово – это событие, происходящее ежегодно, однократно и постоянно: *...святая Церковь задолго до праздника Рождества Христова, и особенно в эту священную Рождественскую ночь, призывая верующих чад встречать воплощенного Христа, воспевает: «Христос раждается, славите» - не «Христос родился», но «Христос раждается». Это значит, что Боговоплощение есть вечно живое событие в бытии всего мира, в истории человечества, в деле нашего спасения. Сын предвечно рождается от Отца. Христос действительно постоянно рождается в сердцах тех, кто открывает Ему двери сердца, кто приносит Ему душу свою, как земля принесла вертеп, кто разум свой предоставляет Ему, как предоставила Преподобная Дева Свою утробу, соделавшись Престолом вечно царствующего Сына Божия* [64,27-28]; *Мы знаем и верим, что в любой точке мира, где совершается святая Евхаристия, нам даруется подлинное присутствие Христа Спасителя, даруется жертвенная нетленная пища для нашего нынешнего странствования в направлении к вечному Граду. Разве это, братья и сестры, не вечное Рождество?* [64,20].

Временная перспектива категории событийного содержания Рождественской проповеди двухкомпонентна: хорошее событие в личной сфере адресата с футуральной перспективой и плохое событие в личной сфере адресата с перфектной временной перспективой. Футуральная перспектива хорошего события вытекает из свойства проповеди,

Рождественской в частности, как совета, наставления: *Постараемся своим умом постичь, своим сердцем обнять тайну Божьего о нас смотрения. Больше же всего будем благодарить и непрестанно славить божественное снисхождение [64,20]; «Вместо золота, смирны и ливана принесем в дар Христу красоту наших душ и чистоту наших сердец [64,23]; Да просветит Воплотившийся Христос Спаситель всех нас светом Божественного разума, да утвердит веру нашу. Пусть эта вера будет нашей силой во всяких жизненных испытаниях. Пусть она и впредь будет нашей звездой на пути к Богу – от земли, этой юдоли плачевной, до светлых сияющих вершин вечной радости и жизни с Богом в Царствии Небесном [64,30].*

Перфектная временная перспектива плохого события в личной сфере адресата или автора объясняется элементами укора или упрека, которые присутствуют в Рождественской проповеди: *Если Рождество Христово – историческое событие, если с пришествием в мир Сына Божия мы познали Бога и себя, почему же, братья и сестры, не все принимают Его? Причина тому – лень и беспечность человеческая. Многие ли из нас тревожат себя в нынешнюю ночь, многие ли готовы лишиться себя сна и пожертвовать отдыхом, пободрствовать ради праздника, чтобы прийти в храм прославить Бога и здесь вкусить блаженства неземного? Мир спал в ту священную Рождественскую ночь, мир спит и сегодня [64,29]; Мы до самого гроба гоняемся за честью и, будучи прах и пепел, не можем терпеть высших нас – Ходатай наш, будучи Господом всяческих, от самой колыбели вписывается в число последних подданных кесаря. Не довольно ли этого, душа грешная, чтобы возродить в тебе надежду спасения? [64,37].*

Необходимо отметить то, что футуральная временная перспектива хорошего события преобладает над перфектной плохого события в личной сфере адресата/автора.

Оценка событийного содержания Рождественской проповеди подчеркнута положительна: *Рождество Христово, совершившееся две тысячи лет назад в*

Вифлееме иудейском, - и ныне для нас близкое жизненно-спасительное событие [64,28]; Это ради нас, людей, и ради нашего спасения сегодня Безначальный начинается, приходит на землю в зраке раба Тот, Чье Царство – Царство на все века и владычество – для всех поколений [64,21]. «Ценность» данного события заключается в том, что наконец-то миру был дан искупитель, тот, кто освободит людей от греха, восстановит отношения человека с Богом, исказившиеся вследствие грехопадения. Более того, этот ходатай не кто иной, как сам Бог, вторая ипостась Троицы – Сын Божий Иисус Христос. Отныне спасение и наследование вечной жизни – личностное, конкретное событие в жизни верующего. Вот почему событийное содержание Рождественской проповеди имеет высшую положительную оценку – сотериологическую.

5. Фактор коммуникативного прошлого. В отношении прошлого противопоставляются жанры *инициативные* и *реактивные*. Рождественская проповедь является реактивным жанром, так как является элементом литургии и произносится после совершения таинства Евхаристии. Непосредственным коммуникативным прошлым проповеди, с которым устанавливается связь, является чтение Евангелия от Матфея, описывающего сцену Рождества Христа (Мф.2,1-11). Проповедь может начинаться отрывком из писания, который читается во время литургии: *Не было и не будет на свете более важного вопроса, чем вопрос: «Где родившийся Царь Иудейский?» (Мф.2,2) [64,38];* а может содержать косвенное указание на прочитанный ранее стих: *Сегодня день радостного праздника Рождества Господа нашего Иисуса Христа. Вы только что слышали из святого Евангелия ту драгоценную весть, которая осталась на все времена и для всех людей живой и всегда волнующей. С каким вниманием Евангелист передает нам краткие, но такие важные моменты священных событий вифлеемской ночи! [64,64]; Господь сподобил нас вновь слышать евангельское благовестие о преславном событии, спасающем род человеческий [64,71].*

Проповедь не воспринимается как отдельный, автономный элемент такого сложного коммуникативного события, как богослужение; Рождественская проповедь органично занимает свое место в ряду коммуникативных ситуаций и осознается как неотъемлемая составляющая всего коммуникативного целого – литургии.

6. Фактор коммуникативного будущего. Разграничивая понятия «коммуникативного будущего» и «перлокутивного фактора», следует отметить то, что по завершении проповеди священник произносит несколько заключительных молитв, после чего литургия считается оконченной. Таким образом, Рождественская проповедь – заключительное коммуникативное событие праздничного богослужения.

7. Языковое воплощение. Языковое воплощение не что иное, как тот облик, в котором выступает жанр в речи, ее изложение.

Основным качеством проповеди, является ее ясность и доступность восприятию слушателей. Ясность мысли достигается, прежде всего, в результате владения адресантом литературно-правильной речью. Он не может употреблять неправильные согласования, ударения, провинциализмы. По построению фраз речь приближается к разговорной, а не книжной, так как это более доступно слушателям. Предложения более краткие; нет длинных периодов, так как это затрудняет восприятие главной мысли: *Много в мире звезд. В надземных просторах их миллионы, миллиарды. Каждая из них совершает свой круг, заданный ей Творцом [64,57]; У каждого из нас есть своя звезда: звезда науки и искусства, звезда надежды и желаний, звезда стремлений и успехов [64,57-58].*

Для облегчения изложения и восприятия в проповеди допускается постановка риторических вопросов и ответов на них: *Кто больше всех заботится о своих детях? Кто ради них отдает все свои силы и жизнь? Мать! И что переживает мать, когда ее ребенок погибает духовно или*

телесно, что переживает любящее сердце матери, когда ее ребенок на любовь отвечает грубостью или враждой? [64,69].

Такое расчленение изложения способствует его уяснению. Допустимы в соответствующих местах вставки в виде кратких обращений к слушателям и молитвенных обращений к Богу: *Мы знаем и верим, что в любой точке мира, где совершается святая Евхаристия, нам даруется подлинное присутствие Христа Спасителя, даруется жертвенная нетленная пища для нашего нынешнего странствования в направлении к вечному Граду. Разве все это, братья и сестры, не вечное Рождество? [64,20]; Мы молим сегодня Начальника жизни и спасения, ради нас, человек, воплотившегося, принесшего миру свет разума и истинного боговедения: Господи, сохрани мир Твой в мире, даруй благостояние святых Божиих Церквей и спаси всех людей, населяющих землю. Даруй нашему Отечеству мир и благополучие, да Твоею милостью и любовью тихое и безмолвное житие проживем во всяком благочестии и чистоте. Аминь [64,56].*

В проповеди широко используются различные художественные приемы изложения – тропы. Речь, оснащенная тропами, характеризуется как металогическая; она противопоставлена речи автологической, в которой тропы отсутствуют [91,131]. К числу наиболее употребляемых относятся эпитеты, метафоры, сравнения, повторы, оксюмороны и др.

Одним из самых распространенных тропов является **олицетворение**:

В Рождественскую ночь вся земля приветствовала Богомладенца. Каждое растение приносило Господу в вертеп с поклоном свои дары. Оставалась не у дел только ель, у которой нет ни плодов, ни листьев. И скорбела она, оттесненная в сторону другими деревьями. Тогда Сам младенец Христос обратил на нее внимание и спросил, почему она не подходит: И ель ответила: «Мне нечего подарить Тебе: ни листьев, ни цветов, ни плодов у меня нет» [64, 32-33]; В сегодняшнюю ночь святая Церковь вновь зовет нас перенестись мысленно в ту далекую и очень близкую

ночь, которая возвестила миру тайну Боговоплощения. Эта весть волнует нас и радует [64,21].

Среди других тропов Рождественской проповеди **метафора** занимает одно из главных мест, позволяя создать емкий образ, основанный на ярких, зачастую неожиданных, смелых ассоциациях: *В Рождественскую ночь вся земля приветствовала Богомладенца, несмотря на то, что люди спали мертвым сном и никто не открыл Ему дверей своего дома и своего сердца [64,32].*

К тропам, в строгом значении этого термина, принадлежат лишь те определители – эпитеты, функцию которых выполняют слова, употребленные в переносном значении, в отличие от точных эпитетов, выраженных словами, использованными в прямом значении. Эпитеты, выраженные словами, выступающими в переносных значениях, принято называть метафорическими, например: *Святая Церковь.*

Определители, выраженные словами, сохраняющими в тексте свое прямое значение, нельзя отнести к тропам, однако это не означает, что они не могут выполнять эстетической функции, быть сильным изобразительным средством, ср.: *Независимый путь, высший Божественный Разум, искупительная смерть, голгофский крест, безгрешная жизнь, акт высочайшей любви, триумфальное пришествие, глубокая тайна, высокое призвание, богоподобное назначение, чистосердечные пастухи, нравственный крах, искупительный подвиг, великий и священный праздник, трепетное благоговение, блаженство неземное, скромные дары, божественная правда, вечная жизнь (для религиозного сознания не является эпитетом), жизненные испытания, юдоль плачевная, светлые сияющие вершины вечной радости и жизни, прекрасные традиции, участливый взгляд, преславное событие, обильнейший источник и размышлений, и радости, неисчислимы сокровища благодати, богодухновенные учителя, спасительный результат, благие намерения (38), божественное таинство,*

первосвященническая молитва, падшее естество, собственными силами, новая заповедь, человеческие недуги, полная уверенность, светозарные лучи, разум новый и совершенный, чувства истинные и христианские, вера крепкая, могущественные империи, знаменитые люди, человеческая бессмертная душа, человеческие сердца, грешный земной сон, юдольская тьма, благодатное учение, непроглядный и беспросветный мрак, отчаянная фраза, холодное внимание, подлинный смысл, вечное бытие, безнравственные проступки, расслабленная воля, немощный дух, вечное наказание, невинные дети, родительские беззакония, истинное покаяние, смиренное желание, смиренно-царственное величие, апокалиптические тучи, люди доброй воли, тихое и безмолвное житие, житейские туманы, спасительное значение.

***Иносказание** также является продуктивным приёмом в проповеди: Мир повернулся к Спасителю своей многоликостью, и немного найдется сегодня таких людей, которые побеспокоили бы себя и открыли дверь стучащему и желающему войти к нам Господу и Его Пречистой Матери. Сегодня мы тоже не спешим открыть Ему двери своего сердца [64,47].*

Не менее активен и **оксюморон**: *Безначальный начинается, тайна смерти Бессмертного, начало Безначального, тайна непостижимая и постигаемая, тайна Божественная и человеческая, тайна небесная и земная. [Христос всегда посреди нас] – и мистически и реально; О человек! Ты пал, ты пал, но, если можно сказать, не вниз, а вверх, ибо ты пал в глубину Божественной любви., Бог пребывает во свете и во мраке, бессеменное зачатие, материнство безмужное.*

Анализируя в проповеди перифраз, особо следует отметить именованья Христа, Бога, Богородицы, которые представляют собой яркий стилистический прием речи. **Перифраз** – описательный оборот, употребляемый вместо какого-либо слова или словосочетания. Перифразы Рождественской проповеди делятся на образные и необразные (выделены курсивом в примерах). Лишь первые перифразы выполняют образную,

эстетическую функцию в речи, в то время как необразные выполняют смысловую функцию, помогая автору точнее выразить мысль, подчеркнуть те или иные особенности описываемого предмета. Необразные перифразы Рождественской проповеди (а их подавляющее большинство) употребляются для разъяснения природы Христа, Бога. Они носят догматический характер и выполняют стилистическую функцию – стремление избежать тавтологии. Следует отметить то, что любая проповедь содержит разъяснительные элементы догматического, вероучительного характера, но перифразы в данном случае оказываются самыми сильными.

Наибольшее количество именовании относится к Иисусу Христу. Все они могут быть отнесены в три группы: первая – общеизвестные, вторая – церковные, третья – контекстуальные. Представленная ниже таблица отображает перифразы – именовании Бога Отца, Иисуса Христа, Богородицы и самого праздника Рождества. Число, стоящее после слова, указывает частотность употребления данной лексемы во всех изученных текстах Рождественской проповеди. Если после слова отсутствует цифра, это свидетельствует о том, что оно фиксируется один раз.

	<u>Общеизвестные</u>	<u>Церковные</u>	<u>Контекстуальные</u>
Бог 98	Бог 72, Бог Отец 4, Святой Дух 4,	Отец Небесный 4, Совет Святой Троицы,	Отец 7, Творец 2, Пепрвопричина всего существующего
			<i>Божественный Разум, Верховное Существо, Таинственная Сила</i>

Иисус Христос -тос 306	Христос 46, Господь 45, Иисус Христос 44, Христос Бог 4, Господь Иисус 2, Христос Господь 2	Сын Божий 32, Спаситель 14, Христос Спаситель 14, Безначальный 2, Сын Человеческий 2, Бессмертный, Бог Спаситель, Господь Спаситель, Пресущественный, Спаситель мира, Сын Единородный	Сын 18, Младенец 6, Ходатай 4, Божественный Младенец 3, Младенец Христос 3, Богомладенец 3, Человек 3, Владыка неба и земли 2, Отроча 2, Родившийся 2, Богомладенец Христос, Божественная правда и любовь, Божественный Сын, Вечный, Властитель, Воплотившийся, Воплощенный в Вифлееме, Господь всяческих, Единый от Святой Троицы, Желаемый, Исцеляющий, Начальник мира, Невидимый, Новорожденный, Отец будущего века, Прославльший нас Бог, Пророк, Прощающий, Рождшийся, Священник, Советник, Творец, Утешающий
		<i>Путь, Истина и Жизнь 3</i>	<i>Солнце Правды 5, Царь Иудейский 5, Солнце 3, Царь 3, Свет разума 2, Виновник нашей радости и спасения, воскресение и жизнь, Единородная Любовь, Живущий в неприступном свете, кровь невинная, сияние славы Божией, неизменная Истина, вечная Правда, высочайший Разум, Свет, вечный Свет, Свет великий, Свет миру</i>

Бого- роди- ца 60	Божия Матерь 12, Богоматерь 4, Дева Мария 2	Пресвятая Дева 2, Преблагословенная Дева 2, Пресвятая Дева Мария 2, Пречистая Богородица, Матерь Христа Бога, Преблагословенная и Пречистая Матерь 2, Покров и Защита 2, Матерь нашего Спасителя, Пречистая Матерь, Ходатаица, Царица Небесная	Невеста Невестная, Матерь 4, Царица 2, Дева, Жена
		<i>Мать всех христиан, Всех скорбящих радость</i>	<i>Благая Вратарница, Взыскание погибших, Драгоценный камень, Звезда, предвозвещающая Солнце, Пречистая Матерь, Мать Иерусалимской Церкви, Мать его [Христа] учеников, Матерь всего человечества, Пресвятая Мать, Покров, Престол, Радость, Скоропослушница, Умление, Цвет Неувядаемый</i>
Рожд	Рождество Христово 30	Тайна Боговоплощения 6, Воплощение Сына Божия 5, Собор Пресвятой Богородицы 4,	Рождество 20, Божественное откровение, Истина Богоявления, Радость Боговоплощения, Пришествие

ество 70		Боговоплощение	<i>Тайна воплощения 4, тайна благочестия 3, Божественное снисхождение и милость², дар неба земле, самый великий дар всем земнородным, праздник праздников, тайна обручения Бога с человеком, Божественное таинство, преславная тайна, великая благочестия тайна</i>
-------------------------------	--	----------------	--

Именование Бога в Рождественской проповеди представлено одиннадцатью лексемами с общей частотностью – 98 употреблений. Данный факт объясняется тем, что макротема проповеди на Рождество Христово – это пришествие на землю Иисуса Христа, одной из трех ипостасей Троицы.

Воплощение Христа – это не самовольный поступок, а исполнение воли Бога Отца. Цель случившегося – восстановить богообщение, освободить человека из уз греха и смерти, и, в конечном счете, привести его к Богу. Таким образом, Бог Отец является первопричиной происходящего и конечной целью.

Перифразы Иисуса Христа представлены 70 лексемами, которые фиксируются в текстах 306 раз. Указанное количество именовании Христа обусловлено видом проповеди, ее коммуникативными целями. Догматический (церковный) аспект Рождественской проповеди наиболее ярко представлен на уровне именовании-квалификаторов именно Иисуса Христа.

В именовании Богородицы преобладает контекстуальный аспект, а не догматический. Они воплощаются в 36 лексемах и употребляются автором проповеди 60 раз. При этом в контекстуальную группу входит 17 именовании, то есть практически половина, что свидетельствует о выраженной аксиологичности именовании Богоматери.

Название самого праздника, Рождества Христова, представлено десятью наименованиями, которые были употреблены 70 раз. Особенностью данной группы является то, что 71% всех употреблений приходится на лексемы, лишенные эмоциональной и стилистической окрашенности: *Рождество Христово, Рождество*.

Для характеристики языкового воплощения жанра существенно определить инвариантные элементы и то, что может варьироваться в зависимости от соотношения лингвистического/паралингвистического общения; степени эксплицитности, определяемой автором и ситуацией; сферой общения и авторской установкой – на стандартность или индивидуальность языкового поведения.

Инвариантные элементы языкового воплощения Рождественской проповеди как жанра будут представлены в большей мере в лингвистическом аспекте: использование архаичных форм, стилистические особенности, авторский стиль и тому подобное (более детально – в III разделе исследования). Паралингвистические инварианты включают те или иные кинемы, фонационные средства, при этом набор паралингвистической составляющей (храм и его убранство, облачения и тому подобное) остается практически неизменным (более подробно – там же).

На наш взгляд, авторская установка ориентирована на стандартность языкового поведения, что, в свою очередь, объясняется ритуальной сферой общения.

1.4. Функционально-стилистические особенности Рождественской проповеди

1.4.1. Функционально-стилистический аспект

Проблема функциональных стилей, стилей языка и стилей речи широко обсуждается в отечественной лингвистике с середины XX столетия. Несмотря на то что самые острые дискуссии возникают по поводу места языка художественной литературы в системе функциональных стилей, вопрос об изучении других стилей остается весьма актуальным. Если в XIX в. основной стилистической оппозицией в рамках литературного языка являлось противопоставление «книжное - разговорное», то в настоящее время ситуация изменилась. По мнению Солганика Г.Я, «в качестве членов стилистической оппозиции могут выступать характерные элементы любых двух стилей, ибо каждый функциональный стиль создается как самостоятельная стилистическая реальность. И это значительно усложняет картину современного языкового функционирования и развития, делает литературный язык полифункциональным и полифоничным, имеющим как бы несколько стилистических регистров» [280,152].

Функциональные стили определяются функциями высказывания, сферами использования, инвентарем языковых средств и их распределением, то есть функциональный стиль – это явление нормы языка. Как известно, практически невозможно выделить языковые единицы, которые встречаются только в каком-то одном функциональном стиле, поэтому функциональные стили различаются не столько инвентарем, сколько частотностью и распределением языковых средств [136,7].

В ЛЭС приводится следующее определение стиля: «Стиль – разновидность языка, закреплённая в данном обществе традицией за одной из наиболее общих сфер социальной жизни и частично отличающаяся от других разновидностей того же языка по всем основным параметрам – лексикой, грамматикой, фонетикой» [195,494]. Из дефиниции следует, что функциональный стиль представляет определенную систему, которая складывается в зависимости от того, какую сферу жизнедеятельности

обслуживает язык, где вырабатываются собственные приемы отбора и употребления языковых средств.

Традиционно выделяются повторяющиеся языковые особенности определенных типов текста, гораздо реже исследователи обращают внимание на относительную закреплённость языковых единиц за тем или иным функциональным стилем. Для современного этапа развития литературного языка характерны две тенденции, которые, по мнению Солганика Г.Я., «определяют статус и развитие современного русского литературного языка: с одной стороны, функционально-стилевое расслоение, дифференциация литературного языка, формирование относительно замкнутых систем средств выражения, с другой стороны, противоположно направленный процесс взаимодействия функциональных стилей, выражающихся в создании новых стилистических объединений (видов литературы и жанров) или в регулярном использовании единиц того или иного стиля в качестве маркированных в рамках другого стиля. Оба процесса диалектически взаимосвязаны (дифференциация предполагает последующий синтез, объединение) и определяют характер функционирования и развития современного литературного языка. При этом, если функционально-стилевое расслоение полностью принадлежит настоящему, то процесс синтеза, имея своим истоком современное состояние языка, только начинает развиваться» [202,153].

Похожие явления выделяет Н.М. Разинкина, рассматривающая функциональный стиль с точки зрения вариативных процессов, протекающих в нем. Исследователь указывает на наличие центростремительных и центробежных сил, обуславливающих постоянную динамику в развитии функционального стиля и позволяющих говорить о закономерностях языкового отбора, а не о явлениях, раз и навсегда данных [202,114].

Таким образом, если следовать указанному подходу, то функциональный стиль предстанет перед нами в динамическом аспекте. О.Н. Седова, вслед за

А.Н. Кожиным и др., определяет функциональный стиль исходя из: 1) акта коммуникации, в пределах которого он реализуется; 2) текста, в котором он материально воплощается; 3) системы языковых средств внутри текста [9, 65-66].

При определении роли стилеобразующих факторов в выделении понятия «функциональный стиль» следует учитывать комплексы экстралингвистических явлений – коммуникативных и речевых. Из коммуникативных факторов к таковым следует отнести: сферу общения, цель общения и оценку объектов общения со стороны носителей языка.

Таким образом, несмотря на продолжающуюся дискуссию по поводу критериев выделения функционального стиля, его инвентаря, частотности употребления тех или иных языковых средств, выделения подстилей, в рамках современного русского литературного языка традиционно выделяются пять функциональных стилей – официально-деловой, научный, публицистический, художественно-беллетристический и обиходно-разговорный, - различающихся функциями, инвентарем и частотностью языковых средств.

1.4.2. Рождественская проповедь сквозь призму публицистического стиля

Попытка выделить конфессиональный, церковно-религиозный или церковно-проповеднический стиль в системе функциональных стилей современного русского языка была предпринята рядом исследователей (Крысин 1996; Прохвятилова 1999; Крылова 2000; Мацько Л.И. 2003) на материале жанра молитв и посланий. Следует отметить, что среди лингвистов нет общепринятого мнения относительно критерия разграничения понятий жанр и стиль. Некоторые лингвисты (Гвоздев А.Н., Зорина Т.П., Цыцарина О.Ф., Гайнуллина Н.И. и др.) рассматривают понятие *жанр* в качестве разновидности функционального стиля [9,9].

Понятие «жанр» - род, разновидность речи, - по отношению к проповеди является неполным, так как не объясняет ее природы, поскольку в ней отражаются не только «условия ситуации и цель употребления», но и языковое своеобразие. В данном случае, очевидно, речь идет о двойственной природе жанров [136,20].

Как отмечает Антоненко С.В., решение вопроса *жанра/стиля* в силу отсутствия четких критериев их разграничения сопряжено с большими трудностями. Понятие *жанра* на данном этапе развития литературоведения и стилистики не находит четкого объяснения.

Мы считаем, что понятие *жанр* в стилистике уже, чем понятие стиль, поэтому его следует рассматривать в рамках стиля. Приведенное выше «паспортное» описание Рождественской проповеди как жанра позволяет употреблять термин «*жанр проповеди*» в рамках публицистического стиля, его *церковного регистра (ЦР) или подстиля*.

Данный тезис о «звучании» публицистического функционального стиля в двух регистрах – *светском* и *церковном* – принимается нами как рабочая гипотеза, требующая своего подтверждения.

Как и все функциональные стили, ЦР публицистического стиля выполняет свойственные ему функции: первичную – общения и вторичную – познавательную, которая проявляется как информативная или сообщающая и воздействующая.

1.4.3. Информативная функция

Информативная функция Рождественской проповеди как жанра публицистического стиля реализуется в зависимости от коммуникативной цели, определяемой жанрово-видовой принадлежностью проповеди. Проповедь на Рождество Христово является проповедью богослужбного цикла или храмовой, нравственно-догматической. Главное событие, о котором идет речь, – это рождение Христа. Раскрытие данной темы предполагает

наличие сведений о месте, времени, обстоятельствах происшедшего. Наивысшая степень информативности достигается благодаря использованию лексических средств в их прямом значении, лаконичности, точности повествования: *Почти две тысячи лет отделяют нас от той святой вифлеемской ночи, которая возвестила миру тайну Боговоплощения* [64,47]; *Мудрецы шли долго из Аравии в Иудею* [64,40]; *Не многие сподобились в ту ночь поклониться Воплощенному в Вифлееме* [64,29]; *Господь пришел на землю в определенное время, родился в определенном географическом месте нашей планеты. И пока будут жить люди, они не перестанут размышлять об этом священном событии, о месте, которое освятил Господь Своим рождением, и об исторической обстановке, в которой оно совершилось* [64,19]. Помимо описания самого рождества, в Рождественской проповеди представлены сведения о жизни народов того времени, событиях последующей Священной Истории, духовной жизни той поры и настоящего времени: *Для осуществления этого Он основал на земле Свою святую Церковь и установил таинство святой Евхаристии, в котором заключена Его сакраментальная (таинственная) реальность* [64,20]; *Он принес на землю любовь, и когда окружавшие Его поняли, что он требует отречься от себя, умереть для своего эгоизма, себялюбия и страстей, - когда люди это поняли, они ужаснулись и отказались принять эту любовь, а Того, Кто принес ее, вывели из города и распяли* [64,22]; *Если Рождество Христово – историческое событие, если с пришествием в мир Сына Божия мы познали Бога и себя, почему же, братья и сестры, не все принимают Его? Причина тому – лень и беспечность человеческая* [64,29].

Информативная функция Рождественской проповеди выполняет второстепенную роль, как и в любом тексте религиозного дискурса, тогда как главной функцией выступает воздействующая. Это объясняется тем, что коллективный адресат достаточно информирован о событийном содержании проповеди на Рождество Христово.

1.4.4. Функция воздействия

Проповедь тем успешнее достигает своей цели, воздействуя на слушателя, чем больше затрагивает духовно-моральное состояние человека, опирается на религиозный опыт самого слушателя. Однако каждый слушатель по-разному духовно оживает и по-разному воспринимает проповедь и ее отдельные места.

Люди с настроением мечтательно-поэтическим больше всего отозвутся на фрагменты возвышенно-описательные и трогательные: *Бог не явился в огне, шуме или громе, как это приличествовало бы Его божественному всемогуществу, чтобы не сжечь человечество. Он, Владыка неба и земли, является Младенцем в убогом вертеле* [64,44]. Слушатели, омраченные сознанием своей греховности и житейской скорби, больше отозвутся на места нравоучительные: *Мы до самого гроба гоняемся за честью и, будучи прах и пепел, не можем терпеть вышших нас – Ходатай наш, будучи Господом всяческих, от самой колыбели вписывается в число последних подданных кесаря. Не довольно ли и этого, душа грешная, чтобы возродить в тебе надежду спасения?* [64,37].

Души созерцательные и рассудочные привлекутся частями нравоучительными, просветительными, хорошо обоснованными ссылками на Священное Писание: *Священное Писание говорит: «Бог пребывает во свете и во мраке» (1 Тим.6,16; Пс.17,12; 96,2; Ис.50,3;. Во свете – для тех, кто ищет Его искренно (Ин.1,5,7), во мраке – для тех, кто ищет лицемерно (2 Пет.2,17; Наум.1,8;. Взыщите Господа всем сердцем», - читаем в Священном писании (Соф.2,3; Ам.5,4; Иер.29,13; Но здесь же, в Писании, читаем, что только чистые сердцем узрят Бога (Мф.5,8) и только простых и незлобивых умудряет откровение Господне (Пс.18,8; 118,130; Мф.10,16; 2 Кор.11,3); «Коварное сердце не найдет добра» (Прит.17,20). Людям практическим, деловым больше всего придется по сердцу примеры из окружающей жизни и*

сопоставления с ними: *Иосиф Обручник, как говорит Евангелие, был муж праведный (Мф.1,19). Он принял Деву Марию, как любящий отец, охраняя Ее девственность и чистоту. Так было в то время, что престарелому человеку обручали деву, которая посвящала себя Господу, желая пронести через всю свою жизнь чистоту, непорочность и девственность. <...>Глубокая вера, любовь и преданность делу Божию дали силу и возможность Праведному Иосифу до конца дней своих служить Божией Матери и Ее Божественному Сыну. За это и почитает его ныне святая Церковь.*

Ныне мы чтим память и апостола Иакова. Церковь именует его братом Господним. Такое наименование, как предполагают многие, он получил потому, что был сыном Иосифа от первой его жены. Святой апостол был первым Иерусалимским епископом. Претерпел мученическую кончину. У Господа он стяжал себе святость, а у людей – благоговейное почитание [64,73].

Воздействие проповеди на слушателя обусловлено ее психологическим преломлением в душе человека. Авторы конспекта по гомилетике объясняют отмеченное свойство проповеди тем, что, коснувшись души слушателя, проповедь начинает совершать там свое благовестие. Оно дает двойной эффект: ближайший – в виде приподнятого настроения и более отдаленный и существенный – в виде произрастания в душе семени от прослушанного Слова Божия и выявлении плодов его в последующее время. Другими словами, ближайший эффект благовестия выражается в том, что в душе происходит беседа с самим собой: голосом совести душа упрекает себя в греховных делах и вожделениях, вскрытых проповедью, а голосом веры и надежды на милосердие Божие бодрит себя. Она тем более упрекает себя, чем сильнее проповедник вскрыл ее греховность. Тем сильнее уповает на милосердие Божие, чем полнее проповедник вскрыл неизреченную любовь и близость господа к падшему грешнику [166,73].

Душа слушателя, следовательно, резонирует и сама благовествует в том же направлении и духе, в каком осуществляется благовестие проповедника.

Чем благочестивее и ближе к пастве проповедник, тем действеннее его слова и благотворнее влияние его на паству. Тайна влияния проповеди в том, что она предлагает слушателю самое дорогое, интимно-близкое, насущно необходимое: она предлагает ему его же самого, его спасение.

Ярко выраженная воздействующая функция – характерный признак публицистического стиля. Данная функция реализуется благодаря экспрессивности публицистического стиля, которая достигается использованием различных языковых средств. Для любой религиозной коммуникативной ситуации характерно преобладание функции воздействия над информативной, поскольку цель общения – побудить адресата к изменению мнения, убеждения, мировоззрения, жизни. Информативная функция играет вспомогательную роль, являясь как бы аргументом в пользу того или иного «воздействующего» постулата. Арсенал экспрессивных средств, используемых в Рождественской проповеди, разнообразен и представлен всеми уровнями языка, которые будут рассмотрены во II-ом разделе данного диссертационного исследования.

Выводы к первому разделу

Рождественская проповедь возникла в IV веке, с момента празднования Церковью Рождества Христова. К тому времени проповедь звучала в храме, при этом являлась неотъемлемой частью богослужения, истоки которого берут своё начало в ветхозаветной традиции иудаизма. Первоначально проповедь представляла собой комментарий прочитанного отрывка из Нового завета (Мф. 2, 2-11) и существовала в виде беседы, однако, с течением времени, превратилась в строго институциональный монологический жанр.

Религиозный дискурс обращен одной стороной к прагматической ситуации, а другой – к ментальным процессам участников коммуникации. Для всестороннего изучения дискурса проповеди вводится понятие категорий дискурса, к которым относятся:

- 1) конститутивные,
- 2) жанрово-стилистические,
- 3) содержательные,
- 4) формально-структурные.

Рождественская проповедь рассматривается как текст в сверткесте – литургии и представляет собой статусно-ориентированное общение, несмотря на значительную долю личностного. Рассматриваемая проповедь в равной мере относится к художественно-ориентированному и обиходному типам общения.

Социолингвистический анализ проповеди позволяет проанализировать следующие компоненты дискурса проповеди: участники, хронотоп, цель, ценности, стратегии, материал, прецедентные тексты, дискурсивные формулы.

Несмотря на отсутствие общепринятого в современной лингвистике определения «речевой жанр», мы, вслед за Т. Шмелевой, понимаем «речевой жанр» как тип текста, воплощенный в той или иной коммуникативной ситуации, то есть за жанром мы признаем его дискурсивную природу. Проанализировав Рождественскую проповедь по алгоритму, предложенному

вышеуказанным ученым, мы выделили ряд особенностей Рождественской проповеди как жанра.

Коммуникативная цель проповеди представляет собой набор целей, равнозначных между собой. Мир личностных ощущений выражен эмоциональными составляющими – чувствами радости, благодарности, уничижения. Мир ритуальной действительности детерминирован элементами приветствия и поздравления. Мир реальных событий представлен синтезом черт, присущих просьбе, совету, наставлению, которые объединены значением “призыв”. Отнесение проповеди к определенному типу жанра не представляется возможным без введения дополнительной категории – сакрального мира, определяющего соотношение и иерархию элементов иных миров.

Концепция адресанта характеризуется диффузностью характеристик парадигмы «старший-равный-подчиненный» и не определяется такими свойствами как «авторитетный – неавторитетный», «имеющий – не имеющий полномочий».

Временная перспектива категории событийного содержания двухкомпонентна: хорошее событие с футуральной перспективой и плохое с перфектной, причем первый компонент преобладает над вторым.

Оценка событийного содержания подчеркнута положительна. С точки зрения фактора коммуникативного прошлого, Рождественская проповедь является жанром реактивным.

Стилистические особенности Рождественской проповеди позволяют соотнести данный жанр с публицистическим стилем. На это указывает экстралингвистический фактор. Ярко выраженная функция воздействия присуща любой форме религиозного общения и является отличительной чертой публицистического стиля. Информативная функция менее значима, поскольку тема проповеди – прецедентное событие, известное всему

цивилизированному миру. Сфера функционирования данного жанра – общественная, церковная.

Раздел II. Языковые особенности Рождественской проповеди.

2.1. Собственно вербальный уровень

2.1.1. Фонетические особенности Рождественской проповеди

Фонетические особенности Рождественской проповеди связаны, в первую очередь, с устной формой ее реализации, что характерно для публицистического стиля в целом. Исследуя связь устной и письменной форм речи, Винокур Т.Г. отмечает, что «для функционально-стилистических разновидностей одна из форм (устная или письменная) всегда является наиболее характерной, органичной, естественной» [62,170]. И в этом смысле для проповеди, безусловно, устная форма реализации – первичная, а письменная – вторичная, отраженная, воспроизведенная. Ряд ученых, изучающих разговорный стиль, отмечают то, что зафиксированная на письме речь вызывает непроизвольное желание внести поправки в соответствии с письменными нормами... «мы говорим не так, как пишем» [249,15]. Данное положение не находит своего подтверждения относительно письменной фиксации проповеди; речь проповедника отражается на письме именно в том виде, в каком она произносится. Это объясняется тем, что язык Церкви отличается от повседневного языка обывателя. Различия отмечаются практически на всех языковых уровнях.

Стилистические особенности Рождественской проповеди на фонетическом уровне характеризуются, прежде всего, интонацией, паузированием, логическим ударением и темпом.

Стилистическая функция интонации вытекает из возможности интонационного варьирования одного и того же синтаксического значения. Вопрос о взаимосвязи синтаксических и интонационных значений еще не изучен окончательно, поэтому здесь излагается одна из возможностей его решения на примере проповеди.

Прежде всего, используется все богатство и разнообразие интонации. Каждому жанру устной публицистики свойственно своё произношение: от

книжного нейтрального до книжного торжественного. Жанру праздничной проповеди свойственно книжное торжественное произношение.

Владение литературным языком, правильным произношением, интонационным рисунком – одно из требований, предъявляемых священнику. Интонация, являясь осознанным, преднамеренным средством воздействия на слушателя с целью вызвать у него определенную эмоциональную и волевую реакцию, как нигде наделена данной функцией в проповеди. Разнообразная интонация, в частности вопросительная, утвердительная, восклицательная, широко представлена в Рождественской проповеди: *«Где должно родиться Христу?» - задавали вопрос люди, имевшие мессианские обетования, до пришествия в мир Христа Спасителя. Это пророчество – Божественное. Нашли ли Его волхвы? – Нашли. Нашел ли Его Ирод? – Не нашел, потому что искал притворно, искал с заранее спланированными злыми намерениями, боясь конкуренции в земном владычестве [64,61]; Нам необходимо не только радоваться, но и устремляться к Богу умом и сердцем. Христос явил на земле и высочайшую любовь, и истинное смирение, выразившееся в послушании Отцу Небесному даже до крестной смерти [64,59].*

Существует два интонационных типа, которые традиционно выделяются как фонологически противопоставленные. Один тип – интонация нисходящего тона, или нисходящая интонация, - передает значения законченности и независимости, другой тип – восходящая интонация – передает значения незаконченности и зависимости. Эти два интонационных типа служат для передачи синтаксических значений, которые сводятся в конечном счете к тем же двум смысловым оппозициям. В арсенале нисходящего и восходящего интонационного тона находится целый ряд разнообразных по интонационному контуру фигур, используемых для передачи той или иной синтаксической конструкции. Они реализуют в речи основное синтаксическое значение, конкретизируют его и сообщают ему

добавочное значение. В роли таких модификаций основного тона могут выступать получившие широкое распространение интонационные конструкции (ИК) Е.А. Брызгуновой [Грамматика 80,35]. Так, в пределах нисходящего тона оказываются ИК-1, ИК-5, а в пределах восходящего – ИК-3, ИК-4, ИК-6. Особое место занимает ИК-2, которая в силу своей структурной обособленности (наличие динамического ударения, передающего характер выделенности) имеет в этой оппозиции нейтральное положение и может выступать в функции как восходящего, так и нисходящего тона. Выбор того или другого интонационного варианта обусловлен синтаксическими причинами: в самой синтаксической конструкции предусмотрена либо однозначность интонационного оформления, либо возможность варьирования. Кроме того, в самой же конструкции заложен явный или скрытый характер синтаксических значений законченности и зависимости – отсюда исходит ограничение или, наоборот, свобода в выборе интонационного варианта, отсюда и право читающего средствами интонации подчеркнуть тот или другой смысл.

Стилистическая функция интонации определяется через выявление для каждой синтаксической конструкции стилистически или экспрессивно окрашенных ИК на фоне стилистически нейтральных. Иногда в одних и тех же синтаксических условиях происходит перераспределение нейтральных и окрашенных ИК. Кроме синтаксических причин возникновения вариативности интонации, есть еще чисто стилистические причины. Речь идет о несобственном (непрямом) употреблении интонационных типов. Если варианты интонации обусловлены синтаксическим строем предложения, то они имеют характер нейтральный или окрашенный в стилистическом, модальном или экспрессивном отношении. Если же варианты вызваны непрямом употреблении интонации, то они всегда ненейтральны, выступают как яркое стилеобразующее или экспрессивно-модальное средство. Отклонение от нейтрального выражения синтаксического значения

может иметь характер стилистической окрашенности. Если же вариант вносит добавочный модальный или эмоционально-экспрессивный оттенок, то он является экспрессивно окрашенным.

Проанализируем Рождественскую проповедь и составим интонационный рисунок, обозначив соответствующей цифрой в верхнем регистре справа используемую интонационную конструкцию.

Поздравляю² всех вас / с великим³ и радостным праздником⁵ / – Рождеством Господа² нашего Иисуса Христа.¹

Действительно,² / великая радость⁴ наполняет верующих людей,¹ / ибо свершилось небывалое дело на земле,² / свидетельствующее о Божией любви к людям.¹ «Бог Господь и явился нам»,⁵ / - поем мы за церковным богослужением,² / и в этом действительно высота,⁶ / непостижимость⁶ / и неизреченность Божия милосердия.¹ Будучи Господом,³ / Богом,⁴ / Он явился нам,² / чтобы мы Его постигли,⁵ / в Нем черпали для себя силу,⁴ / и благодатную помощь.¹

Много в мире звезд.² В надземных просторах их миллионы,⁵ / миллиарды.¹ Каждая из них совершает свой круг,² / заданный ей Творцом.¹ Но одна в мире звезда⁶ / совсем особая² / – это звезда Вифлеемская.¹ Она указала миру Христа⁶ / и Его правду.¹ Моряки² и путешественники⁶ / всегда определяли свой путь по звездам.¹ В жизни мы⁶ / – странники и путешественники,⁶ / тоже по звездам определяем свой путь⁶ / и свое шествие.¹ У каждого из нас³ / есть своя звезда:² / звезда науки⁶ и искусства,⁵ / звезда надежды⁶ и желаний,⁵ / звезда стремлений⁶ и успехов.¹ Эти звезды служат нам указателями.¹ Но сияет над всеми ними⁴ / звезда Вифлеемская.¹ Несмотря на течение времени,³ / она не изменит своего сияния,² / не потускнеет.² Она всем и всегда³ / указывает один неизменный,² / вечный путь.¹ Никакие житейские туманы,³ / даже если они на время и закрывают небосвод,⁴ / не могут скрыть ее сияния.¹ Для всех желающих² она светит.¹ Для каждого желающего² она готова быть путеводительницей.¹ Она² – с Востока,¹ / она

ведет нас к Востоку,² / к Богу,¹ / к вечной жизни.¹ Путь к этому⁶ / – через Вифлеем,² / через Голгофу⁶ и Крест.¹ Путь к этому⁶ / – через Евангелие,² / любовь³ и благодать Божию,⁵ / через наше исправление³ и обновление.¹ Путь к этому⁶ / – в Том² и через Того,³ / Кто однажды сказал.¹ / «Я есть путь,³ / истина⁴ и жизнь,¹ / никто² не приходит к Отцу,³ / как только через Меня»¹ (Ин.14,6).

Пусть Вифлеемская звезда ⁴ / сияет для каждого из нас,¹ / освещающая жизненный путь ³/ и все наши дела.¹ Нас ради родившийся Христос ²/ да благословит страну нашу¹, / каждого из нас² / и весь мир Свой миром,⁶ / радостью ⁶ и благополучием.¹ Аминь¹ [64,57-58].

В публицистической речи, в силу многообразия форм и жанров, нелегко проследить общие черты интонации. Однако в целом формулы интонационных моделей публицистических текстов отличаются своей простотой в наборе ИК и широким нейтральным полем, создаваемым ИК-6.

Важное место в системе суперсегментных средств занимает паузирование. Обычно под термином «пауза» подразумевается два фонетических явления: остановка в звучании речевого потока и граница синтагматического членения. Оба эти явления нередко выступают в единстве. Пауза как граница синтагматического членения представляет собой грамматическое явление, отражающее синтаксический строй предложения, а с другой стороны, пауза как перерыв в звучании, не разграничивающий ритмико-смысловые группы (синтагмы), представляет собой неграмматический факт. В связи с этим можно говорить о двух типах пауз – о грамматических и неграмматических; основанием такого разграничения служит грамматический (точнее синтаксический) критерий деления речевого потока.

Грамматические паузы имеют две разновидности в зависимости от способа их выражения, то есть от того, создается ли такая пауза реальной обстановкой или в ее образовании участвует только смена тона; условно эти

паузы принято называть реальными и нереальными грамматическими паузами.

В грамматическом отношении *реальные грамматические паузы*, реализуемые сменой тона и перерывом в звучании, наиболее отчетливо передают логические связи между словами; они точно соответствуют синтаксическому строю предложения и имеют стилистически нейтральный характер. Такие паузы составляют основу паузирования для всех типов речи.

В зависимости от относительного объема этого нейтрального способа паузирования тексты обладают той или иной степенью окрашенности: чем больше в тексте реальных грамматических пауз, то есть чем шире его нейтральное поле, тем более он носит нейтральный в стилистическом плане характер, и, наоборот, чем меньше в тексте стилистически нейтральных пауз, тем больше проявляются в нем различные стилевые или экспрессивно-модальные признаки.

Среди прочих фонетических особенностей рождественской проповеди следует отметить те, что связаны с наличием старославянизмов. Прежде всего, это:

1) неполногласие: град, глава, предано, прах, мрак, храм и т.п.: *Мы до самого гроба гоняемся за честью и, будучи **прах** и пепел, не можем терпеть выших нас...* [64,37]; *Принесли Ему, кроме даров – **злата**, смирны и ливана, свои сердца, свою чистую открытую душу* [64,63];

2) отсутствие перехода *е* в *о* после мягких согласных перед твердыми под ударением: *Вот, братья и **сестры**, что приближает нас к Богу и роднит с Ним* [64,73];

3) сочетание *ра* перед согласными в начале слов в соответствии с русским начальным сочетанием *ро* в определенных фонетических условиях (из **orb*, **orv*): *раб*, *равный* и другие;

4) сочетание *жд* на месте русского *ж* (из **dj*): *прежде, нужда, между, рождение, надежда*: *Сын предвечно **рождается** от Отца* [64,28]; *Не*

довольно ли и этого, душа грешная, чтобы возродить в тебе **надежду** спасения? [64,37];

5) звук [иц] в соответствии с русским [ч] (как замена старославянского звука *ш'т'* из **tj*). Звук [иц] чередуется с [т] (*иц*, чередующееся с *ск* и *ст*, наблюдается и в исконно русских словах): *пещера, освещать, суший, воплощение: Станем мысленно у пещеры, где некогда родился Христос...* [64,23]; *...это высокое Божественное Откровение о сущности Божией...* [64,23]; *Что принесло миру Воплощение Сына Божия?* [64,28];

6) начальное **ю** вместо русского **у**: *юдоль. ...на пути к Богу - от земли, этой юдоли плачевной...* [64,30];

7) начальный звук **е** вместо русского **о**: *единый Бог Отец посылает миру Сына Своего, Свою Единородную Любовь, чтобы мир познал любовь, уверовал в любовь и научился любить* [64,21].

К особенностям фонетического уровня Рождественской проповеди следует отнести чередование корневых гласных *о/а*: *Церковь задолго до праздника Рождества Христова, и особенно в эту священную Рождественскую ночь, призывая верующих чад встречать воплощенного Христа, воспевает: «Христос раждается, славите» - не «Христос родился», но «Христос раждается»* [64,27]. Данный орфографический факт объясняется тем, что в церковной традиции глагол *рождается* выражает однократное действие, тогда как *ражается* имеет значение постоянного процесса, многократного действия. Кроме того, на наш взгляд, в данном примере мы можем наблюдать явление реминисценции: *ражается – радость*, поскольку радость – основная составляющая чувства, которое испытывают во всей полноте коммуниканты.

2.1.2. Своеобразие лексики Рождественской проповеди

Лексика Рождественской проповеди представлена пластом книжной лексики литературного языка с обильными включениями старославянизмов, что объясняется, на наш взгляд, рядом факторов. Первые переводы церковных текстов были сделаны Кириллом и Мефодием на старославянский язык.

Во-первых, наличие старославянских элементов – черта книжности. Это дань традиции. Проповедь представлена языком Церкви, которому свойственен книжный, публицистический стиль, изобилие старославянизмов как элемент церковнославянского языка – богослужебного языка Церкви.

Во-вторых, широкое использование проповедниками старославянизмов (лексики, словообразовательных и синтаксических конструкций и так далее) позволяет, с одной стороны, сохранить традицию использования церковнославянского языка вне богослужения, а с другой стороны, противопоставить современному языку, зачастую переполненному иностранными заимствованиями, язык духовной литературы, молитвы, религиозной философии.

Данное утверждение не отражает реального положения дел, если речь заходит о так называемых Автокефальных церквях. Духовенство, клир и прихожане подобных религиозных организаций намеренно отходят от многовековой языковой традиции, пользуясь современным языком как в богослужебных, так и пастырско-катехизаторских целях [309,77-79].

Старославянская лексика Рождественской проповеди распадается на ряд групп: первая группа фокусируется вокруг доминанты – человек и включает в себя такие подгруппы, как «человек телесный и духовный», «человек общественный»); 2) этическая лексика, 3) эмоционально-психическая лексика, 4) лексика, отражающая сенсорную оценку и тому подобное.

В первой группе «Человек» можно выделить следующие подгруппы:

- 1) человек телесный. Данная подгруппа включает слова, называющие человека, его возраст, части тела, внутренние органы. В Рождественской проповеди данную подгруппу представляют следующие лексемы: *младенец, отроча, старец, муж, глава, десница, око, уста, сердце*: *И даже тогда, когда Богоматерь была с **Младенцем** в Иерусалимском храме, а дворец Ирода находился в нескольких шагах, Господь закрыл злые очи коварного Ирода, который так и не увидел Христа [64, 62-63];*
- 2) человек общественный. Данная группа включает слова, называющие имя человека, национальности, социально-классовую принадлежность: *господин, раб, слуга, волхв, мытарь, иерей*: *Вместе с **волхвами** и многие другие задавали себе подобный вопрос...[64,38];*
- 3) человек духовный. Эту тематическую подгруппу составляет лексика, называющая теологические понятия, включая церковные, сакральные термины, абстрактную лексику: *бог, рождество, ипостась, ангел, смирна, аминь, молитва*: *Рождество – это великая благочестия тайна, в которой источник нашей вечной радости [64,32].*

Эмоционально-психическая лексика представлена словами, передающими общий настрой участников коммуникативного события – Рождественской проповеди (*радость, скорбь, благодарность*): ***Радость** Рождества в том, что Бог мира и щедрот принял на Себя нашу человеческую плоть, стал, как мы, чтобы нам быть, как Он [64,31].*

Этическая лексика в Рождественской проповеди называет явления, связанные с поведением человека, его характером, поступками, которые оцениваются положительно (*милосердие, добродетель, милость* и другие): *Принесем Ему плоды своей веры: правду, милосердие, мир, любовь и радость, чистоту и святость [64,33].* Слова со значением отрицательной оценки называют то, что включается в понятие греховности поведения (*грех, лень, лицемерие, зависть*): *Будем же бояться лести и лицемерия, холодности и небрежения, которые закрыли очи сердца Ироду...[64,41].*

Широкий пласт лексики Рождественской проповеди составляют грецизмы. Заимствования из греческого языка, освоенные русским через старославянский, представлены в наибольшей мере в церковной сфере. К данной подгруппе относятся слова, обозначающие обряды, таинства, наименования предметов культа и тому подобное (*ангел, апостол, иерей, епископ, патриарх* и многие другие): *Уста человека многоглаголивы, язык же Ангелов краток* [64,35].

Обширный пласт лексики, заимствованной из старославянского языка, представлен словообразовательными кальками греческого языка. Наиболее употребительными являются слова со старославянским первоэлементом *благо-* (*благоволить, благовоние, благодеяние* и другие): *Да благословит Господь ныне всякую душу и каждого человека, нашу Церковь и нашу страну...* [64,33].

Среди прочих заимствований лексики Рождественской проповеди необходимо отметить слова латинского и древнееврейского языков. Первая группа немногочисленна: *алтарь, пост, легион*. К гебраизмам относятся, как правило, собственные имена: *Авраам, Ирод, Мария, Иерусалим, Вифлеем, Голгофа, сатана*: *Но никто из них не потрудился пойти в Вифлеем* [64,40].

2.1.3. Словообразовательная специфика Рождественской проповеди

Словообразовательный уровень представлен некоторыми приставками и суффиксами, а также моделями образования сложных слов, свойственных старославянскому языку.

Среди старославянских по происхождению приставок следует выделить префиксы *пре-, пред-, из-, низ-*: ... *желающему войти к нам Господу и Его Пречистой Матери* [64,48]; ...и постигнуть *преславное* воплощение нашего Спасителя и Господа [64,56]; *А чтоб ты не устыдился предстать перед Ним...* [64,36]; ...из столетия в столетие Церковь *предшествующими* Рождеству и последующими за ним днями готовит нас... [64,42]; *И вот Он*

«**изъязвлен** был за грехи наши, наказание мира нашего на Нем, ранами Его мы **исцелились**» (Ис.53,5) [64,21]; Спаситель наш явился, чтобы **низложить** всех врагов нашего спасения...[64,37].

В Рождественской проповеди функционируют префиксы **воз-, до-, на-, не-, по-, при-, со-**: ...Своим **вознесением** к Отцу Небесному [64,19]; Рождество Христово дало каждому человеку все средства и **возможности** к **созиданию** на земле Царства Небесного, к **достижению** спасения [64,25]; ... ибо только в Боге, в глубоком понимании, что такое человек и каково его **назначение**, [64,25]; ...нам даруется подлинное **присутствие** Христа Спасителя [64,20]; ...но и о человеке, о его высоком **призвании** и о его богоподобном назначении [64,23].

В проповеди на Рождество Христово широко представлены старославянские суффиксы (наряду с собственно русскими) –**ствиј-**

(последствие, пришествие), **-знь-** (жизнь, болезнь), **-тв-** (молитва), **-уиц-, -юиц-**: ...человек попал в сферу влияния дьявола и сразу же оказался под его жестоким началом со всеми **вытекающими** из этого **последствиями** [64,18]; ...путем сравнения с Собой открыть человеку глаза на его порочную сущность и **жизнь**...[64,19]; **Живущий** в неприступном свете в нынешнюю ночь явился миру [64,43]; **-ость** (радость, личность, сущность, реальность, беспечность), **-ств(о)** (владычество, Рождество, христианство, таинство): **-иц(е)** (вместилище, пристанище), **-ниј(е)** (назначение, призвание, воплощение, испытание), **-ник-** (священник, советник, посланник, праздник, сотрудник, праведник), **-ец-** (младенец, Творец, пришелец, мудрец), **-к(а)** (ручка), **-иц(а)** (Ходатаица, Скоропослушница, Благая Вратарница), **-тель-** (Спаситель, святитель, учитель), **-иц-**: ...рождается в столь бедном состоянии, что не находит для себя **пристанища** [64,36],

Среди моделей словообразования следует обратить внимание на слова с первой частью **добро-, благо-, бого-, зло-** (из которых многие – кальки греческих слов): **богопознание, боговоплощение, благополучие, злословить;**

...четкое представление о Боге и через **богопознание** приходил бы в **богообщение** и наследовал жизнь вечную [64,43]; *Даруй нашему Отечеству мир и благополучие...* [64,56].

Относительно распространенным процессом в области словообразования имен существительных в Рождественской проповеди является субстантивация по действию, производимому лицом в настоящее время или постоянно (от причастия действительного залога настоящего времени): *И всякий, живущий и верующий в Меня, не умрет вовек” (Ин.11,26)* [64,52].

2.1.4. Морфологические особенности Рождественской проповеди

К морфологическим особенностям Рождественской проповеди относится употребление архаичных словоформ разных частей речи. Прежде всего следует отметить относительные прилагательные на **-ий**, которые сохранили первоначальную форму падежей, сходных с падежами имен существительных: *божий, вражий* – в родительном, дательном и предложном падежах единственного числа всех трех родов. А именно: мужского и среднего рода – *божия*, дательного – *божию*, предложного – *о божии*. Эти мнимо усеченные формы, как правило, – признак книжной речи: *Празднуя великое событие Рождества, воплощение Сына **Божия**...* [64,20]; *Сын **Божий** пришел на землю...* [64,24]; *...каждый человек есть творение **Божие**...* [64,25]; *Этому надлежит быть, говорит слово **Божие*** [64,44]; *... вспомнят простиравшую некогда над ними благодетельную руку **Божью*** [64,53]; *... будем ценить дар **Божия** ведения* [64,54]; *... даруй благостояние святых **Божиих** Церквей* [64,56];

Наряду с усеченными формами в тексте проповеди используются и полные варианты: *божиему, о божием, божией, божьяго, божьему* и проч.: *В сегодняшнюю священную ночь, когда мы, собравшись в храме **Божием**...* [64,19]; *Родившийся – это сияние славы **Божией**...* [64,36]; *Он по-новому осветил нам смысл любви **Божией** к людям* [64, 52]; *Постараемся своим*

умом постичь, своим сердцем обнять тайну Божиего о нас смотрения [64,20]. В последнем примере лексема *смотрение* употреблена не в прямом значении – присматривать, наблюдать, заботиться, - а в церковном: *смотрение* – то же, «что провидение Божие, то есть вечный, премудрый, праведный и неизменный совет Его, коим Он свободно управляет и соблюдает сотворенныя вещи к славе Своей и человеческому спасению» [Дьяченко,623]. Предлог *о* с личным местоимением 1 лица множественного числа в предложном падеже (*нас*) употреблен в переносном значении и указывает на предмет речи или рассуждения.

Форма повелительного наклонения представлена в предложениях с предикатом, выраженным глаголом в форме 3 лица с частицей *да*: Да просветит *Воплотившийся Христос Спаситель всех нас светом Божественного разума, да утвердит веру нашу* [64,30]; Да благословит *Господь ныне всякую душу и каждого человека, нашу Церковь и нашу страну, и да поможет всем нам совершенствоваться в добродетелях, которые помогают нам быть подобными Христу, они же – лучший дар нас ради воплотившемуся Господу* [64,33]. Как видно из примеров, императив в Рождественской проповеди, как правило, аналитический.

Морфологические особенности публицистического стиля лежат в области статистических закономерностей. Как указывает Головин Б.Н., в текстах публицистического стиля отмечается широкая употребительность форм родительного падежа [Головин,113]. В частности, форма родительного падежа имеет степень вероятности появления среди других падежных форм: в художественной речи – 13 %, а в публицистической – до 36 %. Таким образом, частота появления формы родительного падежа становится дифференциальным стилеобразующим признаком.

Частотность употребления формы родительного падежа в текстах Рождественской проповеди составляет 24,8% от всех представленных в проанализированном материале падежных форм, что позволяет говорить о

достаточно явно выраженных чертах публицистического стиля на морфологическом уровне.

Кроме этого, следует отметить преобладание именных частей речи над вербальными. В процентном отношении частотность употребления той или иной части речи в тексте Рождественской проповеди выглядит следующим образом: имя *существительное* – **32,7 %**, *местоимение* – **18,1 %**, *глагол* – **11,6 %**, *имя прилагательное* – **11,5 %**, *предлог* – **11,5 %**, *союз* – **7,4 %**, *частица* – **3,1 %**, *наречие* – **1,7 %**, *имя числительное* – **0,8 %**, *причастие* – **0,8 %**, *деепричастие* – **0,7 %**.

Данное наблюдение позволяет сделать вывод о том, что Рождественская проповедь характеризуется как *номинативностью* (существительное, местоимение-существительное и некоторые предлоги) – чертой научной и официально-деловой речи, так и *оценочностью* (прилагательное, местоимение-прилагательное, порядковое числительное, причастие), что, в свою очередь, характерно для публицистики.

2.1.5 Синтаксис Рождественской проповеди

Специфика синтаксиса Рождественской проповеди выявляется как на уровне словосочетания, так и на уровне предложения.

1. Словосочетание. Подавляющее большинство словосочетаний являются субстантивными, однако наблюдаются глагольные, адъективные и наречные.

Большая часть словосочетаний – синтаксически свободные, то есть такие, в которых сохраняются самостоятельные лексические значения знаменательных слов, входящих в словосочетание: *задавали вопрос люди, стремление к добродетели, истинное смирение, рассеянная молитва*.

В синтаксически не свободном словосочетании лексическая самостоятельность утрачена, и такое словосочетание в целом по характеру своего значения приближается к отдельному слову: *чтим память, тайна Воплощения*.

2. Типы предложений. Наиболее продуктивными в Рождественской проповеди являются повествовательные предложения: *Почти две тысячи лет отделяют нас от той святой вифлеемской ночи, которая возвестила миру тайну Боговоплощения* [64,47]. Глагол-сказуемое в повествовательных предложениях употребляется обычно в формах изъявительного или сослагательного наклонения. С помощью логического ударения выделяется самое важное по смыслу слово.

Наряду с повествовательными предложениями, употребляются побудительные и вопросительные: *Вспомним, как встретили Христа простые и искренние пастухи* [64,49]. Глагол-сказуемое в побудительных предложениях Рождественской проповеди употребляется в формах повелительного наклонения и не встречается в форме инфинитива. Побудительные предложения произносятся в среднем или ускоренном темпе с понижением тона, поскольку выражают совет или просьбу. Побудительные предложения, выражающие приказ, в проповеди не употребляются.

Вопросительные предложения содержат вопрос, на который говорящий хочет получить ответ – неизвестную ему информацию. Вопросительные предложения Рождественской проповеди часто носят риторический характер и адресованы всем присутствующим в храме, в том числе и самому проповеднику: *Что же мы, грешные, должны делать, чтобы быть достойными этой любви?* [64,37]. Глагол-сказуемое в вопросительных предложениях употребляется в тех же формах, что и в повествовательных предложениях. Вопрос оформляется с помощью особой интонации и вопросительных слов (местоимений *кто? что? какой? сколько?*, наречий *где? куда? откуда? когда? как?*, частиц *разве, неужели, ли*).

Синтаксической особенностью проповеди является обязательное наличие побудительного предложения (одного или нескольких), находящегося в заключительной части – в нравственном приложении. Вопросительные же предложения могут совсем отсутствовать.

Среди структурных типов в Рождественской проповеди отмечается преобладание сложного предложения (сложноподчиненное нерасчлененной структуры): *Ради того, чтобы понести грехи наши, Он становится одним из нас* [64,22].

Наблюдаются и сложноподчиненные предложения с последовательным подчинением: *И не нужно быть какими-то чрезвычайными мудрецами, подобно восточным мудрецам, искавшим Его, чтобы увидеть, как сбывается это пророчество* [64,62].

Простое предложение Рождественской проповеди представлено двумя видами: односоставным и двусоставным, с преобладанием последнего.

Главные члены двусоставного простого предложения выражены, как правило, существительным или местоимением-существительным в форме именительного падежа и полнознаменательным глаголом (простое сказуемое): *Эта **весть волнует** нас и **радует*** [64,20]; *Он **победил** идольскую **тьму*** [64,51]; *Непроглядный и беспросветный **мрак окутал бы** нас* [64,51].

Иногда наблюдается осложнение простого по структуре предложения за счет определительных осложнителей: *Достигли тогда Воплотившегося и поклонились Христу три восточных мудреца, принешие Ему свои скромные дары* [64,29].

2.2. Структура текста Рождественской проповеди и текстовые категории

В настоящее время объектом лингвистики становятся все новые и новые аспекты человеческого общения. Особую актуальность приобрели исследования речевой деятельности, речевого воздействия и смыслового восприятия. В результате наметившейся в последние десятилетия прошлого века тенденции к расширению объекта лингвистических исследований текст уже рассматривается не только как источник материала для научного изучения (словосочетаний, предложений, сверхфразовых единств), но и как «первичная данность всего гуманитарно-филологического мышления» [30,122-151.,123]. Стремление к всестороннему изучению текста как конечного результата речетворческого процесса привело к тому, что текст

стал традиционным объектом исследования не только лингвистики и литературоведения, но и психологии, философии, логики, социологии, теории информации, культурологии и других наук. Во второй половине XX века начинается становление лингвистики текста как особой лингвистической научной дисциплины, центральным понятием которой является понятие «текст».

Проблема текста имеет свою историю. Первые шаги в изучении этого языкового явления относятся к первой половине XX века.

2.2.1. Структурно-смысловое членение текста проповеди

Структурно-смысловой единицей текста является сложное синтаксическое целое (ССЦ) – термин Н.С. Поспелова. В науке принят также термин Л.А. Булаховского – сверхфразовое единство (СФЕ).

Как объект лингвистического исследования и часть общей проблемы лингвистики текста СФЕ изучается с точки зрения более полного раскрытия смысла предложения в речи, его прагматического аспекта и актуального членения, которые наиболее полно раскрываются в окружении предложений, снимающих смысловую и синтаксическую неоднозначность. Сверхфразовое единство – «отрезок речи в форме последовательности двух и более самостоятельных предложений, объединенных общностью темы в смысловые блоки» [195,435].

Сверхфразовое единство стало предметом широкого изучения в 60-70-х гг. 20 века.

Небольшие по объему произведения, являясь текстом, могут быть равными одному СФЕ и члениться на его части и высказывания.

К структурно-смысловым частям текста относятся Зачин (З, дальше используются буквы), Развертка (Р), Концовка (К), а также блоки разного типа, диалогические единства, высказывания [230,15].

Если СФЕ равно полному тексту произведения, то оно может иметь (или не иметь) Заглавие, которое определяет основной субъект или объект текста (макротему). Заглавие называет событие, обозначает пространства, в которых это событие происходило, место,

время и оценку. Заглавие также дает общее описание оценки настроения, состояния говорящего.

Мы сопоставляем Рождественскую проповедь с СФЕ. Структурно СФЕ обычно состоит из трех частей, однако бывает двучастным, так как возможно отсутствие Зачина или Концовки.

Зачин бывает полным при условии, если в нем называются пять глобальных категорий (участники, события, время, пространство, оценка), и редуцированным, если вводятся не все глобальные категории. Концовка бывает общерезультативной, объединяющей в итоге пять глобальных категорий (участники, события, место, время, оценка), частнорезультативной, если сводятся не все глобальные категории, и может быть новым суждением-выводом.

Рассмотрим композицию СФЕ на примере проповеди на Рождество Христово.

ПРОПОВЕДЬ НА РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО

З. *Приветствую вас, возлюбленные отцы, братья и сестры, с великим праздником Рождества Господа нашего Иисуса Христа!*

Р. *Сегодняшняя священная ночь явила миру великую благочестия тайну, тайну Боговоплощения, тайну, к которой мы настолько привыкли, что редко задумываемся над ее всемирным значением. <... >.*

Христос всегда посреди нас – и мистически и реально. Он с нами в таинстве святой Евхаристии, в молитве и труде, в храме и на всех путях жизни: «Я с вами во все дни до скончания века» (Мф.28,2).

К. *Пусть всегда душа наша будет вместилищем воплотившегося ради нас Бога, а сердце наше – престолом, на котором да царствует во веки Христос! Аминь.*

Данная проповедь (см. приложение) состоит из трех структурных частей: Зачина (З), Развертки (Р), Концовки (К) и представляет собой СФЕ, являющееся сотериологическим описанием события, случившегося в прошлом, - рождения Иисуса Христа. Заглавие называет событие («Проповедь на Рождество Христово»). СФЕ содержит десять абзацев.

I. Зачин выделен автором в самостоятельный абзац. Он представляет собой праздничное обращение, которое заключено в четырех введенных в Зачин категориях. В анализируемом СФЕ Зачин: 1) включает участников события («вас, ...отцы, братья и сестры»), присутствие адресанта выражено формой 1 лица ед.ч. глагола *приветствовать*

«приветствую»); 2) характеризует Событие («Рождества...»); 3) фиксирует реальное сюжетное Время (форма настоящего времени изъявительного наклонения глагола *приветствовать* «приветствую»); 4) содержит общую Оценку говорящим события – «великим». Такой зачин с четырьмя глобальными текстообразующими категориями (отсутствует категория Места) является редуцированным и автосемантическим, от него зависят Развертка и Концовка.

II. В синсемантической Развертке и автосемантической Концовке формируются коннекторные ряды пяти глобальных категорий. С этой целью автор использует разного рода скрепы, или коннекторы. В данном СФЕ в роли коннекторов выступают различного типа повторы.

В анализируемом СФЕ:

1) отмечается родо-видовой повтор при описании Участников события: *...отцы, братья и сестры* (З); *мы – род человеческий – человек – людям – дети – члены единой семьи – отца – я* (Р);

2) используется анафорический повтор, при котором существительные заменяются местоимениями различных разрядов: *тайна – ее, событие – в нем, грехи – их, человек – его, Христос – Он*;

3) точный повтор, не изменяющий формы слова, вводится для описания нескольких категорий:

- участники: *Сын Божий – Сын Божий; Христос – Христос*;

как дети – как дети;

- событие: *Рождество – Рождество; тайну – тайну; событие – событие; пришел – пришел; потерпел бы – потерпел бы*;

- время: *дало – дало; пришел – пришел*;

4) наблюдается парадигматический повтор: *великую – великая* и

5) деривационный повтор: *Божий – Божественная – Божией; непостижимая – постигаемая*.

III. Концовка данного СФЕ является общезерезультативной, поскольку в ней сведены все пять категорий: *участники* – *душа наша, сердце наше, мы*; *событие* – *воплощение, царствование*; *место* – *душа, сердце*; *время* – *во веки*; *оценка* – данная категория

представлена на синтаксическом уровне (восклицательное предложение) и контекстуально на лексическом (*душа, сердце* – главные органы Богопознания и Богообщения; *вместилище* – огромное пространство (таким должно быть сердце и душа), *престол, царствует* – идея царства в религиозном контексте оценочно уже само по-себе: *Царство Небесное, царство антихриста*).

Рассмотрим и проанализируем каждую текстовую категорию в отдельности.

2.2.1.1. Участники коммуникативной ситуации

К числу Участников коммуникативной ситуации относятся субъекты текста. Их отличает форма 1-го лица (местоимения Я, МЫ, МОЙ, НАШ). Личные и притяжательные местоимения, указывающие на участников коммуникативной ситуации, употребляются в тексте в прямом или косвенных падежах, или отсутствуют, но предполагаются и обуславливаются предикатами и контекстом всего сложного целого.

Личное местоимение **Я** отсутствует, но предполагается, поскольку **МЫ** = Я + другие: *Мы настолько привыкли..., мы познали..., пришел к нам, обличить нашу, дало нам, посреди нас, с нами, душа наша, сердце наше.*

К участникам коммуникативной ситуации относится также объект текста, выраженный формой 2-го лица (ТЫ, ВЫ, ТВОЙ, ВАШ). Функцией данного объекта текста является обозначение адресата, читателя, слушателя. Данная категория в тексте проповеди отсутствует. Однако, как мы предполагаем, адресат, слушатель, обозначается с помощью невербальных средств – в первую очередь жестов.

В состав участников событий, процессов, ситуаций, но не участников коммуникативной ситуации, входят объекты ситуаций. В проповеди «На Рождество Христово» в эту группу мы включаем:

лица - *Христа, Богородицу, Троицу, Церковь* как собрание верующих, все человечество;

реалии – *ночь, рождение, распятие, таинство Евхаристии, царствование, воплощение;*

явления - *примирение, обличение, искупление, воскресение;*

этические категории – *благочестие, снисхождение, праведность, греховность;*

объекты открытого и закрытого пространства – *в нашем ограниченном трехмерном мире, в определенном географическом месте, на Голгофском кресте, в храме.*

Таким образом, данная категория представлена в Рождественской проповеди достаточно широко. Помимо основных участников коммуникативной ситуации (Бог, священник, приход), мы отмечаем участников главного события – Рождества (святые, объекты природы, представители потустороннего мира).

Следует отметить тот факт, что рассматриваемые категории традиционно выделяются в художественном тексте, однако они применимы и к проповеди, потому что она содержит компонент художественности, что не исключает ее публицистичности.

2.2.1.2. Категория События. Процессы. Факты

Одной из глобальных категорий текста является категория События. Данная категория, организующая структуру текста и его смысловое содержание, описывает разного рода действия субъекта и объекта, протекающие в пространстве и времени. Н.Д. Арутюнова включает в эту категорию такие видовые понятия: собственно Событие, Процесс, Состояние, Факт [13,84]. Рассмотрим перечисленные составляющие категории Событие на примере Рождественской проповеди.

Видовая категория «события» состоит из ряда актов, близка по значению к процессу, состоянию и противопоставлена факту. Категория События характеризуется полной номинализацией, под которой Н.Д. Арутюнова понимает возможность полного или неполного восприятия предиката высказывания [13,12].

Проповедь на Рождество Христово [64,47].

3. *Почти две тысячи лет отделяют нас от той святой вифлеемской ночи, которая возвестила миру тайну Боговоплощения. Почти две тысячи лет назад прозвучали над Вифлеемскими полями ангельские голоса: «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в людях благоволение» (Лк.2,14) .Прошло много времени. С тех пор мир стал неузнаваем: многое открыто, многое*

постигнуто. Сколько за эти годы возникало и падало могущественных империй; сколько в мире было знаменитых людей – и прошли они бесследно; какие только ни потрясали мир перевороты – и духовные, и социальные, и политические, и все это меняло облик мира сего, и все это исчезло. Осталось неизменным в мире этом одно – человек и человеческая бессмертная душа. Неизменным осталось для нас и евангельское повествование о явлении Сына Божия, ставшего Сыном Человеческим ради спасения людей: «Бог явился во плоти, оправдал Себя в Духе, показал Себя Ангелам, проповедан в народах, принят верою в мире» (Тим.3,16).

Р. И вновь, как и всегда, пока существует мир и пока теплится в людях вера Христова, вифлеемское историческое событие волнует и радуется человеческие сердца. Мы вновь переживаем его, стараясь вникнуть в «великую благочестия тайну» (Тим.3,16). Это не случайно, ибо все мы связаны с Господом, даже, может быть, вопреки своему желанию, каждая душа по природе христианка.

Событие Рождества Христова будет и впредь умилять нас еще и потому, что тайна Вифлеемской ночи не прекратилась, она живет, она не иссякает, как не иссякает любовь Отца Небесного к роду человеческому. Христос через столетия, через события и разные обстоятельства шествует к нам ради нашего обновления и спасения. Время и пространство не имеют над Ним власти. Христос снова и снова входит в нашу жизнь, сообщая нам вифлеемскую тайну и радость богообщения.

В эту священную ночь Пресвятая Дева вместе с обручником Иосифом стучались не в одну дверь, но не нашлось человека во всем городе, который побеспокоил бы себя, приоткрыл свою дверь и приютил странников. То же, братья и сестры, повторяется и теперь. Мир и сегодня по-разному встречает Христа, по-разному Его принимает. Мир повернулся к Спасителю своей многоликостью, и немного найдется сегодня таких людей, которые побеспокоили бы себя и открыли дверь стучащему и желающему войти к

нам Господу и Его Пречистой Матери. Сегодня мы тоже не спешим открыть Ему двери своего сердца. Мы черствы и холодны, коснеем в лености. Некоторые, может быть, и дали бы Младенцу Христу приют, но как-нибудь так, чтобы Он не нарушал их человеческого покоя и грешного земного сна.

Вспомним, как встретили Христа простые и искренние пастухи. Они послушались Ангела, поспешили к Вифлеемской пещере, увидели Его и с благоговением поклонились Ему.

А вот волхвы, звездой водимые. Их путь ко Христу длинный и мучительный. Но они шли, пока не нашли Богомладенца, а найдя, поклонились и принесли Ему дары. Их путь – это всего человечества путь, которым люди идут к Богу, преодолевая многие трудности и препятствия.

К. Живя в этом мире, все мы, братья и сестры, в какой-то мере и степени подобны или тем жителям, которые не открыли своих дверей для Пресвятой Девы и Иосифа, или пастухам вифлеемским, или волхвам, идущим на поклонение. И как это важно, как радостно и спасительно, что мы, благодаря Богу, пришли сегодня в Его дом, в Его вертеп – храм, чтобы здесь прославить Его и поклониться Ему как Богу и Царю.

Пусть Он найдет сегодня в наших сердцах для Себя вертеп и ясли. «Ей, гряди, Господи Иисусе!» (Откр.22,20), ибо только Ты для нас Путь, Истина и Жизнь, только в Тебе наш мир, радость и блаженство. Аминь.

Текст рождественской проповеди построен по схеме СФЕ. Он описывает событийную ситуацию Рождества Христова, состоящую из ряда актов, представленных коннекторным рядом событийных глагольных форм.

Коннекторный ряд событийных предикатов Зачина (З) данного СФЕ указывает на события, случившиеся в далеком прошлом. Значение начала действия подчеркнуто автором проповеди при помощи введения динамично-моментальной глагольной формы с характерной приставкой **воз-**: возвестила.

Использование предикатов достижения фиксирует полное прекращение действия процесса: *прозвучали, прошло, стал неузнаваем, исчезло, явился, оправдал, принят*.

Наряду с событийными предикатами в зачине представлен коннекторный ряд и процессных предикатов, указывающих на динамику действия, описывающих разные фазы действия. Они оформлены личными и безличными глаголами прошедшего времени: *возникло и падало, потрясали, меняло*; глагольными и именными составными сказуемыми: *много открыто, многое достигнуто, осталось неизменным*; причастия *ставшего*.

Зачин представлен чередованием событийных и процессных предикатов и создает описание случившегося и происходящего в прошлом.

Развертка (Р) начинается коннекторным рядом процессных предикатов, выраженных личными глаголами настоящего времени: *существует, теплится* (предикаты со значением экзистенциальности), *волнует и радует, переживаем* (предикаты со значением состояния лица); деепричастным оборотом: *стараясь вникнуть*.

Наряду с процессными предикатами в Развертке представлены событийные и фактические предикаты.

Предикаты со значением факта обозначают прошедшее событие, существование чего-либо свершившегося, его состояние и находятся в придаточном изъяснительном предложении, входящем в состав сложного [263,137]. Предикат главной части, являющийся ментальным компонентом сложного предложения со значением факта, называет разные проявления ума или чувства человека: дает эмоциональную оценку (*будет и впредь умилять*).

Коннекторный ряд событийных и процессных предикатов выражен личными и безличными глаголами прошедшего и настоящего времени совершенного и несовершенного видов: *стучались* (процессный предикат в действительном обороте обозначает длительное действие субъекта), *не нашлось* (событийный предикат достижения, указывающий на прекращение

действия и невозможность его дальнейшего осуществления), *побеспокоили, приютил* (событийные предикаты, которые указывают на законченность действия) *приоткрыл* (неполнота действия), *повторяется, встречается, принимает, не спешим открыть, коснем* (процессные предикаты, обозначающие длящееся состояние субъекта), *мы черствы и холодны* (кваликативный предикат, обозначающий процессность длящегося состояния и выраженный составной именной формой), *стучащему и желающему* (действительные причастия настоящего времени, обозначающие процессность).

Предикат следующей главной части, являющийся ментальным компонентом сложного предложения со значением факта, называет предположение, оформленное глаголом в сослагательном наклонении: *Некоторые, может быть, и дали бы...приют*. Предикат со значением факта, находящийся в придаточном изъяснительном, выражен глаголом прошедшего времени несовершенного вида – *не нарушал* – и обозначает длящееся состояние лица.

Ментальный компонент сложного предложения со значением факта, который указывает на свойство памяти говорящего, представлен побудительным предложением: *Вспомним, как встретили Христа простые и искренние пастухи*. Предикат придаточного *встретили* входит в коннекторный ряд категории события и является перфективным предикатом со значением результата. Он выражен личным глаголом в форме множественного числа, прошедшего времени, совершенного вида. Одной из формальных особенностей модели факта, характерной для письменной речи, является наличие полной модели сложного предложения с придаточным изъяснительным; при этом наличествуют компоненты «то, что». Однако текст проповеди характеризуется использованием неполных моделей с пропуском компонента «то» в главной части и союза «что» в придаточной. Предложение *Они послушались Ангела, поспешили к Вифлеемской пещере,*

увидели Его и с благоговением поклонились Ему связано с предыдущим и является придаточным изъяснительным категории «событие». Не составляет труда реконструировать пропущенные элементы: *Вспомним то, что они послушались Ангела, поспешили к Вифлеемской пещере, увидели Его и с благоговением поклонились Ему*. Коннекторный ряд категории «событие» представлен предикатами со значением начала действия, которое выражено с помощью приставки *по-*: *послушались, поспешили*; и предикатами достижения, которые фиксируют полное прекращение действия процесса – *увидели, поклонились*, – выраженные личными глаголами в форме множественного числа, прошедшего времени, совершенного вида.

Следующий абзац оформляют самостоятельные придаточные изъяснительные, для которых ментальным компонентом является предикат главной части предыдущего СФЕ *вспомним*, указывающий на свойство памяти говорящего. Редуцированная модель категории факта восстанавливается в полную реконструкцией: *Вспомним то, что (А вот) волхвы (звездой водимые) были водимы звездой. Вспомним то, что Их путь ко Христу длинный и мучительный. Вспомним то, что (Но) они шли, пока не нашли Богомладенца, а найдя, поклонились и принесли Ему дары. Вспомним то, что Их путь – это путь всего человечества, путь, которым люди идут к Богу, преодолевая многие трудности и препятствия.*

Данные придаточные изъяснительные образуют коннекторный ряд категорий «событие» и «процесс». Они оформлены с помощью глагольного и именного составных сказуемых (первое и второе предложения), указывающих на процессность длящегося состояния и выраженных качественными предикатами. Следующий процессный предикат, обозначающий равномерное движение субъекта действия без изменения во времени субъекта, выражен локальным глаголом, называющим перемещение в пространстве – *шли*, и сопровождается интенсификатором – *пока не нашли*, – указывающим на отрезок времени. В состав интенсификатора входит перфективный предикат

категории «событие», обозначающий результат действия прошлого, но наличествующий в настоящем. Деепричастие совершенного вида *найдя* продолжает коннекторный ряд процессных предикатов и находится перед двумя предикатами достижения категории «событие» – *поклонились* и *принесли*, – которые фиксируют полное прекращение процесса, невозможность его дальнейшего осуществления, и выражены глаголами в форме совершенного вида, прошедшего времени. Последнее предложение завершает коннекторный ряд событийных и процессных предикатов развертки. Первый из них оформлен составным именным сказуемым с нулевой глагольной связкой; процессный предикат *идут* обозначает равномерное движение субъекта действия без изменения во времени (использован локальный личный глагол настоящего времени, несовершенного вида, 3-го лица, мн. числа) и характеризуется постоянным свойством с помощью деепричастия несовершенного вида *преодолевая*.

В Концовке автором использованы событийные предикаты, оформленные с помощью деепричастия несовершенного вида *живя*, составного именного сказуемого *подобны*, перфективного предиката *не открыли*, обозначающего результат действия, действительного причастия настоящего времени *идушим*. Функцией данного событийного коннекторного ряда является указание на некратность события и на результат действия. Предикат следующей главной части со значением факта дает рациональную (истинность) и эмоциональную оценку факта, называя положительные чувства: *И как это важно, как радостно и спасительно, что мы, благодаря Богу, пришли сегодня в Его дом, в Его вертеп – храм, чтобы здесь прославить Его и поклониться Ему как Богу и Царю*. Придаточное цели образует коннекторный ряд предикатов категории события, оформленный независимым инфинитивом в роли главного члена – *прославить и поклониться*. Данная модель категории факта является неполной, поскольку в главном предложении пропущен компонент «то».

Побудительное предложение последнего абзаца Концовки представляет собой предикат категории «события», который оформлен глаголом в форме будущего времени, совершенного вида, со значением однократности действия – *пусть найдет*. За ним следует редуцированная модель факта с предикатом главной части в форме повелительного наклонения – *гряди*. Придаточные изъяснительные завершают коннекторный ряд процессных предикатов со значением тождества, которые оформлены составными именными сказуемыми: *...ибо только Ты для нас Путь, Истина и Жизнь, только в Тебе наш мир, радость и блаженство. Аминь*.

Категория События характеризуется строгим построением и на основе коннекторных рядов с процессными и событийными предикатами. Первая группа предикатов описывает состояния, переживаемые участниками коммуникативной ситуации, как следствие тех или иных процессов. Обычно речь идет о внутреннем состоянии человека, вновь переживающего праздник Рождества Христа.

Во вторую группу входят предикаты, раскрывающие смысл главного события – рождение Бога. При этом следует отметить, что данное событие принадлежит двум временным планам – прошлому (происходило ежегодно начиная с даты рождения) и настоящему (происходит здесь и сейчас, в храме и постоянно в сердцах верующих).

2.2.1. 3. Категория Времени

Представление о категории Времени сложилось исторически. Её формы на протяжении эпох изменялись, в русском языке сокращалось количество аналитических форм, модифицировались значения различных частей речи, особенно глаголов и наречий, выражающих категорию времени.

Изменялось и отношение ученых к этой категории. Позапрошлый и прошлый века стали периодом особенно тщательного её исследования. Ещё М.В.Ломоносов в своей «Российской грамматике» насчитывал десять времён глагола, не разделяя значения и формы времени и вида.

К.С. Аксаков и Н.П. Некрасов выдвинули теорию об отсутствии категории времени в русском языке, так как одно время и наклонение легко заменяется другим. Особое внимание категории Времени и вообще русскому глаголу было уделено в трудах А.А. Потебни. Ученый создал философию глагольности, утвердив главенство глагола в составе частей речи, его наивысшую отвлечённость и постоянное развитие за счёт «оглаголивания» других частей речи.

Категория Времени тщательно изучалась в трудах А.А. Шахматова, А.М. Пешковского, В.В. Виноградова, Н.С. Пospelова, Ю.С. Маслова, А.В. Бондарко и других лингвистов. Были разделены категории времени и вида.

В исследованиях современных русских и зарубежных ученых, наблюдавших за категорией времени, были введены понятия: «момент речи», «момент референции», совпадающий или не совпадающий с событием и «моментом речи». Наряду с этими понятиями появился термин «точка отсчёта». По соотношению с «моментом речи», «точкой отсчёта» было введено понятие «вторичное время», распределяющее фазы процесса или события на шкале времени. Изучаемая учёными категория Времени в различных языках играет важную роль в осознании человеком устройства мира природы, общества людей, она способствует отображению

всевозможных событий, процессов и фактов в человеческой речи [230,161-162].

Н.Д. Арутюнова [16,12] объединяет все типы времени в две взаимосвязанных модели:

1. Временная модель Пути человека;
2. Модель потока Времени.

Обе временные модели отражаются как в языке художественных произведений, так и в языке других стилей письменной и устной речи.

Учёные разных направлений выделили в естественных языках, в их письменной и устной формах художественное время, которое может быть представлено в качестве реального объективного, циклического, субъективного, а также ирреального времени различных типов.

Объективное художественное время характеризуется тем, что основным способом его оформления является личная или безличная глагольная форма настоящего и будущего времени 3-го лица единственного и множественного числа, а также форма прошедшего времени любого рода и числа.

Объективное время отличается развёртываемостью из прошедшего – в настоящее и, возможно, - в будущее, ср: *Проходили времена. Положение ухудшалось, казалось, нет из него никакого выхода. И все же высший Божественный Разум находит выход <... ...>* [64,18].

Разберем вышесказанное на конкретных примерах:

3. В сегодняшнюю ночь святая Церковь вновь зовет нас перенестись мысленно в ту далекую и очень близкую вифлеемскую ночь, которая возвестила миру тайну Боговоплощения. Эта весть волнует нас и радует. Это ради нас, людей, и ради нашего спасения сегодня Безначальный начинается, приходит на землю в зраке раба Тот, Чье Царство – Царство на все века и владычество – для всех поколений.

Точкой отсчёта в данном СФЕ является настоящее на грани будущего – *зовёт перенестись*. Перенестись в прошлое – в далекую «...» ночь, которая

возвестила. Точка отсчёта – настоящее время – формирует ретроспективу, т.е. автор направляет движение времени в прошлое, непосредственно и в то же время отдалённо предшествующее настоящему, – *в ту далёкую и очень близкую вифлиемскую ночь*. Проспективное действие разворачивается из прошлого в настоящее – *волнует и радует* – и далее в будущее – *сегодня начинается, приходит*.

Временная схема зачина Рождественской проповеди представлена объективным художественным временем и имеет следующий вид:

1. Настоящее-будущее: звет *перенестись* (инф);
2. Преднастоящее однократное: *возвестила* (личн.ф., ж.р. прош.вр.);
3. Настоящее состояния: *волнует, радует* (личн.ф., 3-л, ед.ч.);
4. Настоящее неполноты: *начинается, приходит* (личн.ф. 3-л, ед.ч.);
5. Настоящее экзистенциальное: *Чье Царство – Царство на все века и владычество – для всех поколений*.

Р. Так возлюбил Бог мир, что Сына Своего Единородного дал, дабы Он спас мир (Ин.3,16). Бог Отец посылает миру Сына Своего, Свою Единородную Любовь, чтобы мир познал любовь, уверовал в любовь и научился любить.

И вот Он «изъязвлен был за грехи наши, наказание мира нашего на Нем, ранами Его мы исцелились» (Ис.53,5). Глубока тайна смерти Бессмертного, как и нынешнее начало Безначального!

Проспективное развитие действия представлено в первом абзаце Развертки.

Временной точкой отсчета является преждепрошедшее – *возлюбил*. Действия текста направляет внимание автора и читателя в будущее – прошедшее *дал* и будущее *дабы спас*. Это воздействие усиливается во втором предложении – действие линейно развивается из настоящего – *посылает* - в будущее – *чтобы познал, уверовал, научился*.

Ретроспективное изображение события представлено в следующем СФЕ. Точкой отсчёта является преднастоящее время – *исцелились*, которое следует за прошедшем – *изъязвлен был*. Завершает данную модель категории времени настоящее экзистенциальное.

1. Преждепрошедшее: *возлюбил* (личн.ф., пр.вр., ед.ч., м.р);
2. Прошедшее однократное: *дал* (личн.ф., пр.вр., ед.ч., м.р);
3. Будущее однократное: (дабы) *спас* (личн.ф., пр.вр., ед.ч., м.р);
4. Настоящее: *посылает* (личн.ф., наст.вр., 3-л, ед.ч.);
5. Будущее перфективное (по форме прошедшее): (чтобы) *познал, уверовал, научился* (личн.ф., прош.вр., ед.ч.м.р.);
6. Прошедшее: *изъязвлен* (был) (страд.прич., пр.вр., ед.ч., м.р);
7. Преднастоящее перфективное: *исцелились* (личн.фр., пр.вр., мн.ч.);
8. Настоящее экзистенциальное: *Глубока тайна смерти*.

Сверхфразовое единство *Зачина* представляет собой объективно-субъективное реальное время, поскольку центром семантической парадигмы времени являются существительные, соотносимые морфологически с формой 3-его лица местоимения или глагола: *Церковь, ночь, весть, Безначальный, Тот*; при этом текст сориентирован на формы местоимения 1-го лица *Мы, Наш*: *зовет нас, волнует нас, ради нас, нашего спасения*; для текста характерна оценочность, что является признаком субъективного реального времени.

Первые два абзаца *Развертки* описывают сюжетное время, выраженное глаголами прошедшего времени совершенного вида. Сюжетное время характеризует динамическую ситуацию, обозначая события, ограничивая их началом или концом, указывает на их сменяемость, на полное прекращение или результат данного события, наличествующий в настоящем: *возлюбил – дал – спас – познал – исцелились*.

Сегодня пришел в мир Тот, Кто явил нам Бога. «Все предано Мне Отцем Моим, и никто не знает Сына, кроме Отца; и Отца не знает никто, кроме Сына, и кому хочет Сын открыть» (Мф.11,27). «Видевший Меня видел Отца» (Ин.14,9). Так мог сказать миру только Сам Бог, только Тот, Кто воистину является Единым от Святой Троицы.

В рассмотренном абзаце присутствуют формы как сюжетного, так и несюжетного реального времени. Сюжетное реальное выражено глаголами прошедшего времени совершенного вида – *пришел* (точка отсчета, настоящее), *явил* (преднастоящее), *все предано* (настоящее бытийное). Несюжетное время оформляют глаголы (и причастие) несовершенного вида со значением ментальности или сенсорности – *не знает*, *хочет открыть*, *видевший*, *видел*.

Временная модель строится из восьми компонентов перспективно-ретроспективного плана:

1. Прошедшее результативное: *пришел* (личн.ф., пр.вр., ед.ч., м.р.);
2. Преднастоящее: *явил* (личн.ф., пр.вр., ед.ч., м.р.);
3. Настоящее бытийное: (все) III (наст. вр);
4. Настоящее ментальное: *не знает* (личн.ф., наст.вр., 3-л., ед.ч.);
5. Настоящее: *хочет* (открыть);
6. Прошедшее перфективное: *видевший, видел*;
7. Прошедшее однократное: *мог* (сказать);
8. Настоящее экзистенциональное: *Кто «...» является Единым*.

В эту ночь открывается нам Бог так, как Он не был известен ранее. Он открывается нам Таким, Каким человек Его не мог ни помыслить, ни выдумать.

Издавна люди пытались создать себе представление о том, каков их Бог. Вырастали образы Бога, каким мыслил Его человек. В этих образах воплощалось все самое высокое и желанное. Бога великого, всемогущего, торжествующего человек мог помыслить и даже придумать. Но такого

Бога, какой явился нам сегодня в Вифлеемских яслях, человек придумать не смог бы, потому что такого Бога он не избрал бы: Бога обнищавшего, Бога гонимого, Бога, опозоренного перед лицом всех людей; Бога, в Котором, по слову пророка Исаии, нет будто ни вида, ни величия (Ис.53,2); такого Бога человек не придумал бы себе; такой Бог мог только явиться, только Сам Себя открыть людям.

Рассматриваемый абзац начинается одной из форм настоящего несюжетного времени – настоящего неактуального: *открывается* – личная форма глагола несовершенного вида со значением намеченного и отчасти осуществлённого действия. Несюжетное время представлено далее по тексту коннекторным рядом предикатов прошедшего времени несовершенного вида: *пытались (создать), выросли, мыслил, воплощалось*. Предикаты совершенного вида, формирующие сюжетное субъективное реальное время, придают динамизм повествованию: *не мог (ни помыслить, ни выдумать), не избрал бы*. Автор проповеди рисует картину эволюции человеческого представления о Боге. Динамизм сменяется статическим описанием с использованием несюжетных глаголов – *становится, входит, принимает*.

Он принес на землю любовь, и когда окружавшие Его поняли, что Он требует отречься от себя, умереть для своего эгоизма, себялюбия и страстей, - когда люди это поняли, они ужаснулись и отказались принять эту любовь, а Того, Кто принес ее, вывели из города и распяли.

Приведенный абзац представляет собой динамическое описание давнопрошедшего события. Все предикаты выражены глаголами совершенного вида. Событие пришествия Христа в мир подается в объективном сюжетном художественном времени ретроспективно. Точкой отсчета являются предикаты *вывели* и *распяли*.

1. Прошедшее однократное: *вывели и распяли* (пр.вр., св.в.);
2. Преждепрошедшее со значением ментальности и эмоциональности: поняли, ужаснулись, отказались (принять) (пр.вр., св.в.);

3. Давнепрошедшее: *принес* (пр.вр.,св.в.).

Господь весь – святость и любовь. Господь не только Сам Себя таким являет. Он требует от каждого из нас, чтобы мы стали такими, как Он, дабы «истинною любовью все возрастали в Того, Который есть глава Христос» (Еф.4,15).

Смена сюжетного времени представлена вышеприведенным СФЕ. Предикаты первого и последнего предложений выражены составными именными сказуемыми с нулевой связкой в первом предложении и стоят в настоящем экзистенциальном времени. Глагольные предикаты оформляют несюжетное время – *требует, возрастали*.

Перспективная циклическая временная схема имеет следующий вид:

1. Настоящее экзистенциальное (точка отсчета): (Господь) *весь – святость и любовь*;

2. Настоящее начинательное (с результатом в будущем): *требует* (чтобы стали);

3. Будущее незавершаемое: (дабы) *возрастали*;

4. Настоящее экзистенциальное: *Который есть глава Христос*.

Циклический признак обусловлен перспективным развитием временного сюжета с последующим возвращением в точку отсчета.

Христос принес на землю Откровение не только о Боге, но и о человеке, о его высоком призвании и о его богоподобном назначении. И это откровение о человеке, может быть, самое драгоценное, что у нас есть. Благодаря ему мы можем и должны приходить «в единство веры и познания Сына Божия, в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова» (Еф.4,13).

Последний абзац Развертки вновь представляет собой сочетание объективного реального и субъективного реального художественного времени. Центром семантической парадигмы объективного реального времени является существительное *Христос*, соотносимое морфологически с формой 3-его лица глагола – *принес* – сюжетным глаголом прошедшего

времени совершенного вида. Наряду с этим, следующий предикат является составным именным сказуемым, предшествующим глагольному предикату со значением ментального долженствования и выраженного глаголом несовершенного вида. Весь текст является эгоцентричным, сориентированным на формы местоимения МЫ – у нас, мы, – и характеризуется оценочностью, выраженной при помощи признаков слов – *высоком, богоподобном, самое драгоценное, совершенного.*

К. Пусть всегда будет в наших сердцах и в нашем уме это высокое Божественное Откровение о сущности Божией, о сущности и назначении каждого из нас. Станем мысленно у пещеры, где некогда родился Христос, и поклонимся Ему вместе с чистосердечными пастухами, мудрыми волхвами, праведным Иосифом Обручником, вместе с Пречистой Девой Богородицею, с Ангелами и со всей спасенной тварью. Вместо золота, смирны и ливана принесем в дар Христу красоту наших душ и чистоту наших сердец. Аминь.

В Концовке проповеди события описываются в субъективном художественном времени. Характерной чертой данного времени является повествование от первого лица – *станем, принесем.* Текст в наивысшей степени оценочен – *высокое Божественное, чистосердечными, мудрыми, праведным, Пречистой, вместо золота, красоту, чистоту,* – ориентированность на формы местоимения МЫ – *в наших, в нашем, каждого из нас, наших.*

Категория Времени Рождественской проповеди представлена двумя моделями: временная модель пути человека и модель потока времени, которые выражаются объективным художественным временем. Художественное время проповеди состоит из реального объективного и циклического.

Объективное время отличается развёртываемостью из прошедшего (событие Рождества – *2000 лет назад*) – в настоящее (*в сегодняшнюю ночь*) и

даже в будущее (и *впредь до скончания века*). Данный вид оформляется главным образом глаголами в личной и безличной формах настоящего и будущего времени 3-го лица единственного и множественного числа, а также в форме прошедшего времени любого рода и числа.

Использование циклической модели времени обусловлено проспективным развитием временного сюжета.

2.2.1.4. Категория Пространство

Понятие «пространство» многозначно. Этот термин издавна закрепился в философии, где пространство характеризуется следующим образом: «Каждый уровень организации природы состоит из определенных объектов, которые обладают той или иной протяженностью, совокупность которых называется пространством. Пространство есть выражение сосуществования материальных объектов» [142, 241].

Академический «Словарь русского языка» [4,709] выделяет следующие значения данного понятия: 1) неограниченная протяженность (во всех направлениях, измерениях); 2) место, способное вместить что-либо; 3) большой участок земной поверхности.

О.Н. Селиверстова определяет понятие «пространство» с языковой точки зрения: «“Пространство”, отображенное в языке, можно истолковать как нечто, в рамках чего может находиться объект (элемент) или иметь действие или событие» [164,10].

Е.С. Кубрякова описывает «пространство» с позиции когнитивизма, то есть учитывая «машинные операции» при наблюдении за явлением, и «лингво-психологические», связанные с интеллектом и «фантазией человека, интуицией, воображением, культурологическими факторами в решении проблем. Пространство – это среда всего сущего, окружение, в котором всё происходит и случается» [180,26]. Е.С. Кубрякова обращает внимание на то, что существует противопоставление Фона и Фигуры, одно немислимо без

другого, т.е. в пространство, в качестве его составляющей (составляющих), «встроен» ряд объектов. Объект обладает определенными физическими характеристиками: контурами, размером или объемом, цветом, формой и тому подобное [180,27].

Объект в пространстве имеет определенное «место». Это – «часть пространства, занимаемая объектом и ограничиваемая им». Место: плоскость, поверхность, точка (на карте), отпечаток («он занимал много места в моей жизни»), вместилище («место в зале») и тому подобное. Е.С. Кубрякова считает, что «суждения выносятся не об объектах как таковых, но о тех чувственных впечатлениях, которые они вызывают» [Там же,28].

Е.С. Яковлева обращает внимание на роль объектов в пространстве, придавая им особое значение: «... картина пространства в русском языковом сознании не сводима ни к какому физико-геометрическому прообразу: пространство не является простым вместилищем объектов, а скорее наоборот – конституируется ими, и в этом смысле оно вторично по отношению к объектам» [324,20-21].

В тексте, помимо единого термина «пространство», возможно деление на «внешний» и «внутренний» мир героя, на «реальное» и «ирреальное пространство», которое, в свою очередь, формирует множественные миры.

Художественное пространство, по мнению З.Я. Тураевой, «есть форма бытия идеального мира эстетической действительности, форма существования сюжета, пространственно-временной континуум изображаемых явлений, отличный от реального пространственно-временного континуума. Эта пространственно-временная форма присуща только художественному тексту, не как элементу материального мира, а как образной модели действительности, которая создаётся в произведении» [295,20].

А.Ф. Папина определяет художественное пространство как «образную модель действительности, которая формируется говорящим и является результатом его выбора и которая обусловлена определенной авторской

установкой, жанром произведения, временем изображаемого события, временем написания художественного текста и даже настроением писателя» [230,223].

Общепризнано, что содержательная категории пространства, как и категории времени, представляет собой два основных типа:

- 1) реального пространства и
- 2) ирреального пространства.

Реальное пространство достаточно правдоподобно, но и с возможной долей вымысла описывает существующий (или существовавший) мир действительности. Исследователи (Гальперин И.Р., Тураева З.Я.), как и у категории времени, выделяют: 1) объективно представленный (перцептуальный) мир. В этом случае говорящий (рассказчик, «образ автора») изображает это пространство, повествуя от 3-го лица или пребывая в области «всенаходимости» (термин М.М. Бахтина); 2) субъективный (концептуальный) мир описывается от 1-го лица говорящего с включением образных пространственных измерений.

Ирреальное пространство сориентировано на описание несуществующих миров, созданных в воображении художника: астральный мир, inferнальный, волшебный, фантастический, сказочные миры, параллельные или Зазеркалье.

Именно под таким углом зрения рассматривается категория «художественного пространства» в современной лингвистике. Перед тем, как перейти непосредственно к описанию данной категории на материале Рождественской проповеди, мы хотели бы высказать некоторые замечания относительно предложенной классификации.

Опираясь на специфику проповеди, вопрос о *реальности/ирреальности* пространства необходимо рассматривать шире, то есть с точки зрения говорящий – слушающий. Ведь то, что представляется реальным для адресанта, может быть ирреальным для адресата и наоборот: «...

художественное пространство – образная модель действительности (т.е. реальности), которая формируется говорящим» [230,134]. Другими словами, реальность/ирреальность изображаемого пространства должна определяться мировоззрением участников коммуникативного акта. Сознание человека (религиозное или атеистическое) – вот та система координат, в которой следует рассматривать такую текстовую категорию, как пространство религиозного текста.

Для религиозного сознания человека все пространство, окружающее его и представленное в тексте проповеди, реально. Разница лишь в том, что объекты этих миров воспринимаются либо органами чувств, либо разумом, сердцем или душой [198,54]. В любой религии, и в христианстве в том числе, человеческое сердце рассматривается не столько как главный орган системы кровообращения организма, а как центр сосредоточения эмоций: *Но такое знание – сухое, расплывчатое, абстрактное; оно не дает настоящей глубокой сердечной радости...*[64,43]; побуждений, импульсов: *Мыслящие люди спрашивали себя: неужели человек со своими чувствами, со своими порывами, желаниями, способностями ума и сердца бесследно исчезает и становится достоянием небытия?* [64,51]); орган Богопознания и Богообщения. В проповедях на Рождество Христово сердце человека характеризуется как:

- 1) орган, с помощью которого можно *окутать, покрыть, заключить в объятия* кого-либо или что-либо: *В сегодняшнюю священную ночь, когда мы, собравшись в храме Божию, пытаемся приблизиться к Богу, обнять Его своим сердцем, молиться Ему...* [64,19];
- 2) орган познания, “разумения”, прежде всего Бога и Его воли: *Постараемся своим умом постичь, своим сердцем обнять тайну Божьего о нас смотрения* [64,20]; *“Взыщите Господа всем сердцем”, - читаем в Священном Писании (Соф.2,3; Ам.5,4; Иер.29,13)[64,39]; *Способность слышать внутренний голос, голос Божий есть признак доброго и простого сердца. ...**

нашли Его и волхвы, которые искали искренно, в простоте сердца [64,40]; Будем же бояться лести и лицемерия, холодности и небрежения, которые закрыли очи сердца Ироду... [64,41]; В тайне Божественного воплощения все необыкновенно, потому-то она и есть тайна, которую нельзя постигнуть до конца только рассудком холодного человеческого ума, без участия верующего сердца со всеми его чувствами [64,44];

- 3) орган, в котором может пребывать сам Бог (самое почетное место) и который управляет нашей жизнью: Пусть всегда душа наша будет вместилищем воплотившегося ради нас Бога, а сердце наше – престолом, на котором да царствует во веки Христос! [64,26]; Пусть Он найдет сегодня в наших сердцах для Себя вертеп и ясли [64,49].

Сердце может сравниваться с утробой, домом: Христос действительно постоянно рождается и в сердцах тех, кто открывает Ему двери сердца... [64,28]; В Рождественскую ночь вся земля приветствовала Богомладенца, несмотря на то, что люди спали мертвым сном и никто не открыл Ему дверей своего дома и своего сердца [64,32]. В последнем значении сердце характеризуется наличием страстей, негативных эмоций, злых помыслов и т.п. Задача человека бороться с этим, искоренять все плохое, “очистить сердце от скверны и греха”: Станем мысленно у пещеры, где некогда родился Христос, и поклонимся Ему вместе с чистосердечными пастухами, мудрыми волхвами... Вместо золота, смирны и ливана принесем в дар Христу красоту наших душ и чистоту наших сердец [64,23]; ...и для нас нет большей славы, как побеждать собственные страсти, владычествовать над желаниями своего сердца... [64,37]; Но здесь же, в Писании, читаем, что только чистые сердцем узрят Бога (Мф.5,8). “Коварное сердце не найдет добра” (Прит.17,20)[64,39]. Сердце сравнивается и с домашним очагом: Божественная благодать освещает нас, но когда мы медлим, угасает огонь Божий в сердце [64,40].

Именно с позиции восприятия окружающего пространства коммуникантом оно представляется реальным или нереальным. Для атеистического мировоззрения реальным является лишь «земной» мир, в то время как объекты или же действия и события двух других воспринимаются как элементы «внутреннего мира героя», обусловленные человеческой фантазией, художественным воображением. Таким образом, если участники коммуникативного акта обладают религиозным сознанием, для них все изображаемое пространство – реальность; у носителей атеистического земной мир – реальность, остальное – ирреальное пространство; и если они – представители идеалистов и материалистов, – точка соприкосновения лишь одна: земное пространство – это реальность, признаваемая обеими сторонами, остальное – личное дело каждой из сторон.

На наш взгляд, необходимо сделать ещё одно уточнение относительно категории *реальное/ирреальное* пространство. Нам кажется, что для автора, создающего в своем произведении то или иное пространство, все представляется реальностью, то есть для творца созданные им миры – реальны так же, как и для ребенка-реципиента: не случайно верующие именуются «чадами Божиими».

Принимая деление «пространства» на «внешнее» и «внутреннее», мы хотели бы уточнить данное разделение. Под «внешним» пространством нами понимается «земное» пространство – физический мир, живая и неживая природа, космос, а под «неземным» - потусторонний, загробный мир или трансцендентный, место присутствия Бога и ангелов. Внутренний мир человека не что иное, как «внутреннее» пространство. Таким образом, изображаемое в тексте пространство представляется трехкомпонентным – «земное», «неземное» и «внутренний мир человека».

Предложенная классификация не противоречит ранее принятой (земное пространство – внешнее, неземное – астральный и инфернальный миры, внутреннее пространство – волшебный, фантастический, сказочный, мир

Зазеркалья), а лишь уточняет ее, при этом объясняет *реальность/ирреальность* того или иного пространства.

Объективно описанный предметный мир определённого фрагмента пространства чаще всего представляет картины земной действительности - «земное пространство».

При этом пространство изображается в качестве открытого обзора во все стороны. Открытое пространство рисует степь, море, горы и т.д. Это пространство сочетается с образом человека, находящимся в пути, в дороге. Такое перемещение в пространстве называют линейным (Папина А.Ф. 2002, 224): *Пастухи сказали друг другу: пойдём в Вифлеем и посмотрим, что там случилось, о чём возвестил нам Господь (Лк.2,15) [64,34]; Больше того, Мария и Иосиф пришли в Иерусалим принести жертву очищения, а Ирод и этого не узнал, хотя храм его находился всего лишь в нескольких шагах от его дворца. Мудрецы шли долго из Аравии в Иудею [64,38]; И почти сразу гонение – Ирод хочет убить Младенца, и Святое Семейство бежит в Египет. По возвращении – новые тревоги и заботы Матери. Вот Сын Её потерялся в Иерусалиме. Вот Он выходит на проповедь, совершает чудеса и не имеет где головы приклонить [64,67].*

Пространство может обозначать движение *вперед – назад, вверх – вниз, влево – вправо*: *Сын Божий явился на землю, чтобы открыть людям Бога... < >...и Своим вознесением к Отцу Небесному сделать возможным возвращение к Нему всех, кто этого пожелает [64,18] (движение вниз – вверх); И когда исчезла путеводная звезда, не вернулись домой, а прилежно искали в Иерусалиме другого путеводителя [64,38] (движение *вперёд*); Стала Царица одесную Тебя (Пс.44,10) [64,71] (движение *вправо*, неземное пространство). Средствами грамматического оформления категории открытого линейного пространства являются обычно глаголы направленного действия или указание на определённое место. Например: *идти, бежать, лететь, мчаться*; а также: *находиться, быть* и др. Важную роль в оформлении пространственных*

отношений играют наречия места и направления действия: *здесь, там, сверху, внизу, вперёд, назад*.

Помимо линейного типа, существуют и другие типы перспектив, при помощи которых автор формирует различные структуры пространства. Кроме того, пространство бывает замкнутым – горизонтальным или горизонтально-вертикальным одновременно и субъективным.

Горизонтально ориентированное пространство

При горизонтальной ориентации пространства объекты размещаются на горизонте, вдали – вблизи – рядом, здесь: *И как это важно, как радостно и спасительно, что мы, благодаря Богу, пришли сегодня в Его дом, в Его вертеп – храм, чтобы здесь прославить Его и поклониться Ему как Богу и Царю* [64,47].

Вертикально ориентированное пространство: *вверху, сверху, внизу*.

Вертикально ориентированное пространство чаще всего представляет собою панорамное изображение явлений природы. При панорамном описании точка обзора наблюдателя, говорящего обычно помещена вверху. Наблюдение ведётся как бы с высоты птичьего полёта или с вершины высокой горы, моста и так далее.

Сигналами панорамного представления пространства являются ориентиры, выраженные наречиями-интенсификаторами или существительными с предлогами: *под нами, внизу, вдали и другие*. Названные объекты, находящиеся внизу, видны как бы все сразу, так как находятся на равном от наблюдателя расстоянии.

Е.С. Яковлева, вслед за Ю.М. Лотманом, обратила внимание на то, что вид издали в пространственном отношении синонимичен виду сверху (и наоборот). Это свидетельствует о том, что художественное пространство «структурировано, как и любая другая моделирующая система» [324,18]. Поэтому оба типа пространства, наблюдавшиеся сверху или издали, рассматриваются как панорамное изображение. При обзоре пространства

издали точка отсчета отодвигается назад. Широкая панорама, открывающаяся взору наблюдателя издали, находится перед ним, она заполнена объектами, равностоящими от места его нахождения: *Для осуществления этого Он основал на земле Свою святую Церковь и установил таинство святой Евхаристии, в котором заключена Его сакраментальная реальность. Мы знаем и верим, что в любой точке мира, где совершается святая Евхаристия, нам даруется подлинное присутствие Христа Спасителя, даруется жертвенная нетленная пища для нашего нынешнего странствования в направлении к вечному Граду* [64,20]. Несмотря на то что данное описание не является описанием природы, оно построено по принципу панорамной перспективы. Перед мысленным взором адресата, при прочтении первого предложения, предстают определенные географические пространства (континенты, страны, города, здания и тому подобное) нашей планеты. Данный образ закрепляется и конкретизируется благодаря второму предложению (*в любой точке мира, где совершается святая Евхаристия – то есть в храме*). Дальнейшее повествование вновь панорамно охватывает весь мир (*для нашего нынешнего странствования – борьбы с грехом и совершенствованию в добродетелях в земных условиях*) и преносит взор к неземной реальности будущего – к *вечному Граду*, - в Царство Небесное.

Ориентированность пространства реализуется в трех перспективных планах: круговая перспектива, перекрёстная перспектива и секторная перспектива.

Круговая перспектива:

1) горизонтальное или горизонтально-вертикальное сужение концентрических кругов (планов) осуществляется к центру, где находится повествователь. Центром может быть также среда обитания человека (дом, окна, храм и др.): *Не многие* сподобились в ту ночь поклониться Воплощенному в Вифлееме. Из этих немногих были простые пастухи вифлеемские (центр – пастухи, первый план – не многие, кто сподобился

поклониться; второй – простые *пастухи* из Вифлеема) [64,27]; *Христос примирил небо с землей, соединил человека с Богом* (центр – человек/Бог, первый план – небо/земля; второй – человек/Бог) [64,31];

2) круговая перспектива второго типа отличается тем, что взгляд наблюдающего за картиной природы (объектами того или иного пространства) постепенно поднимается от центра вверх до линии, замыкающей обзор. В этом случае наблюдатель и повествователь называет прежде всего центр, а затем расширяет обзор до его границы: *О человек! Ты пал, ты пал, но если можно сказать, не вниз, а вверх, ибо ты пал в глубину Божественной любви* (центр – человек, второй план – падение *вверх*; третий – *Божественная любовь*); *...и для нас нет большей славы, как побеждать собственные страсти, владычествовать над желаниями своего сердца, созидать мир и братство среди людей* (центр – внутренняя борьба со страстями, второй план – контроль над желаниями; третий – созидание мира и братства) [64,34].

Перекрёстная перспектива.

Перекрёстная перспектива, используемая художниками слова, содержит в описании указание на все или на отдельные стороны света, на географические или геометрические параметры: на севере – на юге – на востоке – на западе; направо – налево, впереди – сзади, с одной стороны – с другой, за ним – передо мной и др: *В Рождественскую ночь вся земля приветствовала Богомладенца...*(пространство обозначено с четырёх сторон света – вся земля) [64,31]; *Далеко ли находился Вифлеем от Иерусалима? Ведь мудрецы пришли из далекой Аравии* (Иерусалим расположен к северу от Вифлеема, Аравия – к юго-западу от Иудеи. В Священном Писании эта область Западной Азии именуется как «земля восточная») [64,38]; *Господи, сохрани мир Твой в мире, даруй благостояние святых Божиих Церквей и спаси всех людей, населяющих землю* [64,55].

Перекры́стная перспектива в составе хронотопа соединяет пространство и время: *Господь воистину со всеми нами во все времена [64,18]; Христос тогда пришел в мир и для мира, Христос и ныне идет навстречу миру через века и пространства...[64,27].*

Секторная перспектива.

В процессе описания горизонтальной или горизонтально-вертикальной перспективы автор, исходя из своей установки, особое внимание обращает не на всё, а лишь на часть пространства. Он намеренно выделяет лишь тот фрагмент, сектор, где происходит событие, а также видимое говорящему или наблюдателю пространство: *Он открыва́ется нам Таким, Каким человек Его не мог ни помыслить, ни выдумать* (изображаемый сектор пространства (внутренний мир человека) – *мыслительная деятельность*); ... *Он требует отречься от себя, умереть для своего эгоизма, себялюбия и страстей...* (описываемое внутреннее пространство – *черты характера, сердечное расположение человека*); *Пусть всегда будет в наших сердцах и в нашем уме это высокое Божественное Откровение о сущности Божией...* (сектор пространства – *сердце и ум человека*) [64,21]; ... *в радости Рождества принимал участие не только невидимый мир, но и видимый, сама природа. <...> Каждое растение <...> приносило Господу в вертеп с поклоном свои дары...* (выделенный сектор земного пространства – *растительный мир*) [64,31].

Замкнутое горизонтальное (горизонтально-вертикальное) пространство

Замкнутое пространство в процессе описания представляет собой общий абрис всего изнутри изображаемого объекта. Любое замкнутое пространство обладает центром, где чаще всего находится наблюдатель или персонаж произведения. Из центра обычно ведется наблюдение за «окружением», которое заполняют люди и «вещный мир». Изображаемое замкнутое пространство – внутренний мир человека: *Пусть всегда душа наша будет*

вместилищем воплотившегося ради нас Бога, а сердце наше – престолом, на котором да царствует во веки Христос! [64,24] (душа и сердце обозначены как элементы пространства внутреннего мира человека).

Замкнутое пространство бывает объективным и субъективным и описывается в системе круговой, перекрёстной, секторной перспектив с обозначением центра пространства и источника света, с использованием безглагольных синтаксических структур: номинативных и эллиптических предложений.

Субъективное (концептуальное) пространство.

Концептуальный мир говорящего связан с его чувственным, образным представлением об определенной ситуации, нередко неадекватным объективной действительности. Однако это – реальный мир, обусловленный эгоцентричностью, субъективностью изображаемого.

Сигналом перехода к субъективному описанию художественного пространства является введение в центр повествования личного местоимения 1 лица (в любой форме числа и падежа), а также притяжательного местоимения мой, наш. *Христос основал на земле Церковь. Через богоустановленные Таинства Церкви Христос делает нас чадами Божиими, врачует наши человеческие недуги, делает нас из слабых сильными, из немощных многомоцными, из грешных праведными, из злых добрыми, из темных светлыми и ангелоподобными* [64,42]. *Их путь – это путь всего человечества, путь, которым люди идут к Богу, преодолевая многие трудности и препятствия.*

Живя в этом мире, все мы, братья и сестры, в какой-то мере и степени подобны или тем жителям, которые не открыли своих дверей для Пресвятой Девы и Иосифа, или пастухам вифлеемским, или волхвам, идущим на поклонение[64,47].

Субъективное представление описываемых картин обычно характеризует тезаурус говорящего, который в своём рассказе, в зависимости от воспитания,

уровня образованности, образа жизни, может использовать высокую лексику: книжную, поэтическую, церковнославянскую, может цитировать литературные источники, вводить большое количество оценочных слов, тропов и т.д.

Рисуя субъективное отношение к изображаемой картине, проповедник часто вводит сенсорную, эмоциональную оценку.

В произведениях слова объективное и субъективное пространства могут быть представлены как внешний и внутренний мир человека. Оба мира могут быть показаны в состоянии конфликта или в гармонии. Такой переход от описания внешнего пространства к внутреннему миру говорящего называют *«интериоризацией»* [230,243]. *Одним посылаются страдания, через которые Христос стучится в сердце и душу, желая пробудить их от греховного сна*[64,50]. *Принесли Ему, кроме даров – злата, смирны и ливана, свои сердца, свою чистую открытую душу* [64,61].

Субъективное пространство, внутренний мир героя может быть наполнен воспоминаниями, мечтами, видениями, связанными с «вещным миром», с вещественными объектами.

Изображаемое пространство, по установке автора, может быть представлено как объективное, т.е. описанное от 3-го лица в виде различного типа перспектив, панорам и их комплексов, так и субъективное, т.е. говорящий от 1-го лица может создавать эмоциональные картины внешнего мира, своего окружения, затем переходить к описанию своих устремлений, к своему внутреннему миру. В своих мечтах герой может, в свою очередь, вернуться к прошлому, забытым местам, перейти из внутреннего мира во внешний (приём *«экстериоризации»*). *Божия Матерь Своими добродетелями уподобляется драгоценному многогранному камню* [64,64]. *Станем мысленно у пещеры, где некогда родился Христос, и поклонимся Ему вместе с чистосердечными пастухами, мудрыми волхвами, праведным*

Иосифом Обручником, вместе с Пречистой Девой Богородицею, с Ангелами и со всей спасенной тварью [64,21].

Проведённый анализ текстовой категории изображаемое пространство текста проповеди позволил выделить следующие особенности текста Рождественской проповеди.

Прежде всего, следует отметить реальность всего изображаемого пространства, которое структурируется в трёхкомпонентную модель: *земное* пространство, или видимый мир, внешний; *неземное*, или трансцендентное, невидимый внешний мир, и *внутренний мир* человека. Причем последний компонент представляет большую часть изображаемого пространства текста.

Объектами видимого, земного пространства являются люди (пастухи, волхвы, царский двор, Святое Семейство, пророки, апостолы), города (Вифлеем, Иерусалим), страны (Аравия, Иудея), небесные светила (звезды), животный и растительный мир (стада скота, деревья), неживая природа (золото, смирна, ливан). Описание данного пространства преимущественно объективно, т.е. ведется от 3-го лица. При этом автор использует приём горизонтальной линейной, секторной и перекрёстной перспектив. Панорамное, круговое, вертикально ориентированное описание земного мира не встречается. Также отсутствует описание замкнутого пространства.

Невидимый, внешний или неземной мир представлен такими объектами данного пространства как Бог (Троица), Ангел (светлый и падший), Богородица, Церковь – как собрание верующих и отошедших в мир иной. Объекты, находящиеся в рамках невидимого мира, представлены лишь с использованием приёма описания замкнутого горизонтально-вертикального пространства. Развитие событий, в которых принимают участие объекты данного мира и которое изображается в вертикальной линейной перспективе, имеет место только в случае экстериоризации. Данное положение главным образом относится ко второй ипостаси Троицы – Христу. Описание, как правило, объективное.

Третий, и наиболее представленный элемент изображаемого пространства текста Рождественской проповеди, – внутренний мир человека. От шестидесяти до восьмидесяти процентов текстового пространства отводится автором для описания данного мира. Основные приёмы субъективного описания – круговая и секторная перспективы.

Все пространство представляется трехкомпонентным – «земное», «неземное» и «внутренний мир человека». Центром, как правило, является человек, его душа, сердце, ум, и Бог, Иисус Христос. Характерной структурной особенностью данной перспективы является смещение центра Бог – внутренний человек в разрезе Зачин – Развертка - Концовка. Так, если в Зачине в центре описания внутреннего мира человека в большинстве случаев является Бог, а не человек; в Развертке наблюдается практически тождественное центральное положение как Бога, так и человека, то в Концовке центром описания является исключительно внутренний мир человека. Объектами изображения внутреннего мира человека являются Божественная любовь, его милость, забота и попечение о каждом, человеческие чувства вины, скорби, радости, ликования, движения ума и сердца, душевная расположенность.

Необходимо упомянуть также о наличии синтаксических конструкций, представляющих описание всех трёх пространств воедино; *Мир знал о Боге* [64,42], *Христос всегда посреди нас – и мистически и реально. Он с нами в таинстве святой Евхаристии, в молитве и труде, в храме и на всех путях жизни: «Я с вами во все дни до скончания века» (Мф.28,20)* [64,24] а также частое использование приёмов ин- и экстерииоризации, т.е. переход объектов одного пространства в другое, как правило, мир неземной – внутренний мир человека и наоборот.

Изображаемое в проповеди на Рождество Христово художественное пространство представлено двумя уровнями: внутреннее пространство и внешнее. Первый компонент не что иное, как внутренний мир человека;

внешнее пространство, в свою очередь, делится на земной мир (окружающее пространство, воспринимаемое органами чувств) и неземной (мир Бога и ангелов).

Данная категория реализуется с помощью круговой перспективы, а также перекрёстной, секторной.

2.2.1.5. Категория Оценки.

Категория Оценки является важным текстообразующим компонентом.

1. Оценка – это непосредственная или опосредованная реакция говорящего (субъекта) на наблюдаемые, воображаемые, воспринимаемые органами его чувств действия, признаки, признаки признаков реальных объектов, объектов внутреннего и внешнего мира говорящего [230,267]. Оценка как семантическое понятие подразумевает ценностный аспект значения языковых выражений, который может интерпретироваться как «А (субъект оценки) считает, что Б (объект оценки) хороший/плохой» [67,6].

Вопросы ценности и ценностных ориентаций исследовались главным образом в логике, где под оценкой обычно понимают суждение о ценностях. Проблема того, как понимать ценность, является предметом аксиологии, философского учения о природе ценностей, их месте в реальности и о структуре ценностного мира, то есть о связи различных ценностей между собой, с социальными и культурными факторами и структурой личности.

Поскольку высказывание есть всегда результат речевой деятельности субъекта, то оно уже изначально детерминировано как субъективный акт по форме и содержанию. Субъективность речевого высказывания определяется и тем существенным обстоятельством, что в нем заложено содержание, формируемое индивидуумом, которое построено абсолютно независимо от познавательного акта субъекта. Познавательный акт как фрагмент мыслительной деятельности человека по своей природе уже содержит так называемый оценочный момент, который и есть не что иное, как

произведенная субъектом мыслительная операция над предметом высказывания (понимание, обобщение, заключение, оценка), что представляет собой “оценку” в самом широком её понимании. Оценка содержится, таким образом, повсюду, где происходит какое бы то ни было соприкосновение субъекта познания с объективным миром и вербальное выражение этого соприкосновения. Если признать, что всякое сообщение, облекаемое в языковую форму, является одноактным образованием как по времени порождения, так и по существу внутреннего строения, то оно всегда будет представлять собой синтез рационального (смыслового) и чувственного (эмоционального, оценочного).

Оценка социально обусловлена. Её интерпретация адресатом зависит от норм, принятых в том или ином обществе. В рассматриваемом случае мы опираемся на нормы и традиции христианского общества византийского обряда. Анализ значений оценочных слов свидетельствует о том, что для адресата важно не столько понимание значения слов оценки, сколько её интерпретация. Важна та добавочная информация, с помощью которой адресат пытается истолковать оценку. Данная информация основывается, прежде всего, на жизненном опыте адресата, который сугубо индивидуален. Адресатная разнородность явно проявляется в таком строго институциональном дискурсе как ритуальный. Несмотря на то, что подавляющее большинство церковного прихода на сегодняшний день представляют люди предпенсионного и пенсионного возраста, в основном женщины, во время больших церковных праздников, таких как Рождество или Пасха, в храме можно встретить и стар и млад, людей, постоянно живущих литургической жизнью, и «номинальных верующих». Социальный срез позволяет говорить как о прихожанах рабочих профессий, так и о представителях интеллигенции. Это обстоятельство налагает особую ответственность на говорящего, чьими взглядами, целями, намерениями обусловлена оценка, интерпретация которой лежит в определенных строго

соблюдаемых рамках, поскольку только в них и только по отношению к ним оценочное высказывание может рассматриваться как истинное или ложное. Следовательно, при изучении данной текстовой категории необходимо обратить особое внимание на религиозную коннотацию языковой единицы.

Существует несколько классификаций типов оценки. К наиболее известным относятся выделения типов объективных и субъективных оценок. Субъективная оценка включает в себя **рациональную, аксиологические общеоценочные** и **частнооценочные** типы (по классификации Н.Д. Арутюновой, Е.М. Вольф). Общеоценочные слова содержат операторы (маркеры) – «хороший – плохой», и на их основе формируют градуальные синонимические ряды. *Желание человека идти своим, независимым путем отделило его от Бога и подчинило воле дьявола. Плюс или минус, свет или тьма, добро или зло. Третьего не дано...* [64,18]. Общеоценочные слова, такие как *желание, путь, воля* имеют при себе в рассматриваемом примере маркеры оценки. К положительной оценке мы относим такие операторы, как *Бог, плюс, свет, добро*; к отрицательной – *дьявол, минус, тьма, зло*. Лишь некоторые из них содержат оценку изначально (*Бог, дьявол, добро, зло*), в то время как другие (*плюс, минус, свет, тьма*) получают такое свойство лишь благодаря контексту. Необходимо отметить то, что аксиологическая интерпретация религиозного дискурса невозможна без учета контекстуального фактора. Только с позиции религиозного мировоззрения можно рассмотреть то, что скрыто от атеистического взгляда.

К частнооценочным относятся слова, выражающие следующие оценки: эмоциональную, эстетическую, этическую.

Эмоциональная оценка. Слова положительной и отрицательной оценки чаще всего составляют антонимические пары.

В Рождественской проповеди представлен целый ряд чувств и эмоций говорящего:

Изумление: *Прежде всего – чувство изумления. Бог и Господь приходит на землю, чтобы стать по всему нам подобным. И как приходит!*

Благодарности: *Кроме изумления у нас рождается и чувство особой благодарности за милость и любовь Божию к нам, земным людям, к делу нашего спасения. Какое снисхождение Божие к человеку!*

Стыда и раскаяния: *Тогда избранный народ иудейский не захотел принять Христа Спасителя. Теперь народы христианские попирают основные заветы Христа о любви к Богу и людям. Попирают своими грехами и беззакониями, не внимая божественному зову и не стараясь исправиться;*

Сожаления: *У нас появляется чувство сожаления о наших недобрых делах, которые причиняют Христу боль и страдания.*

Благоговейной благодарности: *И снова чувство благоговейной благодарности к Богу, Которому слава на небе и на земле!*

Любви и уважения: *Сколько мук, горя и сколько материнской любви к Сыну и к тем, кого Он пришел спасти! Кто больше всех заботится о своих детях? Кто ради них отдает все свои силы и жизнь? Мать! И что переживает мать, когда ее ребенок погибает духовно или телесно, что переживает любящее сердце матери, когда ее ребенок на любовь отвечает грубостью или враждой?*

Эстетическая оценка. Эстетическая оценка отражает непосредственную реакцию говорящего на различные стимулы объективной действительности.

Рождественская проповедь не содержит эстетического описания природы; объекты физического мира представлены лишь как участники событий, процессов, имеющих отношение к рождению Христа.

Эстетическая оценка характеризует все прекрасное; в рождественской проповеди говорящий восторгается красотой божественного промысла, красотой отношения неба к земле, Бога к человеку, ...у нас рождается и чувство особой благодарности за милость и любовь Божию к нам, земным людям, к делу нашего спасения. Какое снисхождение Божие к человеку! Бог

приходит в мир, как человек, живет с людьми, учит нас нашим языком, дает нам понятие истинной веры, любви, правды, творит дела милосердия и помощи., и в то же самое время удручается отталкивающим, некрасивым отношением человека к Богу, к тому, что делается ради людей: ...полагается (младенец) в убогих яслях, потому что не было для Него иного места!..., Сколько Божих благодеяний, к которым мы привыкли, перестали их замечать и должным образом ценить!, Тогда избранный народ иудейский не захотел принять Христа Спасителя. Теперь народы христианские попирают основные заветы Христа о любви к Богу и людям. Попирают своими грехами и беззакониями, не внимая божественному зову и не стараясь исправиться. У нас появляется чувство сожаления о наших недобрых делах, которые причиняют Христу боль и страдания., Христос рождается в пещере для скота. И почти сразу гонение – Ирод хочет убить Младенца, и Святое Семейство бежит в Египет.

Этическая оценка. Наиболее представленный тип оценки в Рождественской проповеди. Этические оценки оформляются при помощи различных средств всех уровней языка. Они оценивают с позиции говорящего и адресата речи поведение участников рождественских событий: *В священные дни; храм Божий; дает нам понятие истинной веры, любви, правды, творит дела милосердия и помощи; учит нас вере, любви, правде; через Свою святую Церковь, через Своих священнослужителей; творит дела милосердия и помощи; народы христианские попирают основные заветы Христа о любви к Богу и людям; пришел не праведников, а грешников спасти; великая, беспредельная честь и слава быть Матерью Бога; слышит клевету на Сына – Его хотят схватить, убить. Один из ближайших учеников Его предал, другие разбежались; Сколько мук, горя и сколько материнской любви к Сыну и к тем, кого Он пришел спасти!*

Несмотря на то, что оценка выражает личные мнения и вкусы говорящего, а в нашем случае проповедника, она отлична от оценки, вытекающей из

долга, от оценки, порожденной желанием, и от оценки, вызванной нуждой. Следует отметить одну особенность данной категории – её институциональность, обусловленную жанром проповеди. Воздействие, которое оказывает оценочное высказывание на адресата речи, преследует определенную цель, а именно: катехизаторско-догматическую – уяснение смысла и значения случившегося события Священной истории (обусловлено видом проповеди), и нравственную – побуждение слушателей к изменению своей жизни, стремлению жить по заповедям (неотъемлемый элемент каждой проповеди). Вот то оценочное поле, в рамках которого проповедник проявляет свою индивидуальность.

Следующей особенностью данной категории является то, что оценочное воздействие направлено не только на адресата речи, но и на ее субъект. Проповедующий отождествляет себя с адресатом речи (на это указывает наличие местоимений 1 лица, множественного числа и отсутствие местоимения Я), оценочное высказывание для него так же актуально и значимо, как и для слушающих.

Категория оценки любого текста, в том числе и проповеди, формируется на фоне нейтральной лексики, оформляться данная категория может по-разному. Оценка как ценностный аспект значения присутствует в самых разных языковых выражениях. Она может быть ограничена элементами, меньшими, чем слово, а может характеризовать и группу слов, и целое высказывание. При этом могут быть использованы единицы всех уровней языка:

лексико-семантического (*благодать, чувство изумления, милость, стыд, раскаяние, страдания, смерть, тревоги, горести, скорбь*);

фразеологического (*крестные страдания, крестный путь, идти на Голгофу, материнская любовь, любящее сердце матери, нести свой крест*);

морфологического (место присутствия *Божия*, в святых Христовых *Таинах*, сколько *Божших* благодеяний, *убиенных, дабы* – архаические формы);

словообразовательного (*благодетений, благоговейной* - сложное слово с калькированным компонентом благо, обладающим положительной оценкой, *недобрых* – отрицательная частица не, *Боговоплощения* – сложное слово с компонентом Бог, что само по себе положительно, *преблагословенная* – сложное слово с префиксом пре- со значением преобладания).

Слова, обозначающие оценку, могут принадлежать любой части речи. Прежде всего, следует выделить предметные слова Рождественской проповеди, обозначенные как одиночными **существительными**, так и входящими в состав **словосочетаний**: *праздник, картина Рождества, спасение, благодать, воплощение, пришествие, чувство изумления, смирение, терпение;*

именем прилагательным: *священные дни, Божественная благодать, в убогих яслях, особой благодарности, великой тайне, святое семейство, крестных страданиях, преблагословенную и пречистую мать, ближайших учеников;*

причастием: *избранный народ, родившийся, просвещающий, воплотившегося;*

деепричастием: *попирают..., не внимая..., и не стараясь; воздавая..., мы почитаем; прославляя...; постигая божественную мудрость, освещая светом Евангелия;*

местоимением: *для Него, какое снисхождение...!, через Свое, о Той, Которая, сколько мук, Сын Ее* (все местоимения, относящиеся к Троице и Богородице, оценочны, при этом они выделяются на письме орфографически – написанием с прописной буквы);

именем числительным: *первых мучеников;*

глаголом: *приходит, творит, хотят схватить, убить, почитаем, погибает, переживает, побеждать;*

наречием: *непрестанно* воплощается, *погибает духовно или телесно, нести мужественно;*

Оценочным значением могут обладать и **предложения**: *И как приходит! Какое снисхождение Божие к человеку!*

Синтаксическое оформление оценки широко представлено вопросительными и восклицательными предложениями проповеди, риторическими вопросами, вопросно-ответными единствами: *Через Деву Марию, как Человек, как Младенец, полагается в убогих яслях, потому что не было для Него иного места!... Разве теперь не живет с нами и в нас Господь, особенно в Церкви, особенно в святых Христовых Таинах? Сколько примеров этому вокруг нас! Сколько Божих благодеяний, к которым мы привыкли, перестали их замечать и должным образом ценить! И снова чувство благоговейной благодарности к Богу, Которому слава на небе и на земле!*

Категория Оценки Рождественской проповеди, пожалуй, самая сложная в изучении. Ее характерной чертой является то, что аксиологическая характеристика текста напрямую зависит от контекста. Так, в проповеди достаточно большой пласт общеоценочных языковых знаков приобретает оценку лишь в религиозном контексте: *отец, сын, ясли, младенец и другие*. Любой контекст, в том числе и религиозный, ориентирован на главную коммуникативную цель произведения. Относительно Рождественской проповеди необходимо отметить следующее: отличительной чертой проповеди как жанра религиозного дискурса является ее сотериологичность, то есть ориентированность на личное спасение адресата. Смысл христианства как религии, его цель – исцелить поврежденную грехом природу человека и через спасение восстановить его Богообщение в первоначальном виде. Другими словами, для того, чтобы вернуть первоначальное богоподобие, необходимо спастись. Поэтому все, что ведет к спасению, способствует ему, приближает его - все это будет иметь в глазах христианина высшую положительную, сотериологическую оценку. И наоборот, все, что отдаляет от Бога, делает борьбу с грехом менее результативной, – крайне осуждаемо и несет

негативную оценку. Все подгруппы категории Оценка (этическая, эстетическая и другие) определяются данной. Мы предлагаем определить ее как *религиозную оценку*, в частности *сотериологическую*, как один из видов оценки для христианской культуры.

Проповедь на Рождество Христово раскрывает природу Божьего замысла спасти потомков Адама от вечной гибели. Воплощение Бога, пришествие на землю Иисуса Христа для верующего не что иное, но тайна, «*постигаемая и непостижимая*». Все, что связано с земным пребыванием Христа, является предметом святости и благоговейного почитания. Именно с точки зрения *сотериологической* ценности можно рассматривать аксиологичность топонима *Вифлеем* (место воплощения самого Бога), лексем *мать* (речь идет о Богородице), *отец* (Бог Отец), *сын* (Иисус Христос), прилагательного в превосходной степени *ближайших* учеников (тех последователей, кто непосредственно находился с Христом, кто сохранил и передал его учение остальному миру), числительного *первых* мучеников (мученическая кончина, по примеру самого Христа, приравнивается к подвигу, к жертве во имя Христа. Дни памяти святых – это даты их земной смерти), глагола *приходит* (сам Бог, а не ангел, пророк приходит ради спасения человека).

Категория оценки представлена на всех уровнях языка как рациональным видом, так и аксиологическим; при этом религиозная оценка является определяющим видом, манифестируясь контекстуально.

Выводы ко второму разделу

Проведенный анализ языковых особенностей проповеди на Рождество Христово позволяет сделать следующие выводы:

1. Собственно вербальный уровень Рождественской проповеди характеризуется рядом особенностей на всех уровнях языка.

Прежде всего следует отметить устную форму ее реализации, что присуще публицистическому стилю. Интонационный рисунок проповеди реализуется преимущественно с помощью интонационных конструкций ИК-6 (восходящего тона) и ИК-2 (занимающей нейтральное положение, которая может выступать в функции как восходящего, так и нисходящего тона).

Наличие старославянизмов – неотъемлемая черта любой проповеди, Рождественской в частности. В качестве гипотезы рассматривается реминесценция лексем *рождение (раждается) – радость*.

Лексика проповеди на Рождество Христово представлена книжным пластом литературного языка с обильным включением старославянизмов, которые, в свою очередь, образуют различные тематические группы. Наряду с заимствованиями из старославянского языка следует отметить в составе лексики грецизмы и гебраизмы.

На уровне словообразования нельзя не отметить преобладание префиксального способа образования лексем по сравнению с остальными. Среди моделей словообразования следует обратить внимание на словосложение (по преимуществу калькирование с греческого языка).

К морфологическим особенностям Рождественской проповеди относится архаичное употребление словоформ разных частей речи. Частотность употребления формы родительного падежа составляет 24,8 %. Данный показатель занимает промежуточное положение между соответствующими характеристиками художественной речи (13 %) и публицистической (36 %), что позволяет говорить о выраженных чертах публицистического стиля с элементами художественного.

На уровне словосочетания синтаксис Рождественской проповеди характеризуется преобладанием субстантивных словосочетаний. Актуальное членение предложения отличается тематической постпозицией.

2. Структурно проповедь на Рождество Христово укладывается в схему Сверхфразового единства. Четко определяются Зачин (приветствие), Разветртка (собственно изложение) и Концовка (нравственное приложение).

3. Анализ проповеди на уровне текста позволил выделить и описать текстовые категории. В проповеди представлены все текстовые категории: участники коммуникативной ситуации, события-процессы-факты, время, пространство, оценка.

Категория участники коммуникативной ситуации представлена в Рождественской проповеди достаточно широко. Помимо основных участников коммуникативной ситуации (Бог, священник, приход), мы отмечаем участников главного события – Рождества (святые, объекты природы, представители потустороннего мира).

Данная категория характеризуется строгим построением на основе коннекторных рядов с процессными и событийными предикатами. Первая группа передикатов описывает состояния, переживаемые участниками коммуникативной ституации как следствие тех или иных процессов. Как правило, речь идет о внутреннем состоянии человека, вновь переживающего праздник Рождества Христа.

Во вторую группу входят предикаты, раскрывающие смысл главного события – рождение Бога. При этом следует отметить, что данное событие принадлежит двум временным планам – прошлому (происходило ежегодно начиная с даты рождения) и настоящему (происходит здесь и сейчас в храме и постоянно в сердцах верующих);

Категория Времени Рождественской проповеди представлена двумя моделями: временная модель пути человека и модель потока времени, которые выражаются объективным художественным временем.

Художественное время проповеди состоит из реального объективного и циклического.

Объективное время отличается развёртываемостью из прошедшего (событие Рождества – 2000 лет назад) – в настоящее (в сегодняшнюю ночь) и даже в будущее (и впредь до скончания века). Данный вид оформляется главным образом личной и безличной формой глаголов настоящего и будущего времени 3-го лица единственного и множественного числа, а также формой прошедшего времени любого рода и числа.

Использование циклической модели времени обусловлено проспективным развитием временного сюжета.

Изображаемое в проповеди на Рождество Христово художественное пространство представлено двумя уровнями: внутреннее пространство и внешнее. Первый компонент не что иное, как внутренний мир человека; внешнее пространство, в свою очередь, делится на земной мир (окружающее пространство, воспринимаемое органами чувств) и неземной (мир Бога и ангелов).

Данная категория реализуется с помощью круговой перспективы, перекрёстной, секторной;

Категория Оценки Рождественской проповеди, пожалуй, самая сложная в изучении. Ее характерной чертой является то, что аксиологическая характеристика текста напрямую зависит от контекста. Так, в проповеди достаточно большой пласт общеоценочных языковых знаков приобретает оценку лишь в религиозном контексте. Это позволяет ввести новую подкатегорию аксиологической оценки – религиозную, объясняющую контекстуальный фактор аксиологичности языковых знаков.

Раздел III Паралингвистическое оформление проповеди

Паралингвистика как языковедческая дисциплина получила свое основное развитие в начале 60-х годов прошлого столетия, однако эта наука продолжает развиваться и в наши дни.

Под термином Паралингвистика, появившимся в 40-х годах, понимают:

1) раздел языкознания, изучающий невербальные (неязыковые) средства, включенные в речевое сообщение и передающие, вместе с вербальными средствами, смысловую информацию;

совокупность невербальных средств, участвующих в речевой коммуникации [195,367].

Г.В. Колшанский считает, что правильнее было бы вообще различать два понятия: “паралингвистика” и “параязык”; первое – как наука о несобственно языковых средствах, второе – как совокупность самих средств, участвующих в языковой коммуникации [164,9], однако в литературе в настоящее время бытует только термин “паралингвистика” с двумя значениями.

Изучение процессов вербальной передачи информации всегда должно опираться как на языковые, так и на неязыковые факторы, поскольку процесс вербальной коммуникации происходит всегда в некоторой конкретной ситуации, содержащей множество факторов, имеющих значение для содержания самой коммуникации.

В процессе развития языка сопутствующие обстоятельства при коммуникативном процессе могут быть типизированными, и на уровне некоторого обобщения эти факторы могут быть закреплены в конкретной сфере языкового общения. Эти значащие для языковой коммуникации внешние, экстралингвистические факторы закрепили свои связи с определенным речевым типом, в результате чего образовался симбиоз интра- и экстралингвистических характеристик речевого акта.

Следовательно, несмотря на изменчивость внешних обстоятельств, существуют некоторые стереотипы ситуаций, сопровождающие тот или иной тип коммуникации и определяющие то или иное конкретное содержание акта

коммуникации. Стандартность речевых ситуаций, возникающая на основе общих закономерностей коммуникации, приводит к созданию достаточно устойчивого взаимодействия некоторых речевых образцов с паралингвистическими средствами, специфическими для каждого конкретного языка.

Если признать, что всякое сообщение содержит в себе вербальную и невербальную составляющую, то план содержания любого высказывания представляет собой единство *рационально-чувственного*, а план выражения – единство *вербально-паралингвистического*.

Следовательно, мы можем предположить, что любой текст характеризуется присущим только ему соотношением компонентов *плана содержания и выражения*.

Поскольку *паралингвистические средства* – это функциональный компонент речевой деятельности, релевантный для каждого конкретного речевого общения, то нельзя относить к паралингвистическим средствам то, что релевантно для всех актов речевого общения. Следовательно, все невербальные средства, которые легко меняют свои характеристики по воле говорящего, и будут собственно паралингвистическими средствами, или параязыком (по Г.В. Колшанскому).

Е. А. Маслыко предлагает следующую классификацию паралингвистических средств:

1. *Собственно паралингвистические средства*;
2. *Псевдопаралингвистические средства* (постоянные к речевому высказыванию);
3. *Промежуточные* (характеризующие эмоциональное состояние) [206,27].

Е.М. Верещагин выделяет два вида паралингвистических средств:

1. *Сопровождающие* речь, но не имеющие коммуникативной нагрузки;
2. *Заменяющие* речь и несущие информацию [57,46].

Чтобы прояснить ситуацию, предлагается «псевдопаралингвистические средства» (Маслыко) и «паралингвистические средства, сопровождающие речь, но не имеющие коммуникативной нагрузки» (Верещагин) именовать неактуализированные паралингвистические средства, т. е. то, что является инвариантным. То же, что меняется по воле говорящего – актуализированными паралингвистическими средствами, с помощью которых передается:

- 1) *смысловая информация,*
- 2) *выражаются эмоции,*
- 3) *смысловая и эмоциональная информация одновременно.*

Систематизация и типологизация паравербальных средств является одной из актуальных проблем современной паралингвистики несмотря на то, что бессистемность данных средств – общепризнанный факт [261,93]. Однако ученые пытаются выявить их системную и уровневую природу и вычленить единицу. В качестве такой единицы используется *кинема, кине* или *кинеморф* (Р. Бердуистел), формирующие систему, коррелируя непосредственно с речевыми единицами. По мнению Г. В. Колшанского, системность паравербальных средств возможна только в соотношении с языком на основе функциональной значимости в речи, а не материального статуса [164,32].

Проблема типологии паралингвистических средств рассматривается на основе разграничения *устного, письменного* или *печатного* характера вербальной коммуникации, что предполагает противопоставление *непосредственных* и *опосредованных* кинем: первые сопутствуют устной речи, непосредственному контакту с говорящим, вторые существуют в письменном и печатном тексте как знаковые маркеры контакта читателя с текстом.

Кинемы непосредственного взаимодействия, в свою очередь, можно подразделить на:

- а) *фонационные* (тембр, темп, пауза, тон, мелодика, высота, сила, громкость, индивидуальные особенности произношения, характер дыхания);
- б) *мануальные* (жесты);
- в) *мимические* (движения мышц лица);
- г) *пантомимические* (движения тела, головы, ног);
- д) *ситуационные* (зрительные ощущения собеседником цвета кожи, одежды, общие манеры поведения говорящего).

Последний тип кинем практически не исследован, ибо традиционная классификация кинем исчерпывается тремя компонентами: *фонацией*, *кинесикой* и *графическими средствами* в тексте [261,95]. Однако ситуационные кинемы важны в процессе устной коммуникации и нередко становятся главными факторами ее эффективности.

Функциями паравербальных средств, сопровождающих коммуникацию, являются:

- а) *информативно-изобразительная*;
- б) *эмотивная*;
- в) *экспрессивная*;
- г) *интерактивно-дейктическая*.

В плане соотношения с языковыми средствами паралингвистические нередко обуславливают *элиминирование*, *свертывание*, *замещение* языковых форм, служа средством речевой экономии. Взаимодействие вербальных и паралингвистических средств характеризуется следующей комбинаторикой:

- а) *повторением* (паравербальные средства дублируют вербальные);
- б) *контрдикцией* (противоречие данных типов);
- в) *субституцией* (замещение паравербальными средствами вербальных);
- г) *дополнением* (паравербальные модифицируют вербальные);
- д) *акцентированием* (повышением внимания с помощью паравербальных средств);

е) *редуцированием* (паравербальные средства используются для того, чтобы регулировать коммуникативный поток между индивидами)[164,83].

3.1. Паралингвистические особенности Рождественской проповеди.

Рассмотрим невербальную составляющую проповеди на макроуровне.

Результаты описания паравербальных характеристик проповеди были получены *эмпирическим* (на основе собственных наблюдений) и *теоретическим* (руководств по гомилетике) путем. Последующее описание изложено с использованием гомилетических источников с сохранением элементов стиля первоисточника. Использование тех или иных паралингвистических средств обусловлено двумя факторами: гомилетическими и социальными. Первый регламентирует, *что* приемлемо и допустимо (и что запрещено) при совершении речевого акта в зависимости от тематической и структурной соотнесенности проповеди, второй подразумевает индивидуальные особенности проповедника.

Проповедь на Рождество Христово тематически относится к учительно-просветительным проповедям. Структурно данная проповедь состоит из трех частей: обращения, изложения, в котором раскрывается тема, и нравственного приложения. Проповедь начинается действием – выходом священника на амвон, действием и завершается - возвращением проповедника в алтарь.

Выход должен быть замедленный, спокойный, достойный того великого дела, ради которого проповедник появляется на святом месте. Поступь скромная и благопристойная, может быть даже несколько робкая. Взоры опущены долу, с видом размышления, чело без морщин, лицо смиренное и благоговейное, левая рука придерживающаяся сердца, правая – спокойно опущенная, дыхание тихое без задышки и воздыхания, положение корпуса прямое. Спокойно и равномерно проповедник осеняет себя крестным знаменем перед местной иконой и, повернувшись к пастве, поклоном приветствует ее. Выдержав паузу, вновь осеняет себя крестным знаменем со

словами медленно и отдельно произносимыми «Во имя Отца и Сына, и Святого Духа».

Обращение «Приветствую вас, возлюбленные отцы, братья и сестры, с великим праздником Рождества Господа нашего Иисуса Христа!»

Приветствие произносится с использованием практически одних фонационных средств. Допускается лишь легкое и плавное движение корпуса, лицо открыто и весело, взор светлый, но не улыбающийся, охватывает все пространство храма при движении корпуса.

Изложение Следует отметить одну особенность Рождественской проповеди: после обращения проповедник, как правило, зачитывает послание патриарха, которое является своего рода проповедью, после чего проповедник предлагает собственный комментарий-разъяснение, либо читает свою проповедь, либо ограничивается одним посланием.

Изложение может состоять из отдельных элементов. В рассматриваемой проповеди мы выделяем введение в тему, раскрытие ее, то есть собственно изложение и вывод.

Введение темы заключено в Зачине (предложения 1-4), изложение – в Развертке (5-15, 17), вывод – в Концовке (16, 18-20) (см. приложение на странице 190).

Во введении использование паралингвистических средств самое умеренное с нарастающей интенсивностью. Рукам при этом отводится главная роль. Общие правила жестикуляции таковы:

- 1) жест начинается от локтя, а не с плеча; движение может быть вверх – вниз, разведение в сторону – сведение к корпусу;
- 2) пределы движения: вверх – не выше или очень редко выше глаз, вниз – до пояса; в сторону – не более пространства, определяемого длиной руки, начиная с локтя;
- 3) движение рук совместное, но правая рука движется чаще и полнее левой;

4) правая рука начинает движение с левой стороны и останавливается на правой;

5) жест должен быть естественен, плавен и свободен, жив и разнообразен.

Паралингвистический рисунок собственно изложения более разнообразен по сравнению с введением и сопоставим разнообразием средств лишь с нравственным приложением (20). Это обусловлено тем, что данный вид проповеди характеризуется актуализацией именно изложения и нравственного приложения, поэтому высказывания, заключенные в предложениях 6-15, 17,20, наиболее выразительны.

Поскольку рассматриваемое коммуникативное взаимодействие пастыря и паствы является строго *институциональным*, то индикатором соответствия речевого акта коммуникативной ситуации будет скорее *отсутствие* определенных паравербальных средств, чем их наличие в соответствии с правилами применения.

3.2.1. Фонационные паравербальные средства являются самыми обширными. Основное требование, предъявляемое к употреблению данных средств, заключается в следующем: выражение мысли голосом должно, насколько это возможно, ближе подходить к тону простой, обыкновенной разговорной речи, должно иметь качество дружеской, но благородной и одушевленной чувством беседы. Удаление от простого, обыкновенного – всегда некоторая неестественность [8,203].

1. Произношение. Произношение проповедника должно характеризоваться тремя свойствами:

- а) *ясностью*;
- б) *правильностью*;
- в) *выразительностью*.

Фактором, определяющим успешное произнесение проповеди, является *дикция*, т.е. умение ясно и правильно произносить отдельные звуки и

звукосочетания, из которых строится речь. Главное условие хорошей дикции – сообщение каждому произносимому звуку надлежащей полноты звучания. Первым врагом хорошей дикции является торопливость речи, при которой скрадываются или «проглатываются» отдельные звуки и слоги, особенно в окончаниях слов. Чтобы избавиться от скрадывания или глухого звучания слов, необходимо медленное, а иногда и чеканное произношение каждого звука или слога. Большое значение для дикции имеет также твердое и ясное произношение начального звука каждого слова.

Неясность выговора может состоять не только в скрадывании звуков, но и целых слов. Это бывает чаще всего тогда, когда в тексте встречаются длинные предложения или синтаксические периоды. Причиной скрадывания в этом случае является ослабление функций органов дыхания, утомленных длинным рядом предыдущих слов. Лучшее средство борьбы с подобным недостатком – *относительная краткость синтаксических построений*. Скрадывание же слов в середине предложений обуславливается не иначе, как торопливостью и невнимательностью говорящего.

Одной из характеристик произношения является ударение. Разграничивают три вида ударения:

а) грамматическое *«терпит, чтобы мы благодушествовали», «Через Него слава в вышних, мир на земле, благоволение в людях»;*

б) ораторское *«Каждое растение (да будет это упреком людям) приносило Господу в вертеп с поклоном свои дары.»;*

в) стихотворное *«Пророк Давид своей верой еще до пришествия в мир Христа видел Его духовными очами и устремлялся к Нему: «Как лань желает к потокам воды, так желает душа моя к Тебе, Боже! Жаждет душа моя к Богу крепкому, живому: когда приду и явлюсь пред лице Божие!» (Пс.41,2)».*

Владение первым и отчасти вторым – обязательное условие действенности проповеди.

2. Тон. Последовательное изменение тонов, или модуляция, – это искусство понижать и повышать голос в соответствии с содержанием высказывания и его эмоциональной окраской. Усиление голоса уместно, когда возрастает сила общей мысли. Если же в содержании речи наблюдается смягчение главного понятия, то голос проповедника должен ослабляться. При произнесении долгих речей, как правило, употребляется тройкая модуляция:

а) постепенное восхождение из низшего тона в высший: *«Бог видит и знает все: наши дела, наши слова, наши мысли, желания и самые сокровенные движения души и сердца»;*

б) постепенное нисхождение из высокого тона в низкий *«обличи, запрети, умоли со всяким долготерпением и учением»;*

в) движение голоса в пределах средних тонов или так называемый простой мотив *«В сегодняшнюю ночь святая Церковь вновь зовет нас перенестись мысленно в ту далекую и очень близкую вифлиемскую ночь, которая возвестила миру тайну Боговоплощения».*

Именно последний вид модуляции – характерная черта проповеди.

3. Громкость. Речь проповедника не должна быть кричащей, однако достаточно громкой. Существует правило, согласно которому громкость голоса определяется акустическими характеристиками храма. Проповедники со слабым голосом должны знать следующее: в храмах с хорошей акустикой надо произносить слова так, чтобы звуки «перелетали», по возможности, за середину храма. В больших храмах проповедник должен направлять свой голос на широкий столб или какую-либо плоскость, чтобы оттуда звук, по правилам акустики, отражался равномерно во все стороны. Не следует стоять так, чтобы произносимый звук попадал на открытые двери или окна. Если есть возможность, произнесение проповеди, по мысли св. Василия Великого, должно быть средним, чтобы «слово ни не слышно было по причине тихости, ни тягостно слуху ради сильного напряжения» [28,40].

4. Темп произнесения проповеди должен быть соразмерен темпу простой дружеской беседы. Опытные гомилеты в отношении темпа речи советуют держаться середины между медлительностью, близкой к распеву, и торопливостью, подобной беглому чтению [299,155]. Медленно говорящий утомляет слух и внимание аудитории, заставляя ожидать, пока выразится та или иная мысль; говорящий торопливо не дает возможности вникнуть в его слова, а иногда и уловить смысл сказанного, так как в этом случае количество информации, передаваемое в единицу времени, может превысить «пропускную способность» человеческой психики. Подобные погрешности произношения могут происходить как от природных способностей и темперамента, так и от привычки говорящего. Все эти недостатки должны преодолеваются трудом проповедника по совершенствованию своей речи.

Рекомендации относительно темпа речи, на которые должен ориентироваться проповедник, следующие: проповедь как вид публичного выступления должна протекать в более медленном темпе, чем речь разговорная. Желательно говорить медленно, когда проповедь произносится в большом храме: отраженное эхо может накладываться на последующие слова. Оптимальный темп речи проповедника должен составлять около 70-80 слов в минуту [305,212].

4. Пауза. Проповедующий достаточно часто пользуется данным средством. Различают *большую* и *малую* паузу. Паузы в проповеди выполняют разнообразные функции. Прежде всего, они служат обязательным элементом интонационного рисунка, подчеркивая наиболее важные моменты в выступлении и помогая сосредоточить внимание слушателей на них. Во время паузы общение со слушателями не прекращается, так как каждая пауза содержит определенный смысл, не говоря уже о внешнем облике говорящего – его позе, мимике, выражении глаз. Умело используемые паузы помогают добиться лучшего воздействия на аудиторию. Кроме этого,

паузы, облегчая дыхание, являются физиологической необходимостью говорящего.

В проповеди паузы употребляются в следующих случаях:

I. После начальных слов *«Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа»* следует не сразу обращаться к последующему тексту, а сделать довольно продолжительную паузу, так называемую большую паузу;

II. После заглавного стиха (если такой есть) *«Я возвещаю вам великую радость... ибо ныне родился вам в городе Давидовом Спаситель, Который есть Христос Господь»* и каждой части поучения также следует делать остановку для лучшего усвоения содержания проповеди (большая пауза);

III. После задаваемых слушателям вопросов, требующих внимания и размышления: - *«Что же возвещают нам в эту святую ночь Ангелы с пророками и апостолами?»* (большая пауза);

IV. Остановки должны также делаться в соответствии со знаками препинания *«Ей, / гряди, / Господи Иисусе!//»* ибо только Ты для нас Путь, / Истина и Жизнь, / только в Тебе наш мир, / радость и блаженство. // Аминь.» (малая пауза).

Относительно всех вообще остановок речи следует заметить, что они не должны быть очень продолжительными, так как слушателям может показаться, что проповедник часто забывает, о чем следует говорить, или же любит свою речь.

К фонационным **недостаткам** паралингвистических средств относят:

1. *Монотонное сказывание;*
2. *Исотонию – равнозвучие или распев;*
3. *Медлительность;*
4. *Беглость и торопливость;*
5. *Излишнюю напряженность голоса;*
6. *Вялость и грубость произношения;*

7. *Нелитературное произношение.*

3.2.2. *Мануальные паралингвистические средства.*

Благодаря внешним действиям осуществляется психологическая связь пастыря со слушателями. Вопрос о поведении пастыря на амвоне был весьма актуален во все времена: в древности существовал соблазн подражания приемам языческих ораторов, в средние века – эмоциональности западных проповедников. В связи с этим данная тема весьма подробно рассматривалась во многих отечественных гомилетических руководствах. В основном это не положительные установки, а правила запретительного характера. Так, в «Духовном регламенте» говорится: «Не надобно проповеднику шататься вельми, будто в судне веслом гребет. Не надобно руками всплескивать, в боки упираться, подскакивать, смеяться и рыдать; но хотя бы и возмущился дух, надо унимать слезы» [121,69].

Нельзя предписывать проповеднику, какими должны быть выражение его лица и глаз, движение тела и рук; подобные предписания приведут к искусственности действий проповедника, что на амвоне недопустимо. Весь его внешний облик, все действия и движения должны сообразоваться с внутренней силой духа, быть естественным отражением мыслей и чувств. Проповедник должен приучать себя к разумной умеренности и сдержанности на амвоне, избегать неприличных положений тела, знать границы естественных проявлений своих чувств. Общее правило для проповедников относительно внешнего поведения – избегать крайностей: нехорошо, когда его внешность безучастна к содержанию собственной речи, но еще хуже, когда на амвоне допускается недопустимая вольность.

Основные правила:

1. Жест должен быть естественен, плавен и свободен, жив и разнообразен;

2. Лучше жестикулировать мало, но правильно, нежели много, но неумело; целесообразнее совсем не пользоваться мануальными паралингвистическими средствами, чем показать неумение в их применении.

Необходимо отметить **ограничения** в сфере жестикуляции:

а) *не аплодировать*; б) *не стучать по кафедре*; в) *не перебирать пальцами*; г) *не растопыривать их*; д) *не ставить ладони прямо в лицо слушателям*; е) *не сжимать руки в кулаки*; ж) *не грозить кулаком*; з) *не теревить облачение*; и) *руками не размахивать*; к) *не опираться* [121,74].

3.2.3. Мимические паравербальные средства.

Лицо должно быть свежим и чистым. «Пусть лицо проповедника имеет вид непринужденный, естественный и добродушный, - отмечает Я. Амфитеатров, - имеет вид ясный, открытый, даже несколько веселый. Вид грустный и унылый пристоеен только в особых случаях; и то с мужеством. Вид слишком униженный весьма неприличен тому, кто возвещает истины спасения от имени Божия и Святой Православной Церкви. Лицо суровое и грозящее – и это непристойно. Не достоин проповедника и вид улыбающийся или плачевный; ибо эти виды приличны комедиантам. Пусть лицо пребывает спокойно и безмятежно; щеки не трясутся, не дрожат губы, не ходит подбородок, пусть во всех чертах выражается скромность, соединенная с священной важностью и степенностью.» [8, 299].

Лоб без нужды не морщить, не хмуриться. Глаза проповедника не должны быть ни закрыты, ни полуоткрыты в то время, когда он говорит.

1. *Глаза не должны бродить нескромно кругом или пристально устремляться на какой-нибудь предмет либо на прихожанина;*

2. *Глаза не должны бегать, не поворачиваться гневно и дико, сурово и грозно, плутовски или слишком комически, умильно и сладострастно. Постоянное их выражение – благоговение и мужественная скромность;*

5. *Глаза не должны быть выпученными, не глядеть исподлобья;*

6. Глаза должны сопровождать движения рук(и), если рука задействована;

7. Нет нужды часто потирать глаза, ни обращать взгляд на самого себя, на свое облачение, руку, платок, под ноги и т. п [Там же,234].

3.2.4. Пантомимические паралингвистические средства.

1. Положение головы должно быть прямое. Волосы должны быть расположены благопристойно, но просто, без модных причесок.

Убранство шеи и груди – приличное, но без всякого щегольства и без стремления нравиться.

Необходимо

- *Держать голову прямо и учтиво обращенную к слушателям;*
- *Не поднимать ее высоко и не закидывать назад;*
- *Не свешивать ее, не держать долго опущенную к груди;*
- *Не кивать, не трясти головой, не вертеть из стороны в сторону, не держать ее небрежно далее своего стана.*

2 Положение тела

- *Держать стан в прямом, естественном и свободном положении;*
- *Не склоняться к тетради, не заламываться назад и не выдвигать грудь слишком вперед;*
- *Не ложиться на кафедру;*
- *Движения корпусом должны быть скромные, тихие и благопристойные, без суеты, не падая, не вихляясь, не делая мгновенных поворотов быстрых и вертящихся [50,24].*

3.2.5. Ситуационные паралингвистические средства.

Если признать паралингвистику как сложную невербальную семиотическую систему, то ситуационные паралингвистические средства можно выделить в следующие категории.

1. *Визуальные;*
2. *Акустические;*
3. *Обонятельные;*
4. *Тактильные;*
5. *Вкусовые.*

Каждая категория имеет две составляющие: *естественные* ситуационные средства (природные, нерукотворные) и *искусственные* (созданные или воспроизводимые человеком).

1. К *визуальным* ситуационным паралингвистическим средствам Рождественской проповеди относятся:

- а) *естественные* – природный свет (отсутствие дневного).

Свет в православном храме является прежде всего образом небесного, Божественного света. В особенности он знаменует собою Христа как Свет миру (Ин.8,12), Свет от Света (Символ веры), Свет истинный, Который просвещает всякого человека, грядущего в мир (Ин. 1,9). Этот особый, невещественный, несозданный Троический свет, отличный по существу этого Божественного света от внешнего, природного, вещественного.

Древние византийско-русские храмы имели очень узкие окна, создававшие полумрак либо сумрак в храме даже в самый яркий день. Но это не тьма, не полное отсутствие света. Это означает земную человеческую жизнь, погруженную в сумрак греха и неведения, в котором однако светит свет веры, свет Божий: «Свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин.1,5). Сумрак в храме является образом того мысленного духовного сумрака, покрова, которым вообще окружены тайны Божии. Небольшие узкие окна и двери храмов, символизирующие источники света Божественного, создают в храмах такую обстановку, которая в точности соответствует приведенным словам Евангелия и правильно отображает природу вещей в духовной области жизни. Внешний свет допускается внутрь храма лишь как образ света невещественного, и в очень ограниченном количестве. Этим определяется

характер внутреннего освещения храма; оно никогда не назначалось для иллюминации помещения храма в обыденном смысле, то есть для того, чтобы было светло;

б) *искусственные*:

- *храм: его убранство* (росписи, утварь, богослужебные предметы);
- *священнослужители* (возраст, облачения, функции);
- *миряне*.

Внутреннее убранство храма характеризуется прежде всего иконографией. Большая часть икон расположена в иконостасе, разделяющем собственно храм и алтарь. Помимо этого, иконы расположены по всему пространству храма, как и настенные росписи.

В центральной части храма из купола книзу ниспускается большой светильник с множеством огней, зажигаемый в положенных случаях, – паникадило или паникандило, имеющий более двенадцати светильников. Светильники храма всегда имели духовно-символическое значение. Подсвечники всех видов, помимо практического значения, символизируют ту духовную высоту, благодаря которой свет веры светит всем в доме, всему миру.

Символический характер света в церкви свидетельствуется также устройством и составом горящих свечей и лампад. С древних времен в храмах во время богослужений используют воск и елей. Горение в церковных светильниках воска и елея призвано обозначать Божественный свет, отличный от того света, которым пользуются для простого освещения в миру, ибо Церковь – это Царство не от мира сего (Ин.17, 14, 16; 18, 36).

Свечи, которые верующие покупают в храме, чтобы поставить в подсвечники возле икон, также имеют несколько духовных значений: поскольку свеча покупается, она есть знак добровольной жертвы человека Богу и храму Его, выражение готовности человека к послушанию Богу (мягкость воска), его стремление к обожению, превращению в новую тварь

(горение свечи). Свеча является также свидетельством веры, причастности человека к Божественному свету. Свеча выражает теплоту и пламень любви человека к Господу, Матери Божией, ангелу или святому, у ликов которых верующий ставит свою свечу.

Как правило, на Рождество по обе стороны Царских врат, на солее, устанавливают празднично украшенные ели. Согласно апокрифу, все растения принесли свои дары Богомладенцу. Оставалась не у дел только ель, у которой нет ни плодов, ни листьев. И скорбела она, оттесненная в сторону другими деревьями. Тогда Сам Младенец Христос обратил на нее внимание и спросил, почему она не подходит. И ель ответила: «Мне нечего подарить Тебе: ни листьев, ни цветов, ни плодов у меня нет», Божественный Младенец протянул Свои ручки и сказал: «За то, что ты так скромна и сердечна, будешь весь свой век зеленой, а вместо плодов Я украсу тебя вечно горящими звездами». Прикоснулся Спаситель к ели, и стало так! Вот почему с давних времен люди начали ставить в Рождественские дни ели, украшая их свечами и игрушками [64,33].

Облачение духовенства

Богослужебные одеяния духовенства имеют общее название – ризы – и разделяются на одежды диаконские, иерейские и архиерейские. Праздничное богослужение на Рождество Христово совершает священник – иерей или архиерей. Ему помогает – (сослужит) диакон. Священник имеет все диаконские одеяния и сверх того – присущие его сану; епископ имеет все священнические одеяния и сверх того – присвоенные его архиерейскому сану. Общее символическое значение церковных служебных облачений – это выражение в видимых вещественных одеждах духовных одежд праведности и чистоты, в которые должны быть облечены души верующих людей для участия в вечной радости сочетавания Христа с Церковью избранных Своих.

Исторически богослужебные ризы появились не сразу. В основных чертах канон богослужебных облачений сложился в VI в. К этому времени Рождество Христово как праздник отмечался Церковью около двух веков.

Общим одеянием для всех степеней священства является *стихарь*, или *подризник*. На левом плече поверх стихаря диаконы имеют орать – длинную полосу из парчовой или другой цветной материи, нисходящую с передней и спинной частей почти до пола. Орать укрепляется петлей на пуговице на левом плече стихаря, так что концы его свободно свисают вниз.

На рукава подрясника, а при полном облачении – на рукава подризника священники и епископы надевают поручи, или нарукавники.

Стихарь, орать и поручи – облачение диакона. Другие богослужебные ризы относятся к одеяниям иерейского чина.

Начиная с XV в. архиерей, посвящая диакона в сан священника, огибал его шею диаконским орарем, так что оба его конца равномерно спускались по груди вниз, до подола, и при этом соединялись один с другим. *Получалась* епитрахиль – предмет одеяния священников и епископов. *Фелонь* (в обиходе – риза) представляет собой верхнее богослужебное одеяние священников и в некоторых случаях епископов.

Некоторые священники и протодиаконы носят при богослужении фиолетовую камилавку – головной убор цилиндрической формы, слегка расширенный кверху, на твердой основе, обтянутый обычно фиолетовым бархатом.

Цвета богослужебных облачений. Символика цветов.

Цветовая гамма богослужебных облачений состоит из следующих основных цветов: белый, красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый, черный. Все они символизируют духовные значения празднуемых святых и священных событий. На православных иконах цвета в изображении ликов, одеяний, предметов, самого фона, или «света», как его точно называли в древности, также имеют глубоко символическое значение. То же самое относится к настенным росписям, убранству храмов.

В сложившемся каноне церковных богослужебных облачений наблюдается два явления – белый цвет и все семь основных цветов спектра, на которые он разлагается, и черный цвет как отсутствие света, символ небытия, смерти, траура или отречения от мирской суеты и богатства. На Рождество Христово богослужебные облачения *белые*. В церковной символике белый цвет – не просто один из многих других цветов, он и символ Божественного нетварного света, переливающегося всеми цветами радуги, как бы содержащего в себе все эти цвета: *Одежды Его сделались блистающими, весьма белыми, как снег* (Мк.9,3). А снег при ярком блистании на солнце дает, как известно, именно радужные переливы.

Внешний, вещественный, земной свет всегда рассматривался Церковью лишь как образ и знамение неведущего Божественного света. В иконописи Божественный свет символизировался не только золотом, но и белым цветом, который означает сияние вечной жизни и чистоты в противоположность черному цвету ада, смерти, духовной тьмы.

Особенности графики и орфографии Рождественской проповеди

Кинемы письменной и печатной коммуникации – графические. Это

а) *почерк*, б) *многоточие*, в) *подчеркивание*, г) *жирный шрифт*,
 д) *курсив*, е) *фиксация*, ж) *пометки и рисунки на полях*, з) *схемы*, и)
рисунки, к) *диаграммы*, л) *таблицы*, м) *фото*, н) *картинки* и так далее [176,47].

Функция этих кинем – способствовать эффективности письменной коммуникации, пониманию и взаимодействию, научению. Для текста проповеди характерно отсутствие следующих кинем печатной коммуникации: фиксация, пометки и рисунки на полях, схемы, диаграммы, таблицы, фотографии, картинки, в то время как широко используется жирный шрифт, курсив, подчеркивание, а также написание с прописной буквы.

Использование прописной буквы в текстах проповеди наблюдается в двух случаях: в связи со строением текста и независимо от строения текста.

Выделение начальной буквы первого слова текста и абзаца относится к числу древнейших приемов звукового письма, применявшихся ещё до изобретения книгопечатания [317,148]. Правила употребления прописной буквы для обозначения членения текста объединены принципом обозначения прописной буквой начала текста и начала нового самостоятельного предложения, не находящегося в синтаксической связи с предшествующим предложением.

Слова, пишущиеся с прописной буквы независимо от строения текста и того места, какое они занимают в тексте, объединяются под названием имен собственных, противопоставляемых именам нарицательным.

К числу имен собственных, выделенных в исследуемых проповедях, относятся:

1. Имена, прозвища: *Моисей, Ирод, Мария, Иосиф, Исаия, Павел, Агафей, Пилат, Иуда, Иаков, Иосиф Обручник, Богоприимец Симеон, Иоанн Златоуст*. Например: *Больше того, Мария и Иосиф пришли в Иерусалим принести жертву очищения, а Ирод и этого не узнал, хотя храм находился всего лишь в нескольких шагах от его дворца [64,39]; Невольно вспоминаются слова блаженного Богоприимца Симеона, который по принесении в сороковой день Богомладенца Христа в храм, взял его на свои старческие руки и, благословляя, произнес пророчество [64,61]; Святая Церковь, продолжая праздновать пришествие в мир Христа, установила в нынешний день молитвенно ублажать память приближенных к Господу Иисусу людей: святого пророка Давида, святого Иосифа Обручника и Иакова, брата Господня [64,72].*

2. Индивидуальные названия, относящиеся к области религии: *Бог Отец, Сын Божий, Отец Небесный, Святой Дух, Господь Саваоф, Святая Троица, Иисус Христос, Пречистая Дева, Богоматерь, Царство Небесное*. Например: *Благодаря ему мы можем и должны приходить «в единство веры и познания Сына Божия, в мужа совершенного, в меру полного возраста*

Христов» (Еф.4,13) [64,23]; Сын Божий пришел на землю, чтобы открыть нам тайну Бога, Отца и Сына и Святого Духа, чтобы Своей Божественной святостью и праведностью обличить нашу человеческую греховность и неправду [64,24-25]; Пусть она и впредь будет нашей звездой на пути к Богу – от земли, этой юдоли плачевной, до светлых сияющих вершин вечной радости и жизни с Богом в Царствии Небесном (1.с.30); Везде с Ним, с Божественным Младенцем, Его Пресвятая Мать, Пречистая Богородица [64,64].

3. Имена прилагательные, образованные от индивидуальных названий, можно разделить на две категории: религиозные названия и географические.

Религиозные: *Божий, Божественное, Христовой, Давидовом;*
 географические: *Галилейский, Иерусалимский, Иудейский, Персидский.*
 Например: *Сын Божий стал Человеком, чтобы человек мог стать сыном Божиим [64,18]; Рождество Христово – это великая тайна обручения Бога с человеком, тайна непостижимая и постигаемая, тайна Божественная и человеческая, тайна небесная и земная [64,26]; Мы познали друг друга как члены единой семьи, населяющей вселенную, как дети единой Христовой Церкви [64,25]; Святой апостол был первым Иерусалимским епископом [64,72]; Не было и не будет на свете более важного вопроса, чем вопрос: «Где родившийся Царь Иудейский?» (Мф.2,2) [64,38]; «Я возвещаю вам великую радость... ибо ныне родился вам в городе Давидовом Спаситель, Который есть Христос Господь», - сообщает нам святое Евангелие (Лк.2,10-11); Задавали себе этот вопрос восточные мудрецы, которые пришли в Палестину из далекой Персидской Аравии [64,62]; Он вместе с ними бежит в Египет, чтобы избавиться от коварства Ирода, вместе поселяется в Назарете Галилейском [64,72].*

4. Географические и административно-территориальные названия: *Вифлеем, Иерусалим, Аравия, Иудея, Палестина, Назарет, Египет.*
 Например: *Не многие сподобились в ту ночь поклониться Воплощенному в*

Вифлееме [64,29]; *С этим вопросом во дни царя Ирода пришли в Иерусалим волхвы (Мф.2,1)[64,38]; Мудрецы шли долго из Аравии в Иудею* [64,40].

Отметим случаи несоответствия употребления прописной буквы правилам современной русской орфографии.

1. Многочисленные названия Бога и Богородицы с определением: *Божественный Разум, Премудрый Бог, Любовь, Бессмертный, Безначальный, Спаситель, Солнце Правды, Пресущественный, Предвечный бог, Отроча, Воплощенный, Воплотившийся, Рождшийся, Прославльший Бог, Богомладенец, Младенец Христос, Пророк, Священник, Божество, Царь, Ходатай, Виновник, Царь Иудейский, Солнце, Первопричина, Совет Святой Троицы, Верховное Существо, Таинственная Сила, Путь, Истина, Жизнь, Творец, Владыка, Свет, Солнце Мира, Советник, Властитель, Начальник, Отец, Сын Человеческий, Правда, Прощающий, Утешающий, Исцеляющий, Вечный. Препоблагословенная Дева, Жена, Пресвятая Дева, Пресвятая Мать, Мать, Мать Иерусалимской Церкви, Покров, Защита, Радость, Невеста Невестная, Звезда, Умиление, Цвет Неувядаемый, Скоропослушница, Взыскание погибших, Всех скорбящих Радость, Благая Вратарница, Царица Небесная, Царица. Например: И все же высший Божественный Разум находит выход: Премудрый Бог отдает людям самое драгоценное и совершенное – Сына [64,18]; Бог Отец посылает миру Сына Своего, Свою Единородную Любовь, чтобы мир познал любовь, уверовал в любовь и научился любить [64,21]; Через воплощение Сына Божия мы получили с высоты востока тайну Божественного ведения, воссиял миру свет разума, и мы, воссылая славу Богу, кланяемся Солнцу Правды [64,28]; ...соединяясь с Церковью небесной, творят молитву в храме Божиим, прославляя Прославльшего нас Бога [64,30]; В Рождественскую ночь вся земля приветствовала Богомладенца... [64,32]; Они возвещают: радуйтесь, ибо родился Пророк, наставляющий вас на всякую истину; радуйтесь, ибо родился Священник, примиряющий вас с Божеством; радуйтесь, ибо родился*

Царь, защищающий вас от врагов видимых и невидимых [64,35]; Тогда Сам Иисус Христос, Виновник нашей радости и спасения, вообразится в нас [64,37]; «Ей, гряди, Господи Иисусе!» (Откр.22,20); ибо только Ты для нас Путь, Истина и Жизнь, только в Тебе наш мир, радость и блаженство [64,49]; Мир знал о Боге. Одни видели в Нем Верховное Существо, другие – Таинственную Силу, третьи – Первопричину всего существующего и т.д. [64,43]; И мы видим преславную тайну: Бога – в человеке, Творца – в творении, Владыку неба и земли – в зраке раба, в убогих вифлиемских яслях [64,43-44]; Созерцая сегодня славу и смиренно-царственное величие рожденного Отрочати, будем, братия и сестры, славить, воспевать и превозносить великого совета Ангела, чудного Советника, Бога крепкого, Властителя, Начальника мира, Отца будущего века [64,56]; И если мы только Его познаем, то не страшны нам и грехи, потому что есть Прощающий, ни скорби, потому что есть Утешающий, ни болезни, потому что есть Исцеляющий, ни скоротечность времени, потому что есть Вечный, Который обещает: «Кто Мне служит, Мне да последует; и где Я, там и слуга Мой будет» (Ин.12,26) [64,63]; Если это так в земной человеческой жизни, то какова же бывает радость, если мы ее разделяем с Матерью всего человечества, Матерью нашего Спасителя [64,65]; Она и в Успении Своем не оставила мира. Она – его Покров и Защита; Христиане всегда называли Её своей Радостью, Невестой Невестной, Звездой, предвозвещающей Солнце, Умилением, Цветом Неувядаемым, Скоропослушницей, Взысканием погибших, Всех скорбящих Радостью, Покровом, Благой Вратарницей, вводящей нас в Царство Сына Своего [64,66].

2. Названия праздников, таинств, понятий и событий священной истории, сил бесплотных, книг, а также образованных от них прилагательных: Святая Церковь, Евхаристия, Град, Евангелие, Боговоплощение, Царство, Откровение, Ангел, Рождество Христово, Воплощение, причащение Его Тела и Животворящей Крови, Царство Небесное, Кровию Христовою, Священные

Писания, Рождественскую, Таинства, Богооткровение, Богоявление, Таинства Церкви, Промысел Божий, Причастие, Христовых Таин, Крест, Евангелист, святое Семейство, Успение, Собор Пресвятой Богородицы, Псалмопевец. Например: Ощущать Его присутствие среди нас помогает Его *Евангелие*, Его святая *Церковь*, Его народ – наши ближние, служа которым, мы служим самому Христу и Богу [64,20]; Для осуществления этого Он основал на земле Свою святую *Церковь* и установил таинство святой *Евхаристии*, в котором заключена Его сакраментальная (таинственная) реальность; ...даруется жертвенная нетленная пища для нашего нынешнего странствования в направлении к вечному *Граду*; Что принесло миру *Воплощение* Сына Божия? [64,28]; Наконец, только благодаря *Рождеству* Сына Божия мы получили возможность самым тесным образом, познав Бога, органически соединиться с Ним в таинстве святой *Евхаристии*, в причащении Его *Тела* и *Животворящей Крови*; В такой подготовке нам содействует благодать Святого Духа, молитва, пост, причащение святых *Христовых Таин* и наше человеческое смиренное желание; Путь к этому – через Вифлеем, через Голгофу и *Крест*; Слова Господни для *Псалмопевца* «лучше меда» (Пс.18,11) [64,72].

3. Написание местоимений, обозначающих или имеющих отношение к Богу и Богородице:

а) личные: обещание *Его*, *Он* дал *Его*, на *Нем*, передано *Мне*, с *Ним*, и *Я* делаю, как *Он*, принести *Ему*, в *Него*, *Ты* для нас, за *Мной*, к *Нему*, через *Неё*, ублажаем *Её*, *Она* – его Покров, молимся *Ей*. Например: Мы помним неложное обещание, которое *Он* дал нам, утверждая в нас надежду, - обещание быть с нами до скончания века [64,20]; «Видевший *Меня* видел Отца» (Ин.14,9) [64,22]; «Отец Мой доныне делает, и *Я* делаю» (Ин.5,17) [64,29]; Вместе с Церковью ныне мы ублажаем *Её* за добродетели, за твердую веру, за великое послушание воли Божией, за ту службу, которую *Она* сослужила роду человеческому [64,56];

б) притяжательные местоименные прилагательные: имя *Твоё*, *Его* народ, Отец *Мой*, по образу *Нашему*. Например: Родившийся – это Тот, Кому Творец твой сказал при создании первого человека: «Сотворим человека по образу *Нашему*» (Быт.1,26) [64,36]; Ощущать *Его* присутствие среди нас помогает *Его* Евангелие, *Его* святая Церковь, *Его* народ – наши ближние, служа которым, мы служим самому Христу и Богу [64,20];

в) указательные, вопросительно-относительные: *Тот*, *Чьё* Царство; в мир *Тот*, *Кто*; в *Того*, *Который*; Спаситель, *Который*; это *Тот*, *Который*; в *Том* и через *Того*, *Кто*; о *Той*, *Которая*. Например: Сегодня пришел в мир *Тот*, *Кто* явил нам Бога; Это ради нас, людей, и ради нашего спасения сегодня Безначальный начинается, приходит на землю в зраке раба *Тот*, *Чьё* Царство – Царство на все века и владычество – для всех поколений [64,21]; Мы не можем сегодня не думать и о *Той*, *Которая* родила миру Христа Бога. [64,68];

г) определительные и возвратные: только *Сам Себя*, *Своим* подвигом, тогда *Сам* Младенец Христос, оправдал *Себя* в Духе, к *Себе*, Сына *Своего*. Например: Господь не только *Сам Себя* таким являет [64,22]; Это примирение Он осуществил *Своею* кровию, *Своим* искупительным подвигом [64,25]; «Бог явился во плоти, оправдал *Себя* в Духе, показал *Себя* Ангелам, проповедан в народах, принят верою в мире» (1Тим.3,16) [64,47]; Он с распростертыми объятиями проходит через все времена и пространства, всех призывает к *Себе* и радуется всякому человеческому обращению и обновлению [64,60].

4. Написание прилагательных, образованных от нарицательных имен существительных. Например: Это ради нас, людей, и ради нашего спасения сегодня *Безначальный* начинается, приходит на землю в зраке раба Тот, Чьё Царство – Царство на все века и владычество – для всех поколений [64,21]; Сам Христос в *Первосвященнической* молитве к Отцу Своему Небесному свидетельствует: «Я открыл им имя Твое и открою» (Ин.17,26) [64,45].

Проанализировав тексты проповедей, можно прийти к следующему заключению: в церковной литературе, в частности в проповедях, наблюдается

отступление от норм правописания прописной буквы, которое мотивировано двумя факторами – внеконтекстуальным и фактором контекста. К первой группе относится написание слов, обозначающих названия и понятия, связанные с религией: названия праздников, событий и явлений священной истории и тому подобное.

Контекстуальный фактор объясняет написание нарицательных имен существительных, местоимений, субстантивированных прилагательных и причастий с прописной буквы, так как данные разряды слов в религиозном контексте обозначают или имеют отношение к Богу, Богородице.

Вышеприведенные замечания позволяют предположить, что существует особый вид правописания – правописание церковной литературы, допускающий отступления от нормы.

3.2.5.2. Акустические паралингвистические средства проповеди.

Характерной чертой данной категории является отсутствие как внутренних, так и внешних акустических раздражителей. Хорошие звукоизоляционные характеристики храма позволяют молящимся не замечать мирского шума. В Рождественскую ночь храм наполнен праздничным песнопением, торжественным чтением Евангелия, бубенцовым перезвоном кадильниц. Во время произнесения проповеди слушающие соблюдают полную тишину.

3.2.5.3. Обонятельные ситуационные средства.

Традиция использования человеком запахов уходит глубоко в толщу веков. Жрецы Египта использовали различные ароматы в обрядах посвящения и мумификации. Китайские алхимики считали, что в запахе заключены магические силы и душа растения. Греки – преемники знания египтян – во время религиозных празднеств воскуряли фимиам. Научно доказано влияние запахов на эмоциональное состояние человека. Отдел головного мозга, в котором находится обонятельный центр, расположен рядом с лимбической системой, отвечающей за наши эмоции. Поэтому все запахи эмоционально

окрашены, все вызывают те или иные переживания, «безразличных» запахов не существует. Еще в конце XIX века учеными было доказано, что раздражение обонятельного анализатора человека «приятными запахами» (розовым и бергамотовым маслами, гелиотропином) вызывает повышение кожной температуры, падение кровяного давления, замедление пульса. «Неприятные запахи» (уксусной кислоты, сернистого аммония, аммиака) вызывают, наоборот, понижение температуры, повышение кровяного давления и учащение пульса. Таким образом, приятные запахи способствуют улучшению самочувствия человека, а неприятные могут оказывать угнетающее влияние, вызывать различные отрицательные реакции вплоть до тошноты, рвоты, обморока; они способны обострять чувствительность нервной системы, вести к подавленности, раздражительности. Как отмечают М.П. Плужников и С.Рязанцев, именно запахи «быстрее всего пробуждают память, и не логическую, а именно эмоциональную» [238,85].

В рождественскую ночь храм, помимо благоуханий ладана, воска и еля, наполнен запахом хвои.

Ладан (древесная смола) использовался в качестве богослужебного благовония с незапамятных времен. Каждение имеет несколько символических значений: это и прообраз шестидневного творения мира, и поклонения (почитания), и постоянного стремления души к горнему, к Богу. Ладан, как ароматическое вещество, относят к ароматам низкого тона. Н. Кудрявцева отмечает, что как и звуки в музыке, ароматы различаются по тону. Их три. К *высокому* относятся летучие масла, которые испаряются и, соответственно, выводятся из организма за 24 часа: лимон, тимьян, шалфей и др. Масла, сохраняющие свой запах и действующие в организме до 72 часов, относятся к *среднему* тону. Это лаванда, розмарин, мята и др. И есть изысканные стойкие ароматы *низкого* тона, завораживающие нас до 24 суток: ладан, сандал, жасмин, иссоп, роза, мирра и подобные им [182,96].

Воск и елей в древности были приношениями верующих в храм в качестве добровольных жертв. Чистый воск означает чистоту и нескверность людей, его приносящих. Он приносится в знак нашего раскаяния в упорстве и готовности впредь к послушанию Богу подобно мягкости и податливости воска. Как выработанный пчелами после собирания нектара с множества цветов и деревьев воск символически означает приношение Богу как бы от лица всего творения, так горение восковой свечи, как превращение воска в огонь, означает обожение, превращение земного человека в новую тварь под воздействием огня и теплоты Божественной любви и благодати.

Елей, как и воск, означает тоже чистоту и искренность человека в его поклонении Богу. Но елей имеет и свои, особенные значения. Свидетельствуя о чистоте человеческих отношений к Богу, елей является знаменем милости Божией к людям: он смягчает раны, оказывает целебное действие, сдобряет пищу. Молитвенное прошение *«Господи, помилуй мя грешного/ую»* содержит две просьбы: прощение и исцеление. Лексема *миловать* греческого происхождения и обозначает помазание оливковым маслом с целью исцеления.

Запах хвои напоминает нам о том, что не только человек переполняется радостью в эту ночь, но и вся природа радуется Боговоплощению. Помимо воздействия ароматов и запахов на психо-эмоциональном уровне, они могут оказывать и терапевтическое влияние. Так, общеизвестно, что хвоя обладает ярко выраженными фитонцидными свойствами. Об использовании благовоний в религиозном дискурсе в медицинских целях известно давно. Примеры этого можно найти и в самой Библии, *например: Окропиши меня иссопом и ичищуся; Омыеши меня и паче снега убелюся.*

3.2.5.4. Тактильные ситуационные средства.

Проповедуют, как правило, с церковного амвона. Мужчины с непокрытой головой занимают правую часть храма; женщины с покрытой - левую. Перед началом проповеди прихожане приближаются к амвону: сидеть не

разрешается, все внимание сосредоточено на говорящем. Обычно проповедь непродолжительна (10-15 мин).

Характеризуя тактильную паралингвистическую категорию проповеди, следует отметить следующее: во время проповеди молящиеся стоят плотнее друг к другу и ближе к амвону. Данная особенность позволяет говорить о возможном чувстве единой семьи (Церковь – семья); воинства, сомкнувшего свои ряды и внимающего своему полководцу перед битвой (земная жизнь – это постоянная борьба, битва с грехом).

3.2.5.5. Вкусовые ситуационные паралингвистические средства.

Относительно данной категории можно лишь отметить полное отсутствие паралингвистических средств – на богослужение приходят натошак.

Выводы к третьему разделу

Паралингвистические средства играют большую роль в Рождественской проповеди, и именно поэтому проповедь воспринимается как дискурс.

Паралингвистическое оформление проповеди имеет свои особенности.

Во-первых, использование параязыковых средств строго регламентировано. В проповеди используются фонационные, мануальные,

мимические, пантомимические и ситуационные паралингвистические средства. Наиболее широкое использование паралингвистических средств наблюдается среди фонационных. Основное требование, предъявляемое к употреблению данных средств, заключается в изложении проповеди в виде простой, дружеской, но благородной и одушевленной чувством беседы. Грамматическое и ораторское ударение – два основных вида, используемых проповедником. Характерная черта проповеди на уровне фонационных паралингвистических средств – использование простого мотива модуляции голоса: движение его в пределах средних тонов. Громкость речи проповедника определяется акустическими характеристиками храма, в котором звучит впроповедь, при этом речь не должна быть ни кричащей, ни тихой. Рождественская проповедь как вид публичного выступления протекает в более медленном темпе, чем речь разговорная: оптимальный темп речи проповедника составляет около 70-80 слов в минуту.

Основное требование, предъявляемое к проповеднику в сфере использования мануальных паралингвистических средств, заключается в том, чтобы избежать крайностей в их употреблении.

Во-вторых, в каждой проповеди используются ситуационные паравербальные средства коммуникации (визуальные, обонятельные, тактильные), в то время как наличие или же полное отсутствие кинем других видов (кроме фонационных) полностью обусловлено социальным фактором (опытом проповедника).

В-третьих, паравербальные средства проповеди выполняют главным образом информативно-изобразительную функцию (в первую очередь ситуационные); частично – эмотивную и экспрессивную (фонационные, мимические и пантомимические).

В-четвертых, взаимодействие вербальных и паравербальных средств характеризуется повторением, дополнением, акцентированием.

Рождественская проповедь как коммуникативное явление не существует без экстралингвистических факторов, состав и содержание которых строго регламентированы. Данное положение объясняется институциональной принадлежностью проповеди как жанра: личностный элемент всегда согласуется с статусно-ориентированной направленностью общения.

Заключение

Дискурсивный анализ проповеди на Рождество Христово позволяет сделать следующие общие выводы.

1. Проблема дискурса является предметом всестороннего исследования лингвистов с середины прошлого века. Анализ дискурса –

междисциплинарная область знания, в которой наряду с лингвистами участвуют социологи, психологи, специалисты по искусственному интеллекту, этнографы, литературоведы семиотического направления, стилисты и философы. Под дискурсом, вслед за Арутюновой Н.Д., понимается связный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами. Рождественская проповедь является самостоятельным жанром религиозного дискурса. Данный тезис подтверждается наличием характерных черт, присущих любому жанру: коммуникативная цель, концепция автора, концепция адресата, событийное содержание, фактор коммуникативного прошлого, фактор коммуникативного будущего, языковое воплощение. Рождественская проповедь – это тематически, композиционно и стилистически устоявшийся тип сообщения. Свои истоки она берет в IV веке, и ее дальнейшее развитие связано с распространением христианства. С течением времени Рождественская проповедь эволюционировала от неформальной беседы до институционализированного монолога. Отличительной чертой Рождественской проповеди (как и любой другой проповеди) как жанра является сотериологичность коммуникативной цели.

Данный фактор – ориентированность на личное спасение – релевантен как на вербальном уровне, так и экстралингвистическом. Проповедь на Рождество Христово является учительно-просветительным словом – тематической проповедью, в которой событие воплощения Бога раскрывается с достаточной обоснованностью, преимущественно в форме логического рассуждения.

Каждая проповедь содержит так называемое нравственное приложение – ряд предложений с выраженной иллокутивной направленностью. Примеры увещания, укора, наставления, эмоциональной поддержки – все это присутствует в Рождественской проповеди. Нравственная составляющая проанализированной проповеди – призыв к внутреннему совершенствованию, Богоуподоблению, нравственному росту.

Как публичная речь, проповедь соотносится с публицистическим стилем. На это указывают ряд признаков как на вербальном, так и на экстралингвистическом уровнях.

Во-первых, сфера употребления данного жанра – общественная, т.е. та же, что и жанров публицистического стиля. Следует отметить лишь тот факт, что проповедь ориентирована мировоззренчески – она предназначена, в основном, для религиозного сознания.

Во-вторых, в Рождественской проповеди реализуются информативная и воздействующая функции, при этом роль второй несравнимо важнее, чем роль первой. Данный факт объясняется религиозной сферой общения, где функция воздействия занимает главенствующее положение в процессе любой коммуникации. В публицистическом стиле данные функции реализуются практически в равной степени.

В-третьих, черты публицистического стиля находят свое выражение на всех уровнях языка: фонетическом (устная форма реализации, интонация, темп, логическое ударение), словообразовательном (преобладание префиксального способа образования над остальными, словосложение, калькирование), морфологическом (архаичное употребление словоформ разных частей речи, оценочность), лексическом (обширный пласт старославянизмов, грецизмы) и синтаксическом (подавляющее большинство субстантивных словосочетаний, тематическая постпозиция в актуальном членении предложения, преобладание простого двусоставного предложения).

Жанровая специфика Рождественской проповеди обусловлена особенностями религиозного дискурса. Коммуникативная цель Рождественской проповеди разновекторна, что, в свою очередь, не позволяет отнести данный жанр ни к одному из известных типов: информативному, оценочному, этикетному или императивному. Введение нового определения – сакрального типа жанра – позволяет решить поставленный вопрос.

Анализ образа автора в Рождественской проповеди позволил выявить следующие особенности: отношение автора проповеди к адресату строятся как «свой» к «своему», «на равных». Указание на условное старшинство выражается паралингвистически. Адресат Рождественской проповеди всегда представлен местоимением в форме множественного числа и является «своим» как для автора проповеди, так и для остальных участников коммуникативной ситуации.

Временная перспектива категории событийного содержания Рождественской проповеди двухкомпонентна: хорошее событие в личной сфере адресата с футуральной перспективой и плохое событие в личной сфере адресата с перфектной временной перспективой. Футуральная перспектива хорошего события вытекает из свойства проповеди как совета, наставления. Она является преобладающей. Перфектная временная перспектива плохого события в личной сфере адресата и автора обуславливается элементами укора или упрека.

Оценка событийного содержания Рождественской проповеди подчеркнута положительна.

Проповедь на Рождество Христово является реактивным жанром и осознается как неотъемлемая составляющая всего коммуникативного целого – литургии.

2. Вербальный анализ Рождественской проповеди позволил выделить следующие характерные особенности данного жанра:

1) устная форма реализации предопределяет свойства проповеди на фонетическом уровне. Сюда относятся требования к литературному произношению, владению высотой и тембром голоса; умеренный темп проповедования; употребление слов, в которых отсутствует палатализация перед *o*, неполногласные сочетания.

2) Лексика Рождественской проповеди содержит обильный пласт заимствований. Основная доля приходится на старославянизмы. Лексемы греческого происхождения составляют вторую группу заимствований.

3) Словообразовательный уровень характеризуется широким использованием префиксального способа словообразования, употреблением старославянских суффиксов. Среди моделей словообразования наиболее презентативен способ сложения основ, калькирования.

4) Преобладание именных частей речи над вербальными – характерная черта Рождественской проповеди на морфологическом уровне. Указанный факт позволяет отметить эту черту как характерную для научной, официально-деловой речи и публицистики.

5) Синтаксис проповеди на Рождество Христово имеет ряд особенностей. Прежде всего, следует отметить тематическую постпозицию в актуальном членении предложения. Основной пласт синтаксических структур представляют повествовательные предложения. Простое предложение менее употребительно, чем сложное. Основной тип сложного предложения – сложноподчиненное нерасчлененной структуры.

3. Структура текста Рождественской проповеди представлена *зачином*, *разверткой* и *концовкой*. Указанные составляющие относятся к структурно-смысловым частям сверхфразового единства. Зачин проповеди, как правило, является редуцированным и автосемантическим, так как от него зависимы развертка и концовка. Синсемантическая развертка и автосемантическая концовка содержат коннекторные ряды пяти глобальных категорий: участников коммуникативного акта, событий – процесса – факта, времени, пространства и оценки.

Особенностью категории *участники коммуникативной ситуации* является то, что в текстах Рождественской проповеди отсутствует указание на адресата, слушателя. Данный субъект обозначается с помощью невербальных

средств. Помимо основных участников коммуникативной ситуации, к данной категории относятся участники события – Рождества.

Глобальная категория *события – процессы – факты* организует структуру текста и его смысловое содержание. Данная категория характеризуется строгим построением на основе коннекторных рядов с процессными и событийными предикатами. Событийные предикаты раскрывают смысл главного события – рождества Бога. При этом следует отметить, что данное событие принадлежит двум временным планам – прошлому и настоящему.

Категория *времени* Рождественской проповеди представлена реальным объективным и циклическим временем с проспективным развитием временного сюжета. Участники коммуникативного события пребывают в одном из трех временных пространств: прошлом, настоящем или будущем. Указанное наблюдение верно по отношению ко всем участникам, кроме Бога.

Изображаемое пространство проповеди на Рождество Христово рассматривается нами с точки зрения адресанта, то есть религиозного мировоззрения. Согласно нашей классификации, все изображаемое пространство является реальным и делится на два мира: видимый и невидимый. Видимое пространство – это окружающий нас физический мир; невидимое – внутренний мир человека и внешнее пространство, в котором пребывает Бог, ангелы и другие субъекты данного мира.

Категория *оценки* представлена на всех уровнях языка и выражается рациональным и аксиологическим ее видами. Исключительной чертой данной категории является наличие среди аксиологических видов отдельной подкатегории – религиозной оценки (сотериологической в нашем случае), которая контекстуально предопределяет значимость других видов.

4. Паралингвистическое оформление Рождественской проповеди имеет свои особенности. Общей чертой является строгая институциональность, ограничения в сфере употребления кинем. Наиболее употребимыми в Рождественской проповеди являются такие фонационные

паралингвистические средства, как интонация, ударение, тон, темп. Ситуационные кинемы выполняют главным образом изъяснительную функцию, мануальные, мимические и пантомимические – эмоционально-экспрессивную.

Проведенный дискурсивный анализ Рождественской проповеди позволяет отнести данный вид словесности к отдельному жанру церковного регистра публицистического стиля религиозного дискурса и определить его как сакральный тип жанра.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПРОПОВЕДЬ НА РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО

3 *1. Приветствую вас, возлюбленные отцы, братья и сестры, с великим праздником Рождества Господа нашего Иисуса Христа!*

Р 2. Сегодняшняя священная ночь явила миру великую благочестия тайну, тайну Боговоплощения, тайну, к которой мы настолько привыкли, что редко задумываемся над ее всемирным значением. 3. Без тайны Боговоплощения мир потерпел бы нравственный крах, как потерпел бы катастрофу физический мир, не будь закона всемирного тяготения.

4. В нашем ограниченном трехмерном мире благоволил воплотиться Сын Божий, Господь наш Иисус Христос. 5. Хотя это событие совершилось на земле в определенное историческое время и в определенном географическом месте, следует признать в нем событие сверхъестественное, событие небесного и божественного плана.

6. Рождество Христово – это дар неба земле. Рождество Христово – это Божественное снисхождение и милость к роду человеческому. 7. Сын Божий пришел на землю, чтобы открыть нам тайну Бога, Отца и Сына и Святого Духа, чтобы Своей Божественной святостью и праведностью обличить нашу человеческую греховность и неправду. 8. И не только обличить, но, добровольно взяв на себя грехи всего мира, плотью Своей умертвить их на Голгофском кресте.

9. Сын Божий пришел к нам, чтобы примирить небо с землей и Бога с человеком. 10. Это примирение Он осуществил Своею кровию, Своим искупительным подвигом. 11. Сын Божий пришел в мир, чтобы Своим воскресением даровать людям всеобщее воскресение и вечную жизнь, а Своим вознесением на небеса вернуть в объятия Отчи каждого желающего человека.

12. Рождество Христово дало нам Спасителя Господа Иисуса Христа. 13. Оно даровало нам познание любви, благости и милости Божией: Рождество Христово дало нам Пречистую и Преблагословенную Деву Марию – Ходатаицу, Покров и Защиту. 14. Рождество Христово открыло нам друг друга, ибо только в Боге, в глубоком понимании, что такое человек и каково его назначение, в глубоком сознании того, что каждый человек есть творение Божие, мы познали друг друга как члены единой семьи, населяющей вселенную, как дети единой Христовой Церкви, как дети Одного Отца. 15. Рождество Христово дало каждому человеку все средства и возможности к созиданию на земле Царства Небесног, к достижению спасения.

16. Сегодня миру дан Христос, чтобы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную (Ин.3,15).

17. Рождество Христово – это великая тайна обручения Бога с человеком, тайна непостижимая и постигаемая, тайна Божественная и человеческая, тайна небесная и земная.

18. Христос всегда среди нас – и мистически и реально. 19. Он с нами в таинстве святой Евхаристии, в молитве и труде, в храме и на всех путях жизни: «Я с вами во все дни до скончания века» (Мф.28,2).

К 20. Пусть всегда душа наша будет вместилищем воплотившегося ради нас Бога, а сердце наше – престолом, на котором да царствует во веки Христос! **21.** Аминь [64, 24-26].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. - Л.:Наука,1975. - 276 с.
2. Агеева Г.А. Fascинирующее воздействие религиозных текстов (на примере текстов религиозных проповедей) // Лингвистическая реальность и межкультурная коммуникация: Мат-лы междунар. науч. конф. Иркутск: ИГЛУ, 2000. - С.16-23.
3. Азаров А.А. Русско-английский словарь религиозной лексики. – М.: Руссо, 2002. – 768 с.
4. Академический «Словарь русского языка». М., 1959. Т. 3. – 890 с.

5. Алейников А.Г. Креативная лингвистика (обоснование, проблемы и перспективы) // Языковое сознание: стереотипы и творчество. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1988. – С.35-42 с.
6. Алексей (Ридигер), Патриарх Московский и всея Руси. Проповеди и поучения. <http://pravoslavie.ru/da/xm/s.da.htm2005>.
7. Алимova В.Р. Пространственная организация в рассказе Е.И. Замятина «Ловец человеков». // Актуальные проблемы вербальной коммуникации: язык и общество. Сборн. научн. трудов под ред. Л.А. Кудрявцевой. – К.: КНУ им. Т. Шевченко, 2004. - С. 274-276.
8. Амфитиатров Я. Чтения о церковной словесности или Гомилетика.- К.: Типография Валлера. – 1846.- 340 с.
9. Антоненко С.В. Структура писем А.С. Пушкина: (Лингвистика текста). – К.: Знання, 2000. – 154 с.
10. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: Попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. №1. - С. 24-29.
11. Аристотель. Риторика. Поэтика. М.: Лабиринт, 2000. - 224с.
12. Арская М.А. Семантическая категория эстетической оценки (прекрасное/безобразное) и ее онтология в современном немецком языке: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Пятигорск, 2000. - 16с.
13. Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – Т. 40. - №4. – 1981. – С.356-367.
14. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1990. – С.136-137.
15. Арутюнова Н.Д. Жанры общения // Человеческий фактор в языке: коммуникация, модальность, дейксис. – М.: Рус.язык, 1992. – С.27-43.
16. Арутюнова Н.Д. Введение // Логический анализ языка. Ментальные действия. М.: Наука, 1993. – С. 67-73 с.
17. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

18. Астафурова Т.Н. Стратегии коммуникативного поведения в профессионально-значимых ситуациях межкультурного общения (лингвистический и дидактический аспекты): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1997. - 41с.
19. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Эдиториал, 2004. – 576 с.
20. Бабаева Е.В. Нормы и их отражение в языке // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. Волгоград: Перемена, 2001. – С. 48-54.
21. Базилевская В.Б. Порицание в устах учителя (опыт анализа речевого акта) // Прагматические аспекты функционирования языковых единиц. Тез. докл. / Ин-т языкознания АН СССР, Воронеж. гос. ун-т. М., 1991. – С.19-23.
22. Бакумова Е.В. Ролевая структура политического дискурса: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2002. – 20 с.
23. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Пер. с фр. М.: Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.
24. Баліцька М.З. Роль адресанта в реалізації мовленевого жанру прохання // Актуальні проблеми металінгвістики. Наук. зб. – Ч.2. – Черкаси, 2001. – С.129-132.
25. Баранов А.Г. Функционально-прагматическая концепция текста. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1993. – 182 с.
26. Баранов А.Н. Политический дискурс: прощание с ритуалом // Человек. 1997. № 6. – С. 108-118.
27. Баранник Д.Х. Сучасне літературне мовлення, його ситуативні форми і функціональні різновиди // Сучасне українське літературне мовлення. – Д., 1975. – С. 3-12.
28. Барсов Н.И. Лекции по православной христианской Гомилетике. 1888/89 уч. год. СПб. Дух. Академия, Литография. – 350 с.

29. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979. – С. 237-280.
30. Бахтин М.М. Марксизм и философия языка // Вопросы философии. – 1993. - №1. – С. 60-82.
31. Бацевич Ф.С. Функционально-ономасиологическое изучение лексики. – Львов: Изд-во ЛГУ, 1993. – 214 с.
32. Бацевич Ф.С. Нариси з комунікативної лінгвістики. – Львів: Видавничий центр ЛНУ ім. І. Франка, 2003. – 281с.
33. Бацевич Ф.С. Основи комунікативної лінгвістики: Підручник. – К.: Видавничий центр «Академія», 2004. – 344 с.
34. Бацевич Ф.С. Категории коммуникативной лингвистики: попытка обоснования. // Актуальные проблемы вербальной коммуникации: язык и общество. Сборн. научн. трудов под ред. Л.А. Кудрявцевой. – К.: КНУ им. Т. Шевченко, 2004. – С. 124-132.
35. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. – 439 с.
36. Библийская энциклопедия / С ил. Г. Доре и цв. Вкл. – 2-е изд., испр. – М.: Локид-Пресс, 2004. – 768 с.; ил.
37. Богданов В.В. Функции вербальных и невербальных компонентов в речевом общении // Языковое общение: Единицы и регулятивы. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1987. – С.18-25.
38. Богданов В.В. Классификация речевых актов // Личностные аспекты языкового общения. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1989. – С.25-37.
39. Богданов В.В. Речевое общение. Прагматические и семантические аспекты. – Л.,1990. – 104 с.
40. Богданова В.А. Письменная и устная формы научного стиля (на материале лексики) // Вопросы стилистики. Вып. 23. Устная и письменная формы речи. Саратов, 1989. – С. 33-39.

41. Богин Г.И. Субстанциональная сторона понимания текста. – Тверь: Изд-во Тверского ун-та, 1993. – 231 с.
42. Богомил Н. Речевой акт упрека // Види мовленнєвої діяльності: лінгвістичні та дидактичні аспекти: Тез. доп. наук. конф. та 3-го українсько-німецького симпозиуму. – Х., 1995. – С.59-60.
43. Боева Е.Д. Прагматические параметры средств невербальной коммуникации (на материале русского, немецкого и французского языков и культур): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2000. - 23 с.
44. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М., «Просвещение», 1971. – 239 с.
45. Бондарко А.В. Функциональная грамматика. –Л.:Наука, 1984. – 316 с.
46. Борботько В.Г. Общая теория дискурса (принципы формирования и смыслопорождения): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 1998. – 48 с.
47. Борисова И.Н. Дискурсивные стратегии в разговорном диалоге // Русская разговорная речь как явление городской культуры / Под ред. Т.В. Матвеевой. – Екатеринбург: Арго, 1996. – С. 21-48.
48. Бронштейн А.И. Вкус и обоняние. М.: Из-во Ак. И. СССР, 1950. – 340 с.
49. Брунер Дж.С. Онтогенез речевых актов // Психолінгвістика: Сб. научн. тр. – М.: Прогресс, 1984. – С.3-14.
50. Булгаков Г. Теория православно-христианской пастырской проповеди. Курск. 1916. – 284 с.
51. Бухбиндер В.А, Розанов Е.Д. О целостности и структуре текста // Вопросы языкознания. – 1975. - № 6. – С.54-62.
52. Бушакова М.Н. Концепт грех как отражение национально-культурного менталитета (на материале лексикографических источников). // Национально-культурный компонент в тексте и языке: материалы докл. III Междунар. научн. конф. под эгидой МАПРЯЛ, Минск, 7-9 апр. 2005 г.: В 3-х ч., Ч. 2. – С.145-146.

53. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. – М., 1991. – С.149.
54. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / Пер. с англ. М.: Рус. словари, 1996. – 416 с.
55. Вежбицкая А. Речевые жанры // Жанры речи. Саратов: Изд-во Саратов. унт-та, 1997. – С. 54-68.
56. Верещагин Е.М. Паралингвистика и языкознание. М., 1968. – 280 с.
57. Верещагин Е.М. Коммуникативные тактики как поле взаимодействия языка и культуры // Русский язык и современность: Проблемы и перспективы развития русистики. – Ч.1. – М., 1991. – С. 32-43.
58. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Речеповеденческое исследование притчи Пушкина о блудной дочери // Вопросы языкознания. – 2000. - №2. – С.90-117.
59. Вилсон Г., Макклафлин К. Язык жестов. Путь к успеху. – Москва – Харьков – Минск, 2000. – 390 с.
60. Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слов в русском языке // Избранные труды: Лексикология и лексикография. – М., 1977. – С.162-189.
61. Виноградова В.Н. Стилистический аспект русского словообразования. – М., 1984. – 340 с.
62. Винокур Т.Г. Диалогизация как способ построения публицистического текста // Стилистика русского языка: жанрово-коммуникативные аспекты стилистики текста. – М.: Наука, 1987. – С. 167 – 180.
63. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. – М.: Наука, 1993. – 212 с.
64. Владимир (Сабодан), Митрополит Киевский и всея Украины. Проповеди: в 2 т. – К., 1997. – 360 с.
65. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. Волгоград: Перемена, 1997. – 139 с.

66. Волков А.А. Курс русской риторики. М.: Изд-во хр. св. муч. Татианы, 2001. – 480 с.
67. Вольф Е.В. Функциональная семантика оценки. – М.: Едиториал УРСС, 2002 (Лингвистическое наследие XX века). – 268 с.
68. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филол. науки. 2001. № 1. – С.64-72.
69. Воркачев С.Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа: Монография. Краснодар: Изд-во Кубан. гос. техн. ун-та, 2002. – 142 с.
70. Воробьева О.П. Текстовые категории и фактор адресата. Киев: Вища шк., 1993. – 127 с.
71. Гадомский А.К. К проблеме определения теолингвистики. – Учен. зап. ТНУ. – Т. 17(56). – №1: Филологические науки. – Симферополь: ТНУ, 2004. – С. 63-69.
72. Гайда С. Проблемы жанра // Функциональная стилистика: теория стилей и языковая реализация. – Пермь, 1986. – С.46-64.
73. Гак В.Г. Судьба и мудрость // Понятие судьбы в контексте разных культур. М.: Наука, 1994. – С. 198-206.
74. Галапчук О.М. Вікова диференціація стратегій і тактик дискурсу в сучасній англійській мові: Автореф. дис. ... канд. філол. наук. – Луцьк, 2000. – 18 с.
75. Галичкина Е.Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерных конференций): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград. 2001. – 18 с.
76. Галлямова Н.П. Речевой жанр „объяснение, признание в любви” (семантико-прагматический аспект) // Русистика сегодня. 1999. № 1-2. – С. 33-40, 27-35.

77. Гальперин И.Р. О понятии текст // Вопросы языкознания. – 1974. - № 6. – С. 46-51.
78. Гальперин И.Р. Грамматические категории текста: - М.: Изв.АН СССР – Сер. лит. и яз. – 1977.- Т.36. - № 6. – С.214 - 312.
79. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. –197 с.
80. Гаспаров М.Л. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Нов. лит. обозрение, 1996. – 352 с.
81. Гачев Г. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М.: Прогресс, 1995. – 480 с.
82. Гиндин С.И. Речевые жанры и языковое сознание // Языковое сознание. – М.: ИЯЗ, 1988. – С. 19-28.
83. Глущенко В.А. Историко-фонетический комментарий в школьном курсе русского языка: Пособие для учителей и студентов. – Донецк: Либідь, 2002. – 100 с.
84. Гойман А.А. Некоторые аспекты картины мира человека древней Руси: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2001. – 25 с.
85. Гойхман О.Я. Надеина Т.М. Основы речевой коммуникации. М.: ИНФА, 1997. – 272 с.
86. Головинская М.Я. Семантика глаголов речи с точки зрения речевых актов // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект / Под ред. Е.А. Земской, Д.Н. Шмелева. – М.: Наука, 1993. – С. 158-218.
87. Гольдин В.Е. Обращение: теоретические проблемы. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. – 129 с.
88. Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б. Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие // Вопросы стилистики. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1993. – С. 9-19.

89. Гольдин В.Е. Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи // Жанры речи. Саратов, 1997. С. 23-34.
90. Гольдин В.Е. Проблемы жанроведения // Жанры речи – 2. Саратов, 1999.- С. 4-7.
91. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. – М.: Айрис-пресс, 2003. – 448 с.
92. Гоннова Т.В. Отношение к труду в русской культуре // Языковая личность: проблемы обозначения и понимания. Волгоград: Перемена, 1997. – С. 42-43.
93. Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. - М., 1980. – 172с.
94. Горелов Е.Н. Седов К.Ф. Основы психолингвистики. М.: Лабиринт, 1997. – 224 с.
95. Грабарова Э.В. Лингвокультурологические характеристики концепта «смерть» // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. Волгоград: Перемена, 2001. – С.71-78.
96. Грайс П. Логика и речевое общение // Лингвистическая прагматика: Новое в зарубежной лингвистике. 1985. Вып. XVI. – С. 217-237.
97. Гриненко Г.В. Сакральные тексты и сакральная коммуникация. Логико-семиотический анализ вербальной магии. – М.: Новый век, 2000. – 448 с.
98. Гришечкина Г.Ю. Соотношение факторов жанровой специфики и предметной области текста научной рецензии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2002. – 23 с.
99. Грудева Е.В. Религиозная сфера и церковно-проповеднический стиль // Русский язык: история и современное состояние: Мат-лы Всерос. науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рожд. А.А. Дементьева. Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 1999. – С. 187-191.
100. Гудков Л.Д. Понимание // Культурология. XX век: Словарь. СПб: Университетская книга, 1997. – С. 344-348.

101. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Наука, 1984. – 260 с.
102. Гумбольдт В. фон. Характер языка и характер народа // Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. – С. 370-381.
103. Гуревич П.П. Философия культуры. М.: Аспект Пресс, 1995. – 288 с.
104. Данилова Н.К. «Знаки субъекта» в дискурсе. Самара: Изд-во «Самарский ун-т», 2001. – 228 с.
105. Дейк ван Т., Кинч В. Стратегия понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике / Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – Вып.23. – С.37-41.
106. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – 237с.
107. Дементьев В.В. Изучение речевых жанров: обзор работ в современной русистике // Вопросы языкознания. – 1997. - №1. – С.109-121.
108. Дементьев В.В. Фатические речевые жанры // Вопросы языкознания. 1997. № 1. – С.34-44.
109. Дементьев В.В. Седов К.Ф. Социопрагматический аспект теории речевых жанров. Саратов, 1998. – 155 с.
110. Дементьев В.В. Вторичные речевые жанры: онтология непрямой коммуникации // Жанры речи-2. Саратов, 1999. – С.31-46.
111. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация и ее жанры. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. – 246 с.
112. Демецкая В.В. Кросс-культурный анализ проповеди как тип текста // Мова і культура. (Науковий щорічний журнал). – К.:Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2004. – Вип. 7.- Т.IV.Ч.1. Лінгвокультурологічна інтерпретація тексту. – С. 24-30.

113. Демьянков В.З. Фрейм // *Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г.* Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. – С. 187-189.
114. Демьянков В.З. Лингвистическая интерпретация текста: универсальные и национальные (идиоэтнические) стратегии // *Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова.* М.: Языки славянской культуры, 2001. – С. 309-323.
115. Денисова С.П. Зіставний аналіз художнього та публіцистичного тексту. // *Актуальные проблемы вербальной коммуникации: язык и общество.* Сборн. научн. трудов под ред. Л.А. Кудрявцевой. – К.: КНУ им. Т. Шевченко, 2004. – С. 301-307.
116. Дерпак О.В. Конфронтативні мовленнєві жанри: комунікативно-прагматичний та мовний аспекти (на матеріалі української, англійської та польської мов): Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Київ, 2005. – 16 с.
117. Дмитриева О.А. Дискурс психологического консультирования // *Основное высшее и дополнительное образование: проблемы дидактики и лингвистики.* Вып. 1. Волгоград: Политехник, 2000. – С. 92-95.
118. Долинин К.А. Интерпретация текста. М.: Просвещение, 1985. – 288 с.
119. Долинин К.А. Речевые жанры как средство организации социального взаимодействия // *Жанры речи-2.* Саратов, 1999. – С.7-13.
120. Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. – М.: Наука, 1984. – 320 с.
121. Духовный регламент. М., 1904. – 350 с.
122. Дьяченко Г., протоиерей. Полный Церковно-славянский словарь. *Репринтное воспроизведение издания 1900 г.* М.: Издательство «Отчий дом», 2002. – 1120 с.
123. Еемерен Ф.Х., Гроотендорст Р. Аргументация, коммуникация и ошибки. СПб.: Васильевский остров, 1992. – 208 с.

124. Єрмоленко С. Нариси з української словесності. Стилїстика та культура мови. – К., 1999. – 270 с.
125. Жаботинская С.А. Концептуальный анализ: типы фреймов // Когнитивная семантика: Мат-лы 2-й междунар. школы-семинара по когнитивной лингвистике. Ч. 2. Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2000. – С.10-13.
126. Жанры речи. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. – 212 с.
127. Жанры речи: Сборник научных статей. – Саратов: Изд-во Государственного учебно-научного центра «Колледж», 1999. – 287 с.
128. Жанры речи: Сборник научных статей. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2002. Вып. 3. – 318 с.
129. Жданова Л.А., Ревзина О.Г. «Культурное слово» *милосердие* // Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Наука, 1991. – С. 56-61.
130. Жельвис В.И. Эмотивный аспект речи. Психолингвистическая интерпретация речевого воздействия. Ярославль: Яросл. гос. пед. ин-т, 1990. – 81 с.
131. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М.: Рос. гос. гуманитар. Ун-т, 1999. – 382 с.
132. Залевская А.А. Текст и его понимание. Тверь: Изд-во Твер. гос. ун-та, 2001. – 177 с.
133. Зернецкий П.В, Лингвистические аспекты теории речевой деятельности // Языковое общение: Процессы и единицы. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1988. – С.36-41.
134. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М.: Наука, 1973. – 351.с.
135. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М.: Наука, 1982. – 366 с.

136. Иванова Л.П. Функциональные стили современного русского литературного языка. – К.: КГПИ, 1990. – 40 с.
137. Иванова Л.П. Структурно-функциональный анализ простого предложения: Монография. – К.: Выща школа, 1991. – 168 с.
138. Иванова Л.П. Структура и роль фоновых знаний в восприятии художественного текста // Национально-культурный компонент в тексте и языке: Тезисы докладов Международной научной конференции. – Ч. 1. – Минск: Універсітэцкае, 1994. – С. 118-120.
139. Ивин А.А. Основы теории аргументации. – М.: Изд. центр ВЛАДОС, 1997. – 352 с.
140. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – Омск, 1999. – 195с.
141. Казакова О.А. Система речевых жанров в дискурсе Диалектоносителя. // Национально-культурный компонент в тексте и языке: материалы докл. III Междунар. научн. конф. под эгидой МАПРЯЛ, Минск, 7-9 апр. 2005 г.: В 3 ч. Ч. 2., - С. 235-237.
142. Канке В.А. Основы философии: Учебник. – М.: Логос; Высшая школа, 1999. – 320 с.
143. Капишникова А.В. Лингвистические средства управления дискурсом: (На материале американских радиопередач ток-шоу): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. – 23 с.
144. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием: Учебное пособие – К.: Орияны, 2003. – 500 с.
145. Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: Ин-т языкозн. РАН, 1992. – 125 с.
146. Карасик В.И. О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: Сб. науч. тр. Волгоград; Саратов: Перемена, 1998. – С. 185-197.

147. Карасик В.И. Религиозный дискурс // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 1999. – С. 5-19.
148. Карасик В.И. Структура институционального дискурса // Проблемы речевой коммуникации. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. – С. 25-33.
149. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Москва: Гнозис, 2004. – 390 с.
150. Касенкова Т.Н. Речевые стратегии как модуляции перспективы языкового отображения мира: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2000. – 27 с.
151. Кашкин В.Б. Введение в теорию коммуникации: Учеб. пособие. Воронеж: Воронеж. гос. техн. ун-т, 2000. – 175 с.
152. Каштанова Е.Е. Лингвокультурологические основания русского концепта *любовь* (аспектный анализ): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1997. – 23 с.
153. Кириллова И.А. Сфера науки // Хорошая речь. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2001. – С. 69-84.
154. Клоков В.Т. Символика и язык в пространстве // Филология. Вып. 2. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1998. – С. 5-19.
155. Кобозева И.М. Основы теории речевых актов: „Теория речевых актов” как один из вариантов теории речевой деятельности // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17. Теория речевых актов. – М: Прогресс, 1986. – С.5-21.
156. Ковалевська Т.Ю. Реклама як маніпулятивний дискурс. // Актуальные проблемы вербальной коммуникации: язык и общество. Сборн. научн. трудов под ред. Л.А. Кудрявцевой. – К.: КНУ им. Т. Шевченко, 2004. – С. 51-56.
157. Кожин А.Н., Крылова О.А., Одинцов В.В. Функциональные типы русской речи. – М., 1982. – С.122.

158. Кожина М.Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики. – Пермь, 1966. – С.162.
159. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. – М., 1983. – С.49.
160. Кожина М. Речеведческий аспект теории языка // *Stylistyka slowianska. – Slavic Stylistics. VII 1988. Polish Academy of sciences. – Opole University. – P.5-31.*
161. Кожина М.Н. Речевой жанр и речевой акт (некоторые аспекты и проблемы) // *Жанры речи-2. Саратов, 1999. – С.52-61.*
162. Козловская Л.А. К вопросу о временном коде в славянском лингвокультурологическом пространстве. // *Национально-культурный компонент в тексте и языке: материалы докл. III Междунар. научн. конф. под эгидой МАПРЯЛ, Минск, 7-9 апр. 2005 г.: В 3 ч. Ч. 2., - С. 52-153.*
163. Козьмина В.Н. Языковая реализация гибких коммуникативных тактик в английском диалоге: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. СПб., 2001. – 20 с.
164. Колшанский Г.В. Паралингвистика. М. Наука. 1974. – 110с.
165. Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. – М.: Рус. язык, 1984. – 225 с.
166. Конспект по гомилетике для 3-го класса. МДС. Загорск. Лавра-Семинария, 1970. – 92с.
167. Космеда Т. Аксіологічні аспекти прагмалінгвістики: формування і розвиток категорії оцінки. – Львів:ЛНУ ім.Івана Франка, 2000. – 350 с.
168. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Современный русский язык и культурная память // *Этнокультурная специфика речевой деятельности: Сб. обзоров. М.: ИНИОН РАН, 2000. – С. 23-36.*
169. Кохташвили Н.И. Семантические характеристики концепта «подвиг» // *Языковая личность: проблемы когнициии и коммуникации. Волгоград: Колледж, 2001. – С. 122-126*

170. Кошелев А.Д. О языковом концепте «долг» // Логический анализ языка: Языки этики. М.: Школа «Яз. рус. культуры», 2000. – С. 119-124.
171. Кравченко Н.К. Международно-правовой дискурс (когнитивно-коммуникативный анализ). // Актуальные проблемы вербальной коммуникации: язык и общество. Сборн. научн. трудов под ред. Л.А. Кудрявцевой. – К.: КНУ им. Т. Шевченко, 2004. – С. 327-331.
172. Кравченко Н.К. Особенности дискурса как лингвистического явления. Мова і культура. (Науковий щорічний журнал). – К.: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2004. – Вип. 7. – Т.IV.Ч.2. Лінгвокультурологічна інтерпретація тексту. – С.5-11.
173. Красильникова Л.В. Жанр научной рецензии: семантика и прагматика. М.: Диалог-МГУ, 1999. – 139 с.
174. Краткая русская грамматика / Белоусов В.Н., Ковтунова И. И., Кручинина И.Н., и др.; под ред. Шведовой Н.Ю. и Лопатина В.В. – М.: Рус. яз., 1989. – 639 с.
175. Крейдлин Г.Е. Риторика позы // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова. М.: Языки славянской культуры, 2001. – С. 207-216.
176. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 592 с.
177. Крылова О.А. Существует ли церковно-религиозный функциональный стиль в современном русском литературном языке? // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – С. 107-117.
178. Крысин Л.П. Речевое общение и социальные роли говорящих // Социально-лингвистические исследования. – М.: Наука, 1976. – С.42-52.
179. Крысин Л.П. Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского

- литературного языка // Поэтика. Стилистика. Язык и культура: Сб. памяти Т.Г. Винокур. М.: 1996. – С. 135-138.
180. Кубрякова Е.С. Концепт // *Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г.* Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. – С. 90-93.
181. Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (Обзор) // *Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: Сб. обзоров.* М.: ИНИОН РАН, 2000. – С. 7-25.
182. Кудрявцева Н. Гармония ароматов: Аромотерапия // *Новый акрополь – 1999 - № 1.* – С. 95-97.
183. Кузнецова А.В. Категории пространства и времени в лирическом универсуме М.Ю. Лермонтова. // *Национально-культурный компонент в тексте и языке: материалы докл. III Междунар. научн. конф. под эгидой МАПРЯЛ, Минск, 7-9 апр. 2005 г.: В 3 ч. Ч. 2.* – С. 23-24.
184. Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка. – М., 1982. – С. 104-110.
185. Кузьминская С.И. Фоновые знания в массовой культуре: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2002. – 20 с.
186. Куликова В.Г. Комуникативно-прагматичні особливості спонукальних мовленнєвих актів (на матеріалі французької мови) // *Вісник Київського лінгвістичного університету. – Серія Філологія. – Т.2. – 1999. - №2. – С.145-152.*
187. Кураев А., диакон. *Женщина в Церкви.* М., 2004. – 80 с.
188. Курикова Н.В. Модель времени в диалектной картине мира. // *Национально-культурный компонент в тексте и языке: материалы докл. III Междунар. научн. конф. под эгидой МАПРЯЛ, Минск, 7-9 апр. 2005 г.: В 3 ч. Ч. 2.* – С. 239-240.
189. Лабунская В.А. Невербальное поведение. – Ростов н/Д., 1986. – 230с.

190. Лалаева Д.И. Лексика и фраземика обрядового времени. // Национально-культурный компонент в тексте и языке: материалы докл. III Междунар. научн. конф. под эгидой МАПРЯЛ, Минск, 7-9 апр. 2005 г.: В 3 ч. Ч. 2. – С. 241-242.
191. Лаптева О.А. Устная публичная речь // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – С.540-541.
192. Левицкий Ю.А. Проблема типологии текстов. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998. – 106 с.
193. Леонтьев А.А. Психология общения. – Педагогика, 1983. – 213 с.
194. Лившиц Т.Н. К вопросу о жанровых разновидностях рекламных текстов // Восточноукраинский лингвистический сборник. Вып. 7. Донецк: Донеччина, 2001. – С. 389-400.
195. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
196. Листрова-Правда Ю.Т. Концепт БОГ в языковом сознании русского народа // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2001. – С. 93-102.
197. Лотман Ю.М. Текст в тексте // Лотман Ю.М. Избр. Ст. В 3-х т. Т. 1. – Таллин, 1996. – С.178-191.
198. Лука, архиепископ (Войно-Ясенецкий). Дух, Душа и Тело. – М.: Изд-во ПСТБИ, 1997. – 137 с.
199. Лурия А.Р. Язык и сознание. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. – 336 с.
200. Лухъенбурс Д. Дискурсивный анализ и схематическая структура // Вопросы языкознания. – 1996. – № 2. – С. 141 – 155.
201. Макаров М.Л. Коммуникативная структура текста. Тверь: Изд-во Твер. ун-та, 1990. – 52 с.
202. Макаров М.Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. Тверь: Изд-во Твер. ун-та, 1998. – 200 с.

203. Малинович Ю.М. Экспрессия и смысл предложения: проблемы эмоционально-экспрессивного синтаксиса. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1989. – 216 с.
204. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учебное пособие. М.: Академия, 2001. – 208 с.
205. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: Учебное пособие. Мн.: ТетраСистемс. 2004. – 256 с.
206. Маслыко Е.А. Невербальные компоненты коммуникации. М. 1980. – 170 с.
207. Мацько Л.І. Стилїстика української мови: Підручник / Л.І. Мацько, О.М. Сидоренко, О.М. Мацько; За ред. Л.І. Мацько. – К.: Вища шк., 2003. – 462 с.
208. Медвідь Н.В. Роль риторичних прийомів у переконувальній комунікації. // Актуальные проблемы вербальной коммуникации: язык и общество. Сборн. научн. трудов под ред. Л.А. Кудрявцевой. – К.: КНУ им. Т. Шевченко, 2004. – С. 180-181.
209. Мейендорф И. История Церкви и восточно-христианская мистика / Сост. и общ. ред. И.В. Мамаладзе. М.: Институт ДИ-ДИК, 2000. – 576 с.: ил. – Серия «Древо».
210. Меликян С.В. Речевой акт молчания в структуре общения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2000. – 23 с.
211. Мечковская Н.Б. Язык и религия. М.: ФАИР, 1998. – 352 с.
212. Мещеряков В.Н. Единицы текстообразования. – Сумы.: Изд-во СГПИ им. А.С. Макаренко, 1990. – 47 с.
213. Милованова Ж.В. Жанрово-речевые особенности педагогического дискурса // Языковая личность: жанровая речевая деятельность: Тез. докл. науч. конф. Волгоград: Перемена, 1998. – С. 63-64.
214. Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. – 151 с.

215. Миронова Н.Н. Оценочный дискурс: проблема семантического анализа // Изв. АН СЛЯ, 1997. Т. 56. № 4. – С. 52-59.
216. Михеев М.Ю. Отражение слова «душа» в наивной мифологии русского языка (опыт размытого описания образной коннотативной семантики) // Фразеология в контексте культуры. М.: Школа «Яз. рус. культуры», 1999. – С.145-158.
217. Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. М.: Акад. Проект, 2001. – С. 45-97.
218. Наер В.Л. К проблеме жанра в системе функционально-стилевой дифференциации языка // Стилистические аспекты устной и письменной коммуникации. – Вып.286. – М.: Рус. яз. 1987. – С. 45-59.
219. Настольная книга священнослужителя. Т.5. М. 1986. – 814 с.
220. Николаева Т.М. От звука к тексту. М.: Школа «Яз. рус. культуры», 2000. – 680 с.
221. Новый завет. Ника. Житомир, 2003. – 768 с.
222. Норман Б.Ю. Понятие высказывания по Бахтину. К формированию научной парадигмы // *Bahtin in humanisiche vede. (Zbornik prispevkov z mednarodnega simpozija v Ljubljani, 19-21 Oktober 1995.)* Ljubljana, 1997. – S. 56-63.
223. Носенко Э.Л., Стародубцева Т.В. Эмоциональная вариативность речи и ее устные и письменные корреляты // Языковая норма и вариативность. – Днепропетровск, 1981. – С.94-104.
224. Одинцов В.В. Стилистика текста. – М.: Наука, 1960. – 240 с.
225. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Изд. 21. – М.: Рус.яз., 1989. – 921 с.
226. Орлова Н.В. Жанры разговорной речи и их «стилистическая обработка». К вопросу о соотношении стиля и жанра // Жанры речи. Саратов, 1997. – С. 51-56.

227. Осипов А.И. Путь разума в поисках истины. (Основное богословие.) – М.: 1999. – 384 с.
228. Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17. Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – С.22-131.
229. Папина А.Ф. Происхождение славянской письменности. Учебное пособие для гимназий и студентов высших учебных заведений. – Обнинск, 1997. – 205 с.
230. Папина А.Ф. Текст: его единицы и глобальные категории. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 368 с.
231. Паповянец Э.Г. Речевые акты запрета и их семантическая классификация // Актуальні проблеми теорії комунікації та викладання іноземних мов. – Вісник Харк. держ. ун-ту. – № 390. Харків: Константа, 1997. – С. 121-123.
232. Паторжинский М. История русского церковного проповедничества. – К., 1891. – 410 с.
233. Петрищева Е.Ф. Стилистически окрашенная лексика русского языка. – М.: Наука, 1984. – 222 с.
234. Печенкина О.Ю. Содержание концептов БОГ и СУДЬБА в текстах пословиц и поговорок, собранных В.И. Далем: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2001. – 16 с.
235. Пиз А. Язык телодвижений. Как читать мысли других по их жестам. – Нижний Новгород, 1992. – 270 с.
236. Піщікова К.В. Стратегії домінування в аргументативному дискурсі: гендерний аналіз (на матеріалі англійської мови): Автореф. дис. ... канд. філол. наук. – К., 2002. – 20 с.
237. Плотникова С.Н. Неискренний дискурс (в когнитивном и структурно-функциональном аспектах). Иркутск: Изд-во Иркут. гос. лингв. ун-та, 2000. – 244 с.

238. Плужников М.П. Рязанцев С. Среди запахов и звуков. М. Молодая гвардия. 1991. – 270 с.
239. Пономаренко И.Н. Основа сущностного содержания концепта «святость» в русском языке и культуре. // Национально-культурный компонент в тексте и языке: материалы докл. III Междунар. научн. конф. под эгидой МАПРЯЛ, Минск, 7-9 апр. 2005 г.: В 3 ч. Ч. 2. – С.162-164.
240. Почепцов Г.Г. Молчание как речевой акт или how to do things without words // Коммуникативные единицы языка: Сб. науч. трудов. – М., 1985. – Вып. 252. – С. 43-52.
241. Почепцов Г. Теория коммуникации. – М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2001. – 656 с.
242. Почепцов О.Г. Комуникативний статус як параметр мовленнєвої взаємодії // Мовознавство. – 1989. - №4. – С. 40-45.
243. Почепинская С.М. Факторы понимания в процессе коммуникации. // Актуальные проблемы вербальной коммуникации: язык и общество. Сборн. научн. трудов под ред. Л.А. Кудрявцевой. – К.: КНУ им. Т. Шевченко, 2004. – С. 190-195.
244. Прохватилова О.А. Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, - 1999. – 364 с.
245. Пшенина Т.Е. Дискурсное описание языковой личности Катулла: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алматы, 2000. – 31 с.
246. Радзієвська Т.В. Сумління й совість крізь призму української мови // Мовознавство. 1999. № 1. – С. 31-39.
247. Радзієвська Т.В. Комуникативні стереотипи і сучасний газетний дискурс. // Актуальные проблемы вербальной коммуникации: язык и общество. Сборн. научн. трудов под ред. Л.А. Кудрявцевой. – К.: КНУ им. Т. Шевченко, 2004. – С. 77-82.
248. Рождественский Ю.В. Теория риторики. М.: Добросвет, 1997. – 600 с.

249. Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. – М., 1987. – С.223.
250. Розенталь Д.Э. Управление в русском языке: Словарь справочник. – М., 1997. – 440 с.
251. Руберт И.Б. Текст и дискурс: к определению понятий // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: Сб. науч. тр. СПб.: Изд-во С. Петерб. гос. ун-та. экономики и финансов, 2001. – С. 23-38.
252. Рудякова В.М. Стратегии авторитарного дискурса (на материале английского языка) // Вісник Харківського державного університету. Серія Романо-германська Філологія. - № 435. – Харків.: Константа, 1999. – С. 135-139.
253. Русанівський В.М. Історія української літературної мови. Підручник. – К.: АртЕк, 2001. – 392 с.
254. Рюкле Х. Ваше тайное оружие в общении. Мимика, жест, движение. – М., 1996. – 340 с.
255. Сагач Г.М., Юніна О.А. Загальна риторика. – К.: Наукова думка, 1992. – 260 с.
256. Саракаева Э.А. Психолінгвістический анализ миссионерских текстов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2000. – 24 с.
257. Сафина Е.В. Анализ концептов ДУШИ и ДУХА в русской языковой картине мира // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы: Тез. Междунар. Конф. Т. 2. М: Изд-во Моск. ун-та, 1995. – С. 457-458.
258. Сахарова О.В. До проблеми вивчення урбаністичних мовленнєвих жанрів. // Актуальные проблемы вербальной коммуникации: язык и общество. Сборн. научн. трудов под ред. Л.А. Кудрявцевой. – К.: КНУ им. Т. Шевченко, 2004. – С. 211-214.
259. Седов К.Ф. Жанр и коммуникативная компетенция // Хорошая речь. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2001. – С. 107-117.

260. Селіванова О.О. Актуальні напрямки сучасної лінгвістики (аналітичний огляд) К.: Видавництво Українського фітосоціологічного центру, 1999. – 148 с.
261. Селиванова Е.А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации. К. Фитосоциоцентр. – 2002. – 336 с.
262. Селиванова Е.А. Фразеосистема языка как «осадочный» дискурс: параметры самоорганизации. // Национально-культурный компонент в тексте и языке: материалы докл. III Междунар. научн. конф. под эгидой МАПРЯЛ, Минск, 7-9 апр. 2005 г.: В 3 ч. Ч. 2. – С.130-131.
263. Селиверстова О.Н. Местоимение в языке и речи. – М.: Наука, 1989. – 267 с.
264. Селиверстова О.Н. Контрастивная синтаксическая семантика: Опыт описания. – М.: Наука, 1990. – 340 с.
265. Сенічева О.А. Текст як лінгвістичне та екстралінгвістичне явище. // Актуальные проблемы вербальной коммуникации: язык и общество. Сборн. научн. трудов под ред. Л.А. Кудрявцевой. – К.: КНУ им. Т. Шевченко, 2004. – С. 377-380.
266. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. – 56 с.
267. Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса: Пер. с франц. и португ. М.: Прогресс, 1999. – С. 14-53.
268. Сёрль Дж. Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. 1986. Вып. 17. – С. 151-169.
269. Сергиева Н.С. Отражение пространственно-временных моделей в русском языковом сознании. // Национально-культурный компонент в тексте и языке: материалы докл. III Междунар. научн. конф. под эгидой МАПРЯЛ, Минск, 7-9 апр. 2005 г.: В 3-х ч. Ч. 2. – С.76-79.

270. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17. Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – С.170-195.
271. Серль Дж. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17. Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986. – С. 195-222.
272. Сидельников В.П. Экстралингвистические факторы функционирования и развития языка. // Актуальные проблемы вербальной коммуникации: язык и общество. Сборн. научн. трудов под ред. Л.А. Кудрявцевой. – К.: КНУ им. Т. Шевченко, 2004. – С. 222-227.
273. Сиротинина О.Б. Тексты, текстоиды, дискурсы в зоне разговорной речи // Человек – Текст – Культура. Екатеринбург, 1994. – С. 105-124.
274. Сиротинина О.Б. Что и зачем нужно знать учителю о русской разговорной речи: Пособие для учителя. М.: Просвещение; Учеб. лит., 1996. – 175 с.
275. Сиротинина О.Б. Некоторые размышления по поводу терминов «речевой жанр» и «риторический жанр» // Жанры речи-2. Саратов, 1999. – С. 26-31.
276. Сиротинина О.Б. Хорошая речь. – Саратов. Изд-во Саратов. гос. ун-та, 2001. – С.102-113 с.
277. Скредина Л.М. Время оперативное и время перевернутое (Г. Гийом и П. Флоренский) // Язык и время. V Соловецкий форум. Тез. докл. Архангельск, 1993. – С. 3-7.
278. Словарь сочетаемости слов русского языка. Под. ред. Денисова Н.П., Морковкина В.В., 2-е изд. – М., 1983. – 600 с.
279. Слухай Н.В. Художественный образ в аспекте лингвистики текста. Симферополь: Крымское учебно-педагогическое государственное издательство, 2000. – 92 с.

280. Солганик Г.Я. Лексика газеты: Функциональный аспект. – М., 1981. – С.64-71.
281. Сопер П.Л. Основы искусства речи. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. – 448 с.
282. Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста. – М.: Наука, 1986. – 212 с.
283. Сперанский М.М. Правила высшего красноречия. – М., 1844. – 330 с.
284. Степанов Ю.С. В поисках прагматики. (Проблема субъекта.) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1981. № 40/4. – С.76-93.
285. Стернин И.А. Коммуникативные ситуации. – Воронеж: Изд-во ВГПУ, 1993. – 145 с.
286. Стернин И.А. Некоторые жанровые особенности мужского коммуникативного поведения // Жанры речи-2. Саратов, 1999. – С. 66-78.
287. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2001. – 252 с.
288. Сухих С.А. Типология языкового общения // Язык, дискурс и личность. – Тверь, 1990. – С. 45-50.
289. Тарасова И.П. Структура личности коммуниканта и речевое воздействие // Вопросы языкознания. – 1993. - №5. – С.70-81.
290. Тихонов С.Е. Н.В. Гоголь или Д. Карнеги (Практика и теория эффективного общения) // Культура общения и ее формирование. – Воронеж, 1998. – 390 с.
291. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. – М.: Наука, 1983. – С. 227 – 285.
292. Триедин Н. Принципы красноречия и проповедничества. – К., 1915. – 280 с.
293. Трошина Н.Н. Стилистические параметры текстов массовой коммуникации // Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. – М.: Наука, 1990. – С. 62 – 68.

294. Труфанова И.В. О разграничении понятий: речевой акт, речевой жанр, речевая стратегия, речевая тактика // Филологические науки. – 2001. - №3. – С.56-65.
295. Тураева З.Я. Категория времени. Время грамматическое и время художественное. – М.: Высшая школа, 1979. – 220 с.
296. Тураева З.Я. Лингвистика текста (текст: структура и семантика). М.: Просвещение, 1986. – 327 с.
297. Українська мова: Енциклопедія. – Київ: “Українська енциклопедія” ім. М.П. Бажана, 2000. – 610 с.
298. Урусова Р.А. Семантическое наполнение концепта «смерть» в русском языковом сознании // Говорящий и слушающий: языковая личность, текст, проблемы обучения: Мат-лы Междунар. науч.-метод. конф. СПб.: Изд-во «Союз», 2001. – С. 325-328.
299. Фаворов Н. прот. Руководство к церковному собеседованию или Гомилетика. К. 1897. – 199 с.
300. Федонюк В.Е. Категория оценки и выразительные возможности языка (к постановке проблемы). // Актуальные проблемы вербальной коммуникации: язык и общество. Сборн. научн. трудов под ред. Л.А. Кудрявцевой. – К.: КНУ им. Т. Шевченко, 2004. – С. 102-105.
301. Федорова Л.Л. Типология речевого воздействия и его место в структуре общения // Вопросы языкознания. – 1991. - №6. – С.46-50.
302. Федосюк М.Ю. Комплексные жанры разговорной речи: «утешение», «убеждение» и «уговоры» // Русская разговорная речь как явление русской культуры / Под ред. Т.В. Матвеевой. – Екатеринбург: Арго, 1996. – С.73-94.
303. Федосюк М.Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. – 1997. - №5. – С.102-120.
304. Федосюк М.Ю. Семантика существительных речевой деятельности и теория жанров речи // Русское слово в языке, текст и культурной среде / Под ред. И.Т. Вепревой. – Екатеринбург: Арго, 1997. – С.60-73.

305. Феодосий еп. Гомилетика. Теория церковной проповеди. МДА. Сергиев Посад. 1999. – 260 с.
306. Филлипс Л., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод. – Харьков: Гуманитарный центр, 2004. – 325 с.
307. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. 1988. Вып. 22. – С. 52-92.
308. Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 570 с.
309. Фурс В. Уплыў царкоунаславянскага тэксту на праваслаўныя беларускія переклады святога пісьма // Национально-культурный компонент в тексте и языке. Материалы докл. III Междунар. науч. конф. под эгидой МАПРЯЛ, Минск, 7-9 апреля 2005 г. В 3-х ч. Ч. 1 /отв. редакторы А.В. Зубов, С.М. Прохорова. – Минск.: МГЛУ, 2005. – 266 с.
310. Храковский В.С., Володин А.В. Семантика и типология императива. Русский императив. – Л.: Наука, 1986. – 272 с.
311. Хромов В.В. Изобразительная сила звука // Наука и жизнь. – 1975. - № 10. – С.86.
312. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. – М.: Наука, 1991. – 240 с.
313. Чепик М. Опыт полного курса гомилетики. - М., 1898. – 430 с.
314. Чернявская В.Е. Дискурс как объект лингвистических исследований // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: Сб. науч. тр. СПб.: Изд-во С-Петербур. гос. ун-та экономики и финансов, 2001. – С. 11-22.
315. Черняховская Л.А. Смысловая структура текста и ее единицы // Вопросы языкознания. 1983. № 6. – С. 117-126.
316. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. – М., «Просвещение», 1972. – 368 с.
317. Шапиро А.Б. Русское правописание. М., 1951. –148 с.

318. Шмелева Т.В. Кодекс речевого поведения // Русский язык за рубежом. – 1983. - №1. – С.72-77.
319. Шмелева Т.В. Речевой жанр: опыт общелингвистического осмысления // Collegium. – 1995.- № 1-2. – С.57-65.
320. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1997. – С. 88-98.
321. Щурина Ю.В. Речевые жанры комического // Жанры речи-2. Саратов, 1999. – С. 146-157.
322. Юрьевский А. Гомилетика. – Киев., 1903. – 312 с.
323. Яворська Г.М. Мовні концепти кольору. До проблеми категоризації // Мовознавство. 1999. № 2-3.
324. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). – М.: Гнозис, 1994. – 384 с.
325. Яковлева Е.С. О панятии «культурная память» в применении к семантике слова // Вопросы языкознания. М. 1998. № 3. – С. 43-73.
326. Austin J.L. How to Do Things With Words. Oxford, 1962. – 410 p.
327. Auer P. Sprachliche Interaktion. (Eine Einfuehrung anhand von 22 Klassikern.) Tuebingen, 1999. – 180 s.
328. Beaugrande R. *de*. Text, Discourse and Process: Toward a Multidisciplinary Science of Text. Norwood: Ablex, 1980. – 351 p.
329. Beaugrande R. *de*, Dressler W. Einfuehrung in die Textlinguistik. Tuebingen: Niemeyer, 1981. – 290 S.
330. Blakar R.M. Language as a Means of Social Power // Pragmalinguistics. – Hague-Paris: Mouton, 1979. – P.131-169.
331. Brown G., Yule G. Discourse Analysis. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1983. – 288 p.
332. Brown P., Fraser C. Speech as a Marker of Situation // Social Markers in Speech. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. – P. 33-62.

333. Brown P., Levinson S. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 345 p.
334. Cicourel A.V. *Doctor-Patient Discourse // Handbook of Discourse Analysis* / ed. by T. A. van Dijk. New York, 1985. – 489 p.
335. Dobrzynska T. *Tekst // Encyklopedia kultury polskiej XX wieku. Wspolczesny jezyk polski*. – Wroclaw, 1993. – S.283-304.
336. Fairclough N. *Discourse and Social Change*. – Cambridge: Polity Press, 1992. – 520 p.
337. Fairclough N. *Discourse and Text: Linguistic and Intertextual Analysis within Discourse Analysis // Discourse and Cociety*. 1992. N 3. – P. 192-217.
338. Friedrich J. *Der Gehalt der Sprachform. (Paradigmen von Bachtin bis Vygotskij)*. Berlin, 1993. – 380 s.
339. Gaida S. *Gatunki wypowiedzi potocznych // Jezyk potoczny jako przedmiot badan jezykoznawczych / Red. Gaida S., Adamiszyn Z.* – Opole, 1991. – S.69-78.
340. Goffman E. *Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience*. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1974. – 586 p.
341. Grice H. P. *Logic and Conversation // Cole P., Morgan J. (Hrsg): Syntax and Semantics. (Vol. 3: Speech Acts.)* New York; San Francisco; London, 1975. – 252 p.
342. Halliday M.A.K. *Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning*. London: Arnold, 1978. – 256 p.
343. Hasan R. *Ways of Saying, Ways of Meaning // The Semiotics of Culture and Language*. London: Pinter, 1984. Vol. 1. – P. 105-162.
344. Sabini J., Silver M. *The Not Altogether Social Construction of Emotions: A Critique of Harre and Gillett // The Theory of Social Behavior*. – Vol. 28. – No.3. – Oxford, Boston: Blackwell Publishers, 1998. – P.223-235.
345. Schiffrin D. *Discourse Markers*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1987. – 364 p.

346. Schiffrin D. Approaches to Discourse. Oxford: Oxford University Press, 1994. – 314 p.
347. Slembrouck S. What is Meant by «Discourse Analysis»? // <http://bank.rug.ac.be/da/da.htm> 2002.
348. Stubbs M. Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language. Oxford: Blackwell, 1983. – 272 p.
349. The Linguistics Encyclopedia / ed. by Kristen Malmkjaer. London and New York. – New York: Routledge, 2001. – 575 p.
350. Wodak R. Disorders of Discourse. London and New Yourk: Longman, 1996. – 200 p.
351. Wunderlich D. (Hrsg.) Linguistische Pragmatik. Wiesbaden, 1972. – 367s.